

Л. В. Кондратюк, В. С. Овчинский

Криминологическое измерение

*Под редакцией
заслуженного деятеля науки Российской Федерации,
доктора юридических наук, профессора
К. К. Горяинова*

Издательство НОРМА
Москва, 2008

УДК 343.9.01
ББК 67.511
К64

Авторы:

Кондратюк Леонид Васильевич, кандидат юридических наук,
доцент;

Овчинский Владимир Семенович, доктор юридических наук.

Кондратюк Л. В., Овчинский В. С.
К64 Криминологическое измерение / Под ред. К. К. Горяинова. — М. : Норма, 2008. — 272 с.

ISBN 978-5-468-00218-6 (в пер.)

Авторы рассматривают методологические проблемы криминологического измерения, информационную модель преступности и систему ее криминологических показателей, возможности измерения криминотропных рисков и «цены» преступности.

Для всех интересующихся проблемами борьбы с преступностью.

УДК 343.9.01
ББК 67.511

*В оформлении обложки использован
рисунок Леонардо да Винчи «Наблюдатель»*

ISBN 978-5-468-00218-6 © Кондратюк Л. В., Овчинский В. С., 2008
© ООО «Издательство НОРМА», 2008

Надо измерять все измеримое
и делать измеримым то, что пока
еще не поддается измерению.

Галилео Галилей

Введение

Криминологическое измерение — это особый взгляд на человека, на основание его деструктивного поведения, перерастающего в конкретные преступные акты. Это одновременно и особый взгляд на общество, порождающее преступность, живущее и борющееся с ней.

Криминологическое измерение — это и конкретные способы познания преступности как социального явления и как свойства человека.

В отечественной криминологии сложилась апробированная система методов измерения преступности, которые используются в правоохранительной практике. Но, как и в каждой отлаженной системе, в системе методов измерения преступности кроме плюсов есть и минусы. Последние заключаются в том, что понятийный аппарат и методология часто не дают выйти за устоявшиеся «рамки» анализа, взглянуть на объект анализа с иных, непривычных позиций.

Авторы предлагаемой работы как раз и пытаются это сделать. Причем эта попытка является не сиюминутным, случайным актом с целью выделиться из общего потока криминологических публикаций. Предлагаемые научные подходы к измерению преступности — результат многолетних исследований и размышлений авторов.

Решение, казалось бы, частных вопросов измерения преступности потребовало обращения к фундаментальным методологическим проблемам науки криминологии — понятию преступности, возможностям и пределам ее познания с помощью различных методологических подходов.

В работе вводится такое понятие, как «криминотропные риски», делается попытка описать возможности их измерения. На основе системного анализа криминологических показателей

рассматривается возможность создания информационной модели преступности. Большое внимание уделено анализу такой недостаточно разработанной в отечественной криминологии проблемы, как «цена» преступности.

Авторы надеются, что предлагаемая работа привлечет внимание читателей, интересующихся современными проблемами криминологии.

Глава I. Методологические основы криминологического измерения

Большинство современных исследователей считают, что *методология представляет собой область специфического знания, особую познавательную установку по отношению к бытию, в конечном счете — к человеку*. Методология служит связующим звеном между конкретной наукой и общей мировоззренческой позицией (концентрирующейся в философии, теологии, идеологии).

Прав Т. Парсонс, считающий, что термин «методология» обозначает не методы эмпирических исследований, такие как статистика, монографическое исследование, интервью и т. п. Методология рассматривает общие основания достоверности научных положений и их систем. Как таковая она не является ни чистой наукой, ни философской дисциплиной. Конечно, она является областью науки, в которой научные системы подвергаются философской критике по поводу оснований их достоверности, но в то же время это и область, где философские аргументы, выдвигаемые в пользу или против достоверности научных положений, подвергаются критике в свете данных самой науки¹.

Победы и поражения конкретных наук зависят от выбора методологии, от того, насколько питающая ее философия соответствует изучаемой действительности. Так, если криминологи принимают за истину формулу, согласно которой человек — «социальное животное», то и зло человеческих деяний в его криминальном воплощении будут «искать» и «находить» в биологической природе человека или в природе общества. Если же человек будет взят во весь его «бытийный рост», т. е. с учетом всех элементов его исключительной природы, то здесь ведущим, действительно уникально-отличительным элементом является духовная составляющая человеческого бытия во взаимодействии с социальной и телесной. В этом случае сущность поведения человека, в том числе и криминального, определяется его собственным душевно-духовным состоянием, а также ду-

---

¹ См.: Парсонс Т. О. О структуре социального действия. М., 2000. С. 69.

ховным состоянием взаимодействующего с ним общества. «Зло начинается там, где начинается человек, — писал И. А. Ильин, — и притом именно не человеческое тело во всех его состояниях и проявлениях как таковых, а человеческий душевно-духовный мир — это истинное местонахождение добра и зла»¹.

Для определения методологических основ измерения преступности обратимся прежде всего к самому понятию этого явления.

§ 1. Понятие преступности в постсоветской криминологии

Если ограничиться анализом только *отечественной постсоветской* криминологической науки, то можно убедиться в том, что единства взглядов на понятие «преступность» здесь не просматривается. Можно условно выделить следующие подходы.

1. *Фундаментальный (доктринальный), или уголовно-правовой* (И. И. Карпец, В. Н. Кудрявцев, Н. Ф. Кузнецова, С. Я. Лебедев, В. В. Лунеев, Г. А. Аванесов, А. И. Алексеев, Ю. М. Антонян, С. М. Иншаков, Г. Ф. Хохряков, В. Е. Эминов и др.), согласно которому преступность — это уголовно-правовое и исторически изменчивое массовое негативное социальное явление, слагающееся из всей совокупности преступлений (представляющее собой систему преступлений), совершенных в соответствующем государстве (регионе) за тот или иной период времени².

Мы условно назвали этот подход «фундаментальным» (доктринальным), так как он в прямом смысле слова является фундаментом, на котором следует делать кладку из кирпичей познания.

---

¹ Ильин И. А. О сопротивлении злу силой. М., 2005. С. 23.

² См.: Карпец И. И. Преступность: иллюзии и реальность. М., 1992; Криминология. 2-е изд. / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой и В. В. Лунеева. М., 2004; Криминология. 2-е изд. / Под ред. В. Н. Кудрявцева и В. Е. Эминова. М., 2004; Хохряков Г. Ф. Криминология. М., 1999; Алексеев А. И. Криминология. 3-е изд. М., 2002; Иншаков С. М. Криминология. М., 2000; Антонян Ю. М. Криминология. Избранные лекции. М., 2005; Криминология / Под ред. Г. А. Аванесова. 4-е изд. М., 2006; Куранов С. И. Криминология: Учеб. пособие. 2-е изд. М., 2006; и др. Ю. М. Антонян к указанному определению добавляет еще один признак — «вечность преступности» (Антонян Ю. М. Криминология. Избранные лекции. С. 54).

Уголовно-правовой подход является стержневым для криминологии. Но его нельзя полностью отождествлять с криминологическим. В криминологической литературе неоднократно отмечалось, что следует отличать уголовно-правовое и криминологическое понятие преступления. Следует согласиться с С. И. Кургановым в том, что «криминология, изучая преступность как социальное явление, чувствует узость рамок доктринального подхода. Пытаясь их раздвинуть, она начинает рассматривать объекты вне поля зрения уголовного права, например латентную преступность. С уголовно-правовой точки зрения понятие “латентное преступление”, равно как и латентная преступность, внутренне противоречиво. Но без понятия латентности криминология будет иметь дело не с изучением преступности, а с исследованием вопроса, как система уголовной юстиции справляется с выявлением и регистрацией преступлений и наказанием преступников»¹.

2. *Девиантологический, или релятивно-конвенциональный* (Я. И. Гилинский). Под преступностью здесь понимается относительно распространенное (массовое) статистически устойчивое социальное явление, разновидность (одна из форм) девиантности, определяемая законодателем в уголовном законе. При этом предполагается, что в реальной действительности нет объекта, который был бы «преступностью» (или «преступлением») по своим внутренним, имманентным свойствам. Преступление и преступность согласно этому подходу — понятия релятивные (относительные), конвенциональные («договорные»), они суть социальные конструкты, лишь отчасти отражающие некоторые социальные реалии².

По сути данный подход весьма близок выводам П. Сорокина, который еще в 1913 г. писал: «Сравнивая конкретные акты, называемые преступными различными кодексами, оказывается, нельзя указать ни одного акта, который бы всеми кодексами считался таковым. Даже такие преступления, как убийство, и то не всегда и везде считаются за преступление»³.

Релятивно-конвенциональный подход действительно незаменим для познания преступности, особенно в период глобали-

¹ Курганов С. И. Указ. соч. С. 137—138.

² См.: Гилинский Я. И. Криминология. СПб., 2002; Он же. Девиантология. СПб., 2004.

³ Сорокин П. Преступление и кара, подвиг и награда. СПб., 1999. С. 95.

зации. Трудно не согласиться с мнением известного британского социолога З. Баумана, что именно в этот период разграбление ресурсов целых стран называется «развитием свободной торговли», лишение целых семей или сообществ средств к существованию — «сокращением» или просто «рационализацией». Причем, как подчеркивает З. Бауман, ни то, ни другое никогда не фигурировало в списке преступных и наказуемых деяний¹.

Между тем в гипертрофированном виде такой подход означает, что *злу как таковому отказывается в праве на объективное существование, а следовательно, и добру.*

Парадоксальным образом релятивно-конвенциональный подход в сочетании с идеологической предвзятостью может быть инструментом оправдания бесчинств власти, которые, естественно, этой преступной властью не могут быть криминализованы, но являются преступлениями по общечеловеческому духовному счету.

Любая власть вообще остается непогрешимой, поскольку общечеловеческая этико-правовая система координат, которая могла бы служить измерением злодеяний власти, по соображениям релятивизма отсутствует.

3. *Естественно-неконвенциональный* (Д. А. Шестаков). Вопреки «конвенциональному» подходу, в данном случае полагается, что преступление существует как таковое — независимо от «договоренности о запрете», достигнутой властями предержавшими, от закрепления запрета в законе. Согласно этому подходу круг преступлений очерчен мировыми религиями. Подлинному преступлению противостоит мнимое, т. е. предусмотренное законом, но неопасное для человека деяние².

По мнению Д. А. Шестакова, «под преступностью следует понимать свойство человека, социального института, общества отдельной страны, глобального общества воспроизводить множество опасных для окружающих людей деяний, проявляющееся во взаимосвязи преступлений и их причин, поддающееся количественной интерпретации и предопределяющее введение уголовно-правовых запретов»³.

¹ См.: Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М., 2004. С. 173.

² См.: Преступность среди социальных подсистем / Под ред. Д. А. Шестакова. СПб., 2003.

³ Шестаков Д. А. Криминология. 2-е изд. СПб., 2006. С. 136.

Данный подход Д. А. Шестаков отстаивает уже более 25 лет, но нельзя сказать, что он первым определил преступность как свойство человека и общества. Задолго до Д. А. Шестакова — в конце XIX — начале XX в. такой подход отстаивал в своих трудах один из родоначальников отечественной криминологии Д. А. Дриль. Проявлением свойства преступности он считал преступления¹.

Данный подход во многом похож на видение преступности одним из родоначальников криминологии Р. Гарофало, который сформулировал в конце XIX в. определение «естественного преступления», т. е. акта, который всегда и везде считался и был преступным².

Парадоксально, но факт: естественно-неконвенциональный подход — это прямое логическое продолжение подхода релятивно-конвенционального. Иными словами, оба подхода представляют некое единое целое. Ведь обозначить в законе преступными возможно лишь деяния, которые по сути своей естественным образом «выпадают» из установленных на данный период властью и обществом норм.

Но в целом подход к преступности как свойству человека и общества, на наш взгляд, весьма продуктивен и заслуживает дальнейшего развития.

4. *Личностный* (А. И. Долгова). В соответствии с ним преступность — это социальное явление, заключающееся в решении частью населения своих проблем с виновным нарушением уголовного запрета. При этом в проявление преступности включаются и преступления, и преступники, а также объединяющие последних преступные формирования³.

Есть все основания поддержать такой подход, так как преступность без преступников как явление выглядит странно. Иными словами, *преступность не может выступать механической суммой преступных деяний без лиц, их совершивших*, без

---

¹ См.: Дриль Д. А. Преступность и преступники. Учение о преступности и мерах борьбы с ней. М., 2006.

² См.: Garofalo R. La criminologie. P., 1890.

³ См.: Долгова А. И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. М., 2003; Криминология. 2-е изд. / Под ред. А. И. Долговой. М., 2005.

Во многом схожую позицию занимают Г. А. Аванесов, С. М. Иншаков, С. Я. Лебедев (см.: Криминология / Под ред. Г. А. Аванесова. С. 181).

сложной системы взаимоотношений этих лиц с обществом, без внутриличностных конфликтов самих этих людей.

5. *Безличностный* (О. В. Старков). В отличие от фундаментального и личностного рассматриваемый подход состоит в том, что преступность не состоит из преступлений и преступников, а выражает сумму тех связей и отношений, в которых находятся между собой эти преступления и преступники, в реальной жизни будто бы не связанные. По мнению автора этого подхода, носителем, субъектом преступности является не совокупность, сумма конкретных преступников, не личность преступника вообще, а общество как социальный организм. Поэтому преступность, по мнению О. В. Старкова, — безличностна и, как и любое общесоциальное явление, подчиняется социологическим закономерностям¹.

Вне понятия преступности О. В. Старков рассматривает преступное поведение, которое, по его мнению, лично. Его носители — масса отклоняющихся лиц с окружающей их микросредой, в которую входят криминогенные ситуации различных типов, направляющие их к преступлению².

Противоречивость и парадоксальность такого определения преступности очевидна. Если следовать логике автора, то мы должны наполнить содержание социологии и иных общественных наук такими химерами, как миграция без мигрантов, алкоголизм без алкоголиков, проституция без проституток, наркотизм без наркоманов, безработица без безработных и т. п. Такой подход выхолащивает содержание явлений, сущностью которых является ролевая позиция субъектов поведения.

Следует отметить еще две весьма противоречивые позиции в логике разделения О. В. Старковым преступности и преступного поведения. Автор считает, что преступное поведение — это причиняющая или *угрожающая* (!?) нанесением вреда, отклоняющаяся, распространенная лично-микросредовая деятельность, *направляемая к преступлению* (!?) криминогенной мотивацией и ситуацией и им завершающаяся *или нет* (!?) в зависимости от успеха профилактики³.

¹ См.: Старков О. В. Криминопенология. М., 2004; Старков О. В., Башкатов Л. Д. Криминогеология. СПб., 2004.

² Там же.

³ См.: Старков О. В., Башкатов Л. Д. Указ. соч. С. 109.

Таким образом, автор помимо собственно преступной деятельности включает в преступное поведение и деятельность *непреступную* (угрожающую нанесением вреда и направляемую к преступлению). Такая научная конструкция способна включить в круг преступного поведения необъятное число лиц, не занимающихся преступной деятельностью.

Естественно, что так понимаемое О. В. Старковым понятие «преступное поведение» не может быть тождественно понятию «преступность», которое в его определении очерчено уголовно-правовыми рамками.

Кроме того, разделение понятий «преступность» и «преступное поведение» нужно О. В. Старкову и еще по одной причине. По его мнению, при коммунизме или в постиндустриальном обществе в отдаленном будущем преступность можно ликвидировать как таковую, лишив социальных корней. «Отомрут» и преступность, и преступление, поскольку не будет необходимости в уголовном законе. Но отдельные эксцессы будут подчиняться закономерностям причинного механизма преступного поведения¹.

Мы не будем дискутировать с О. В. Старковым по поводу сравнения коммунистического и постиндустриального общества или по поводу перспективы отмены уголовного закона. Обратим внимание только на то, что в основе таких футуристических взглядов на преступность лежит *гиперсоциологический детерминизм, вследствие которого в преступлении проявляется (и прежде всего) не криминальная сущность поведения субъекта, автора этого самого поведения, а криминальная сущность общества*. Такой отказ от сущностных оснований деструктивности, лежащих в *духовных аномалиях человеческих личностей* и проявляющихся в *конкретном поведении конкретных лиц*, в некотором смысле вполне последователен, если исходит из гиперсоциологических мировоззренческих позиций, согласно которым и сам человек лишь «совокупность общественных отношений» (согласно знаменитому тезису К. Маркса).

Суть данной позиции состоит в ее базовом положении: она преступление и преступность (так же как и человека) относит лишь к социальным явлениям, тогда как на самом деле и *человек, и его поведение относятся не только к миру социально-материальному, но и к миру биологическому, и к миру духовному*.

¹ См.: Старков О. В., Башкатов Л. Д. Указ. соч. С. 107.

§ 2. Трехмерное измерение преступности

Принадлежность к биологическому и духовному миру определяют сущность человека, а его социальное поведение (в том числе и криминальное) выражает эту сущность.

Все три измерения человеческого бытия (социальное, биологическое и духовное) неразрывно связаны между собой, только в единстве детерминирует поведение человека, в том числе и преступное. Не пройдя первичной социализации, человек не способен стать Человеком. Новейшие достижения биотехнологической революции, психогенетики и генетики поведения убеждают в этом¹.

Следует согласиться с В. А. Бачининым в том, что для *социолога* преступление выступает как социально обусловленное следствие неспособности человека найти цивилизованные формы разрешения жизненно важных общественных и личных противоречий; в антропологическом (*биологическом*) ключе преступление предстает как превратная форма индивидуальной самореализации и как разрушительный способ самообнаружения отдельных граней человеческой природы; с позиций *этики (духовности)* преступление — зло, исходящее от человека и направленное против человека как родового существа².

Последнее, духовное, измерение достаточно лаконично охарактеризовано в Социальной концепции Русской Православной Церкви, где отмечено, что «главным источником преступления является *помраченное состояние человеческой души*».

Только как существо духовное человек может быть виновен, поскольку только духовность обеспечивает осознанность свободного выбора и его нравственную оценку. В нравственном модусе поведенческого выбора заключена сущностная характеристика преступления.

Дополняющая социальную и биологическую детерминированность сфера человеческой духовности — это сфера, которая остается сферой свободы и, в силу амбивалентности человека, сферой выбора между добром и злом. Но с человеческой свободой связана и возможность выбора зла, т. е. деструктивного по-

¹ См. более подробно: *Овчинский В. С.* Криминология и биотехнологии. М., 2005.

² См.: *Бачинин В. А.* Энциклопедия философии и социологии права. СПб., 2006. С. 955—956.

ведения, возможность обеднения полноты бытия, следовательно, и возможность преступности¹.

Мы понимаем, что само понятие «духовность» в научном плане не является однозначным. Это понятие, рожденное в недрах теологического мироощущения, возведенное философами — от Платона и Аристотеля до Канта и Гегеля — в категорию высшего смысла познания, в современной науке имеет множество определений.

Выдающийся русский философ Б. П. Вышеславцев в работе «Философская нищета марксизма» писал, что в особую иерархию человеческого бытия входит: *биологическое бытие*, которое включает и содержит в себе физико-химическое, но не наоборот; *психическое бытие*, которое предполагает и в каком-то смысле включает биологическое (организм); наконец, *духовное бытие* свободной личности, познающей и действующей, которое предполагает и содержит в себе ее психику и ее «телесный организм»². Дух вовсе не индифферентен к телесной жизни, хотя функции телесной жизни индифферентны к духу. «Дух» — это вовсе не существо, которое так пугает материалистов, это не дух спиритов и спиритуалистов. Быть может, не существует бесплотного, свободно витающего духа, но бесспорно существует воплощенный дух или одухотворенная плоть. «Дух» означает особую ступень бытия, которая не может отрицаться никаким материализмом, эта ступень имеет свою детерминацию, свою закономерность, выразимую в особых категориях, не встречающихся в природе и в науке о природе.

«Бытие свободно действующей и познающей личности мы называем “духовным” бытием, чтобы отличить эту ступень от низших, материальных ступеней бытия. Если материализму больше нравится называть эту ступень “духовной материей”, то можно лишь указать на уродливость такого термина. Но дело не в термине, а в диалектической необходимости признать новую ступень, новую форму бытия, обладающую новыми категориями»³.

Используя в познании поведения человека такие понятия, как «душа», «дух», «духовное бытие», криминолог всегда дол-

¹ См.: Кондратюк Л. В. Антропология преступления. М., 2000.

² См.: Вышеславцев Б. П. Кризис индустриальной культуры: Избранные сочинения. М., 2006. С. 254—255.

³ Там же. С. 254—255.

жен быть готов к критике со стороны своих коллег по «цеху». Ведь большинство из отечественных обществоведов воспитаны и выросли в обстановке «воинствующего материализма» и атеизма. Очень трудно избавляться от стереотипов мышления. Но, видимо, пора прислушаться к мнению таких выдающихся ученых-естествоиспытателей, как научный руководитель Института мозга РАН, академик РАН и РАМН Н. П. Бехтерева, которая пишет, что «атеизм как мировоззрение очень обедняет духовную жизнь человека и ставит преграды возможностям его познания»¹.

Касаясь такого феномена, как «душа», Н. П. Бехтерева отмечает следующее: «Живет ли тело без души — ясно только в отношении так называемой биологической жизни. По крайней мере, частично — не живет. А вот душа без тела живет — или живет то, что может быть соотнесено с понятием души. Как долго? Или только пока биологически живет тело? Мы прекрасно знаем, что нарушение органа зрения, органа слуха, их путей к мозгу, их основного мозгового звена обязательно приводит к нарушению соответственно зрения или слуха. Как же при выходе из тела душа видит и слышит? Вот где повод сказать: этого не может быть, потому что не может быть никогда, и вот уж где “Зазеркалье”! Вот проблема, трудность решения которой — и ответственность — оттолкнет многих.

“Выход из тела” — действительно выход души или феномен умирающего мозга, умирающего не только клинической, но уже и биологической смертью? Это действительно очень простой вопрос»².

Весьма емкое определение духовности с позиций психологии дает Л. И. Собчик. «Духовность человека, — пишет она, — это умение выйти за рамки узкоэгоистического стремления выжить, преуспеть, защитить себя от невзгод. (...)

...Духовность нельзя свести к высокому и разносторонне развитому интеллекту еще и потому, что это не только проблема самосознания, но и эмоциональная категория, предусматривающая в сложном диалоге доброго и злого начал бытия приоритет первого. Для одних — это опора на мораль общества, на принципы религиозных догм, для других — это собственная со-

---

¹ Бехтерева Н. П. Магия мозга и лабиринты жизни. М.; СПб., 2006. С. 213.

² Там же. С. 227.

вость, не позволяющая переступить черту, за которой подстерегает опасность ущемить интересы других людей. *Если человек не преступает законов справедливости не из страха перед наказанием, а по велению собственных нравственных установок, нарушение которых грозит ему утратой самоуважения, то это уже признак более высокого склада души* (выделено нами. — Л. К., В. О.).

Духовность — это понятие, которое имплицитно содержит в себе равнодушие к окружающему миру. Это — пристрастность с положительным знаком. Это также стремление наполнить свою жизнь увлеченностью и интересом к разным сферам бытия, любовью к своей стране, природе, людям, к тому, что не является инструментом реализации прагматической необходимости. В противовес обыденным интересам, направленным на то, чтобы ублажать человеческую плоть, духовность означает направленность человека на иные, нематериальные ценности¹.

Не претендуя на оригинальность, в качестве операционального понятия мы считаем возможным определить понятие «духовность» как особое «измерение» человеческого бытия (отдельной личности и социума), не сводимое к природным и социальным началам, но находящееся с ними в сложном системном взаимодействии. *Ближайшим выражением духовности служат, в частности, «законы» совести и нравственности.*

Именно это «третье измерение» придает биологическому и социальному в человеке самостоятельный нигде более не встречаемый нравственный смысл.

Те «срезы» познаваемого духовно-социального бытия, которые мы справедливо именуем экономикой, политикой и т. д., являются лишь плоскостями, на которые мы проектируем это «живое» Бытие. Реальная жизнь, ускользя, остается «где-то еще», за пределами системы координат, в которой мы хотели бы достигнуть истины. Это относится и к криминологической «плоскости», когда мы рассматриваем «жизнь» деструктивного поведения в качестве элемента социодуховного бытия.

Рассмотрение преступления и преступности как свойства человека и общества в трехмерном измерении возвращает нас к истокам русской криминологической мысли. В опубликованной в 1895 г. работе «Преступность и преступники» Д. А. Дриль призывал при изучении преступности сосредоточивать «свое

---

¹ Собчик Л. И. Проблема духовности в психологии // Глобальные проблемы человечества. М., 2006. С. 68.

внимание в равной мере как на причинах субъективных — психофизических особенностях преступника, так и на причинах объективных — окружающих условиях общественной жизни, которые, с одной стороны, способствуют развитию предрасполагающих к преступлению особенностей личности, а с другой — при неблагоприятных условиях обстановки наталкивают уже предрасположенные натуры на совершение преступлений»¹. При этом Д. А. Дриль отмечал, что такой подход не является материализацией духовных явлений. «Изучение органических условий психических явлений никоим образом не равнозначно материализму как философской системе, и при нем духовная сущность остается не затронутой. Это изучение имеет в виду органически сопутствующих доступных только нашему самопознанию душевных явлений, не допускающих изучения в своей сущности, и вовсе не имеет в виду разложения и упразднения души как ненужного балласта... на почве изучения органических условий не может быть решен вопрос о сущности духа, который при всех воззрениях и всегда останется для человека загадкой бытия»².

Исходя из гносеологического критерия, *криминальное поведение мы должны рассматривать в многомерной системе координат*. Перечислим лишь некоторые из них: биологическая, экономическая, демографическая, социальная, политическая, духовно-этическая координаты. Если представить, что каждая из координатных осей (или шкал) имеет всего лишь два измерения: «+» (положительное) и «-» (отрицательное), то и тогда наш предмет — криминальное поведение — оказывается под влиянием шестидесяти четырех различных (два в шестой степени) ситуаций.

Однако наука и исторический опыт показали, что не все рассматриваемые срезы единого человеческого бытия (экономика, политика и т. д.) независимы и что они, напротив, коррелируют друг с другом (положительно или отрицательно). Если обратиться к криминологическому «срезу» бытия, то благоприятное криминологическое состояние общества, как правило, положительно коррелирует с уровнем так называемого социального капитала, т. е. с прочностью семьи, демографической гармонией, религиозными традициями, нравственным со-

¹ Дриль Д. А. Указ. соч. С. 3.

² Там же. С. 174.

стоянием общества и т. п. — с качествами общества, в котором личностные (индивидуалистические) и коллективные начала уравновешены.

Как отмечал Р. Дарендорф, общества возрастающего индивидуализма характеризуются большим объемом индивидуальной свободы, но при этом происходит разрушение или активное перестроение социальных связей. Напротив, традиционные общества дают мало возможностей выбора, но много институционально диктуемых связей, когда личные предпочтения мало что дают, например, при свободе места жительства, работы, религии, обязательств и т. п.¹

Активизация преступности — проявление процесса возрастающего индивидуализма, гиперэгоизма. Теряется доверие к институтам власти (в том числе к таким, как правительство, полиция, армия), утверждаются правовой и бытовой цинизм, нелегитимные способы решения жизненных проблем на какое-то время оказываются более эффективными, чем дозволенные правовые. Именно такую картину нам рисует Ф. Фукуяма в своем анализе современной деструктивности².

Добро и зло характеризуют мир с позиции «ультимативных ценностей», по отношению к которым ценность натуральных вещей имеет лишь символический и преходящий характер. В Древнем Египте бык (Апис) считался священным животным, а его убийство — преступлением, но в это же время в других странах быки приносились в жертву богам. В обоих случаях служение высшей ценности и было «объективированным» добром.

В обоих случаях с быками, несмотря на внешнее различие ситуаций, нравственные оценки сакрального отношения совпадают. Именно сакральное отношение к высшей ценности здесь и есть «объективная истина», тогда как «реальность» здесь лишь «подручный материал», служащий процедуре выражения этой сакральности. В первом случае она выражается в сохранении животного, во втором — в принесении его в жертву.

Рассматриваемая «диалектика свободы» хотя и реализуется в «историческом времени» конкретных обществ, однако имеет транссоциальную природу человеческой духовности, точно так

---

¹ См.: *Dahrendorf R. Life Chances: Approaches to Social and Political Theory.* Chicago, 1979.

² См.: *Фукуяма Ф. Великий разрыв.* М., 2003.

же, как и структура внутренних оснований деструктивно-девиантного (преступного) поведения, составляющих деструктивный полюс этически значимого поведения каждого человека.

Нельзя не согласиться с В. А. Бачининым, который пишет, что библейская концепция девиантного поведения — это не что иное, как теология греха. Она восходит к понятию греха как отклонения от религиозной нормы, как нарушения Божественной воли, нравственного преступления, предполагающего ответственность виновного не только перед людьми, но прежде всего перед Богом¹.

В Ветхом Завете содержание греха раскрывается с помощью восьми древнееврейских понятий с разными смысловыми оттенками: 1) «чата» — непопадание в цель, отклонение от цели, т. е. отклонение от требования Божественной воли; 2) «ра» — разрушение в природе, теле, духе; 3) «паша» — мятеж, бунт, возмущение; 4) «авон» — виновность в допущенной несправедливости; 5) «шагаг» — заблуждение, ошибка; 6) «ашам» — вина перед Богом; 7) «раша» — нечестивость как противоположность праведности; 8) «таах» — обман.

В Новом Завете смысл греха раскрывают двенадцать греческих понятий: 1) «какос» — нравственный порок; 2) «понерос» — нравственное зло, исходящее от злых духов, бесов; 3) «асебес» — нечестивость как результат отхода от Бога; 4) «енохос» — виновность, заслуживающая суда или даже смерти; 5) «хамартия» — отклонение, промах мимо истинной цели, попадание в другую, нежеланную цель; 6) «адикиа» — неправда, несправедливость, несправедливость; 7) «анамос» — беззаконие, вседозволенность; 8) «парабатес» — нарушитель юридических законов, преступник; 9) «агнозин» — невежество, следствием которого является поклонение ложным богам; 10) «плано» — обман, ложь; 11) «пароаптома» — нравственное падение, преступление; 12) «ипокрисис» — фальшивое учение, ложная идея, лжеучение².

Эти библейские основания греха можно условно свести к *трем векторам деструктивной активности: агрессии, экспансии,*

---

¹ См.: Бачинин В. А. Интертекст мировой цивилизации: христианская геосоциальная девиантология (методологические проблемы) // Глобализация и девиантность. СПб., 2006. С. 351.

² Там же. С. 351.

обману — трем духовно, социально и генетически обусловленным «страстям», к которым сводится всякое девиантное и криминальное поведение, каким бы сложным оно ни было.

Обман прямо назван в Ветхом и Новом Заветах. *Агрессия* в Ветхом Завете именуется разрушением, мятежом, бунтом, возмущением, в Новом Завете — беззаконием, вседозволенностью. *Экспансию* в Ветхом и Новом Заветах можно отождествить с результатом допущенной несправедливости.

Указанными основаниями деструктивного поведения «покрываются» посягательства на любой из общественных и индивидуальных интересов, будь то жизнь и здоровье, материальные и духовные блага, истина, а также общественные и государственные интересы, которые, в сущности, сводятся к этим же благам, получающим особый (надличностный) статус. Можно задать вопрос: а куда следует отнести преступную неосторожность и преступную безответственность? На наш взгляд, это варианты обмана, вернее — самообмана.

Указанные основания деструктивного поведения определяют смысловую составляющую деструктивной (в том числе криминальной) мотивации и присущи каждому человеку, потенциально способному, при определенных обстоятельствах, на их применение, или, напротив, способному к их подавлению — качеству, приобретенному в ходе социодуховного созревания. Только онтологической обусловленностью основ деструктивного поведения, своеобразием их проявления и созревания в ходе социализации можно объяснить возрастные и особенно половые (гендерные) различия преступности, объяснить «тайну», выявить полноту элементов и свойств преступления и преступности и т. д.

С учетом изложенного выше «содержательное» криминологическое определение преступления можно изложить в следующем виде: *преступление есть виновное деяние, посягающее на интересы личности, общества или государства и выражающееся в общественно опасном, т. е. превышающем определенный пороговый уровень, проявлении виновным агрессии, экспансии, обмана (раздельно или в их сочетании), запрещенное законом под страхом наказания.*

Представленное определение, отображающее сущностные характеристики деструктивного поведения (виновное проявление агрессии, экспансии, обмана), с позиции уголовного права является избыточным, однако в качестве криминологического

определение может быть полезным, поскольку выходит за рамки инструментального, служащего лишь для идентификации деяния, подведения его под «рубрику» закона. Криминологическое определение характеризует преступление не только как социально-правовое, но и как духовное явление.

Древнее «уголовное право» было движущей силой эволюции духовности, *сакральной силой*, конституирующей личность, выводящей ее из тени общины. По мере усложнения общественных форм бытия и необходимости их защиты от потенциала деструктивности и понятие преступления, и феноменология преступности становятся богаче и порой чудовищно «богаче», имея в виду произвол власти. Однако *феноменологическим ядром преступления было и остается виновное и опасное проявление агрессии, экспансии и обмана*. И за каждым совершенным «реальным» преступлением это ядро «просвечивает».

Власть, национализируя, присвоив уголовную юстицию в качестве социального капитала, пожелала, чтобы к преступлению относилось все, что она называет преступлением. Под это стали подгоняться и соответствующие «теории».

Определение преступления, сформулированное нами выше, учитывающее обязательное духовно-этическое содержание (и, одновременно, оценку) запрещаемого поведения, ограничивает произвол власти именно в содержательной трактовке уголовных запретов: *криминализации могут подлежать лишь объективные проявления агрессии, экспансии и обмана, посягающие на жизнь, блага, систему*. Власть при отделении преступного от непроступного должна опираться не на произвольные усмотрения, но на содержание поведения субъектов, содержание, измеренное и оцененное по всеобщей для человечества, имеющей этическую природу шкале добра и зла.

Исходя из криминологического определения преступления как единичного, можно определить и *преступность как общее*. *Это уголовно наказуемое множественное проявление присущей человеку и его поведению деструктивности (в форме агрессии, экспансии, обмана и их сочетаний), параметры которого характеризуют степень динамического равновесия общественных институтов и личностной креативности в системе «личность—социум»*. Это определение преступности подчеркивает имманентный характер преступности человеческой природы и ее связь с состоянием общества. В данном определении мы можем видеть интегрированные черты и фундаментального, и конвенциональ-

ного, и неконвенционального, и личностного подходов. В нем нет только безличностного небытия.

В практических целях преступность должна рассматриваться в определенных исторических пределах конкретного общества, имеющего пространственные (географические) и временные границы, и должна быть выражаема такими качественными свойствами и количественными параметрами, которые бы позволяли контролировать ее изменение, в том числе и в качестве результата воздействия на ее причины и условия, связанные с характеристиками самого общества, его институтов и граждан.

Качественные свойства преступности как явления могут быть как измеряемые, так и неизмеряемые (или пока неизмеряемые).

Что касается преступности как свойства человека и общества, то оно также может иметь количественные и качественные характеристики.

При всем многообразии криминологических, социологических, психологических и иных эмпирических методов изучения преступности и преступления, накопленных человечеством за последние два столетия, следует согласиться с В. А. Бачининым, что «в криминальном деянии всегда остается нечто загадочное и таинственное, пребывающее на глубинных уровнях, непроницаемых для научно-теоретического анализа. Так возникает проблема недостаточности аналитических средств, которыми располагают частные дисциплины и позитивное знание в целом. На этом фоне возникает потребность в интенсивном и одновременно глубинном подходе к преступлению»¹.

§ 3. Пределы позитивистской методологии в криминологии

Великий призыв греческой философии «γνώθι σαυτόν» («познай себя») после тысячелетних трудов выкристаллизовался в виде двух «моделей» человека. Огрубляя познавательную ситуацию (не учитывая переходных «полутонов»), одну из моделей можно условно назвать дохристианской — здесь человек есть «социальное животное»; другую — христианской, в которой че-

---

¹ Бачинин В. А. Энциклопедия философии и социологии права. С. 956.

ловек представлен уникальным единством телесного, психического и духовного аспектов бытия.

Первая из моделей (дихотомическая) все то, что отличает человека от животного, относит к его социальной сущности и влиянию; вторая (трихотомическая) концепция сущностные отличия человека (включая и особенности человеческой социальности) выводит из того, что человеку присуще бытие духовное, метафизическое¹.

Вокруг этих «моделей» (концепций) человека, как вокруг звезд, по своим орбитам вращаются «частные» философии и их системы, питающие энергией производные от них методологии.

Чем же обусловлена тотальная несводимость указанных моделей человека к единственной? Нам представляется, что главное различие моделей состоит в том, как человек *определяется по отношению к бытию*: является ли человек онтически *самодостаточной сущностью и существованием* или же сущность и существование его находится в чем-то (ком-то) другом.

Дихотомическая модель видит в человеке осуществление единственной материальной формы бытия, а сама человеческая сущность *представлена лишь в социуме и получена от социума* — в соответствии с краткой формулой (тезисом) К. Маркса: «Человек есть совокупность всех общественных отношений».

В трихотомической модели человек исходно есть существо самодостаточное, не сводимое ни к чему иному и не растворимое ни в чем ином. В каждом из своих осуществлений (*existencie*) человек, «существующий через себя», в то же время является субъектом бытия, т. е. является особой «вопрошающей» формой бытия, в чем, собственно, и проявляется его духовность.

Между *вопрошающим* бытием человека и *вопрошаемым* бытием вообще нет «посредников». Именно в этом смысле следует понимать высказывание Э. Гуссерля: «Исток понятий “пред-

---

¹ О категориальном, до-социальном (онтическом) характере духовности пишет В. Франкл: «Духовность человека — это вещь в себе. Она не может быть объяснена чем-то вне-духовным, она не сводится к чему-либо. Она может быть обусловлена чем-то, не будучи этим деформированной. В норме телесные функции могут влиять на развитие духовной жизни, но не могут детерминировать или продуцировать ее» (Франкл В. Доктор и душа. СПб., 1997. С. 22).

метность” и “бытие” на самом деле заключается не в рефлексии над суждениями или над актами исполнения суждений; основание для абстрагирования и реализации этих понятий мы находим не в актах, взятых в качестве предметов, но *в предметах этих актов*¹.

Человек — субъект бытия, поскольку через него и с ним взаимодействует свободный дух, он так же неисчерпаем, незавершен и не сводим ни к какой из частных форм бытия (например, социальной), как и само бытие. Именно об этой несводимости пишет в своих дневниках Ф. М. Достоевский: «Человек принадлежит обществу. Принадлежит, но не весь... и это в каждом человеке. Да иначе он не был бы такой конкретной особью, личностью. Не в одних причинах преступление, не в среде. Не унижайте личность человека, не отнимайте высокого образа борьбы и долга».

По-иному позиционируются друг с другом человек и общество в тех теоретических построениях, которые рассматривают человеческую духовность не как онтическую (до-социальную) форму бытия, а как социальный факт или некий социальный продукт. Речь идет об убежденности, что все человеческие проблемы могут быть рационально поставлены в рамках «социальной физики» (которую О. Конт назвал «социологией») и практически решены путем преобразования общества в соответствии с социологическими рекомендациями.

Позитивизм стал мировоззренческим движением XIX в. Столпы его не чурались говорить и о духовности, как о некоторой эмоциональной по содержанию секулярной метафоре общества, эволюционирующего, по Контю, к «окончательной религии» — позитивизму.

Сведение позитивистской социологией самого человека до уровня бездуховного предмета приветствовали многие выдающиеся социологи, в том числе и Э. Дюркгейм. Как пишет А. де Любак, «Эмиль Дюркгейм находил подобную редукцию восхитительной: он славил победу, которую одержали Сен-Симон и Конт, выхватив ее из-под волны прибою “упрямого сопротивления” человеческого духа, не желавшего подчиняться науке *на тех же условиях, что и прочие ее предметы*, — эта победа избавила наконец от предрассудка, заставляющего нас

¹ *Husserl E. Logische Untersuchungen. Bd. 11/2. S. 141.*

“помещать себя вне вещей” и “добиваться какого-то места не во вселенной”»¹.

Позитивистское методологическое кредо Э. Дюркгейма позволяет, как видим, игнорировать экзистенциально активную сущность и свободу поведенческого выбора, а главное — игнорировать нравственное (этическое) измерение реалий, которое только и *придает ориентир, ось отсчета* в духовном «пространстве» человеческого бытия.

Игнорирование этической «оси» лишает мир человеческих поступков ориентации, этот мир становится относительным, и ему можно навязывать любую политическую или культурную «ось вращения». Так позитивизм О. Конта и Г. Спенсера смыкается с нигилизмом и релятивизмом Ф. Ницше. С позиции позитивизма: «Индивид не что иное, как абстракция, если он не член Великого Существа» (О. Конт). Трагическая история XX в. показала, что если мы общество устраивали по рецептам позитивизма, то на каком таком основании это «Великое Существо» (т. е. Общество) должно еще различать и прислушиваться к голосу «растворенного» в нем человека, заявляющего о каких-то «неотчуждаемых» правах личности?

Современник О. Конта Антуан Боманн, рассуждая на эту тему, писал: «Упраздняя предположение о некоем Боге как хозяине мира (...) я не могу постичь, на чем в действительности может покоиться представление о нерушимом праве индивида, изолированной монады, противостоять другим существам и говорить им в лицо: “Есть во мне нечто неприкосновенное, что вам надлежит уважать, ибо начало его независимо от вас”»².

Тем не менее надо признать, что позитивистско-релятивистское начало до сего времени является решающим в формировании методики поведенческих наук.

Что считать нормальным (нормой) в поведении, а что отклонением от нормы? Вот первый вопрос, который нужно задать, оценивая поведение. С позитивистских позиций как сама норма, так и смысл отклонения от нее представляют собой усмотрение и свободное установление самим обществом определенных произвольных правил в отношении события, за кото-

---

¹ Любак А. де. Драма атеистического гуманизма. Милан; М., 1997. С. 105.

² Цит. по: Любак А. де. Указ. соч. С. 190.

рыми якобы нет *сущностного, предсоциального основания и которые не могут оцениваться как абсолютные факты бытия.*

Как пишут П. и Б. Бергеры: «Коль скоро осознается относительность социальных понятий нормальности, а потому и девиации, можно прийти к простому, но важному взгляду: девиация находится в “уме”. Выразим иначе — это дело социального определения»¹.

В оправдание нормативного релятивизма (включая нормы этики) обычно приводится знаменитая формула У. И. Томаса: «Если люди определяют ситуацию как реальную, она должна быть реальной по своим последствиям». Неполнота этой формулы очевидна: надо бы оговорить условия, *когда люди определяют ситуацию как реальную.* Такими «условиями» являются вовсе не случайные, «подвернувшиеся» доводы и соображения.

Для нас несомненно, что основанием реальности поведенческих ситуаций является их обусловленность амбивалентным духовным опытом и ценностями, которые сами по себе обладают внешним статусом реальности, являясь сущностными чертами *не только рода человеческого, но и каждой отдельной личности.*

Уильям Джеймс также ставит этот вопрос: при каких обстоятельствах мы полагаем вещи реальными? И отвечает на него: в зависимости от опыта, потребностей, интересов и вообще духовного потенциала человек в сущем выделяет несколько «миров» или порядков реальностей и «каждый мир, пока он находится в сфере нашего внимания, по-своему реален, просто реальность меркнет по мере снижения внимания»².

Обстоятельства *становления* реальности ситуации подробно рассматривал и Альфред Шюц: «В состоянии полного бодрствования работающее Я выделяет тот сегмент мира, который для него практически релевантен, и эта релевантность определяет форму и содержание нашего потока мышления»³.

С учетом приведенных квалифицированных мнений можно констатировать: человек лишь тогда имеет основание определить ситуацию как реальную, когда ее фактическое содержание релевантно *ценностям, целям, интересам переживающего ситуа-*

¹ Бергер П., Бергер Б. Социология. Биографический подход. Личностно-ориентированная социология. М., 2004. С. 308.

² James W. Principles of Psychology. Vol. 2. N. Y., 1950. P. 283.

³ Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М., 2004. С. 407.

цию субъекта. И если вывод о релевантности не ошибочен, только в этом случае ситуация, определенная в качестве реальной, может быть реальной и по своим последствиям. Иными словами, ситуация получает статус реальности лишь в том случае, если она испытана реальностью наших психо-духовных состояний и свойств.

Разумеется, рассматриваемое «тестирование» и оправдание реальности ситуаций как частных «миров» и мира вообще, также как и любое наше оправдание, не избавляет человека не только от индивидуальных, но и массовых исторических ошибок и заблуждений в оценках релевантности. Особенно когда речь идет об умышленных фальсификациях, т. е. о преступлении¹.

В этой связи методологический подход к принятию человека в его полноте тела, души и духа мотивируется не только представлениями о научной, познавательной ценности такого подхода, но и осознанием тех предостережений на будущее, которое нам дает история XX в.

Позитивная наука, имеющая ряд бесспорных методических, технических прорывов, достижений и постижений материального мира, *инициировала гордыню откровенного антихристианства, утвердив в сознании активной части человечества представление о нереальности, «надстроечной» сущности человеческой духовности, и тем самым спровоцировала новые «вавилонские столпотворения».*

Понятие и само слово «дух» и его производные сохранились в языках западных народов, но были опустошены «триумфом» двух исторических экспериментов: идеология одного из них базировалась на теории «научного коммунизма», а идеология другого — на «непреходящих истинах» расологии, исторической миссии нордической расы.

Первая из идеологий надстраивалась над концепцией позитивизма, исходя из убеждения, что человеческая история *подчи-*

---

¹ В 30-е гг. прошлого столетия усилиями идеологии и пропаганды в СССР была сфальсифицирована, «материально» сконструирована ситуация «морального осуждения» народной массой «врагов народа». Однако это вовсе не значит, что функционирование репрессивного государственного механизма объективно получило духовную легитимацию, поскольку реально мы имели дело с попранием, извращением фактологической сферы, включая попрание духовных ценностей.

няется законам, действующим «с необходимостью законов естественных». Важнейший из этих законов — закон смены общественных формаций: новая обеспечивающая экономический прогресс формация в неизбежной борьбе сменяет старую, и человечество стоит на пороге такой смены («призрак бродит по Европе»), в ходе которой класс пролетариев выступает «могильщиком» класса буржуазии. При этом «духовность» здесь является лишь «надстройкой» над действующим экономическим базисом, смена которого влечет и смену надстройки, включая, разумеется, и смену этических оснований и норм жизнедеятельности. «Для нас нравственно все, что полезно пролетариату!» — объявил В. И. Ленин¹.

Безнравственную суть марксизма очень точно определил Б. П. Вышеславцев. «Марксизм морализирует в своем изобличении “эксплуатации”, — пишет он, — и вместе с тем имморален в своей социальной и политической практике. Моральный протест появляется, чтобы обосновать и оправдать ненависть, и затем снова исчезает, чтобы не мешать ей действовать.

Почему Маркс не углубил своего понятия “эксплуатации” и не осознал, что оно покоится на признании ценности личности как самоцели?

А потому, что идея личности есть идея существенно-христианского происхождения и с нею связана этика любви. Все это было Марксу отвратительно и враждебно. Ему нужна была этика ненависти. Положительные ценности ему были не нужны и опасны: они могли привести к “святыням” и заставить преклониться. Ему необходима была отрицательная ценность для ненависти и отрицания, и он нашел ее в *эксплуатации*².

Пророк второй ернической идеологии — идеологии «человекобога» — Фридрих Ницше в «Антихристе» пишет: «Мы более

¹ Князь П. А. Кропоткин в самом начале XX в., предвосхищая тенденции, которые получают этическая теория и особенно (!) практика, писал: «Человеку нет более нужды облекать в покровы суеверия свои идеалы нравственной красоты и свои представления о справедливо построенном обществе: ему нечего ждать перестройки общества от Высшей Премудрости. Он может заимствовать свои идеалы из природы, и из изучения ее жизни он может черпать нужные силы» (*Кропоткин П. А. Этика: Избранные труды.* М., 1992. С. 23). О том, какие «идеалы» черпались из природы и какие столпотворения отсюда следовали, известно из истории XX в.

² *Вышеславцев Б. П.* Указ. соч. С. 248.

не принимаем человека “духа”, мы собираемся поместить его в ряды животных».

О том, что исследования расологии и евгеники, проводимые под знаменем позитивизма, направлены против традиционной духовности и его нравственного ядра, задумывались еще в начале XX в. Вальтер Ратенау в 1908 г. писал: «Грядет новая романтика — романтика расы. Она будет прославлять чистую нордическую кровь и создаст новые представления о добродетели и пороке»¹.

Существенно и то, что выводы расологии в определенном смысле можно было противопоставить концепции классовой борьбы. Адепт «нордической идеи» Ганс Гюнтер в этой связи пишет о том, что расистская идеология имеет определенное преимущество перед классовой: «Она не может разделять немецкий народ, как делают политические партии, раздувающие классовые антогонизмы»².

Следует отметить, что расистскую идеологию вовсе нельзя заподозрить в лобовом отрицании духовности. Изошренность поиска новых этических представлений о добродетели и пороке здесь заключается в том, что и духовность и дух должны бытийствовать и работать на расовые цели: «Нордическое движение исходит из духа, но не теряется в духе, оно вторгается в действительность и без “романтического” страха перед современной жизнью ставит вопрос об условиях наследственного возвышения человека.

Возвышение отдельной личности оно видит в соответствующих нордической сути особенностях тела и души, возвышение рода — в отборе, возвышение народа — в увеличении числа детей у здоровых, талантливых, нордических людей»³.

Таким образом, и здесь (как и в идеологии научного коммунизма) за духовностью не признается ее бытийное первородство. И здесь духовность — «надстройка» над природной, расовой данностью; и здесь она не имеет всечеловеческой сущности, является лишь инструментом и оправданием умножения нордических «душ» и «тел».

¹ Цит. по: *Гюнтер Г. Ф. К. Избранные работы по расологии.* М., 2005. С. 69.

² Там же. С. 92.

³ Там же. С. 102.

В рассмотренных примерах историко-трагического низведения духовности до уровня надстройки в методологическом плане прослеживается одна и та же позитивистская позиция: поскольку духовные качества не могут быть исследованы прямыми научно-позитивистскими приемами (измерением, фиксацией, органами чувств, индуктивными и дедуктивными выводами), они объявляются производными ума, метафорами, вторичными социальными определениями «по договоренности» и т. п.

Здесь очевидно, что позитивизм не воспринимает современных доказательств гносеологической дееспособности интуитивной формы познания высших категорий бытия, к которым относится и познание духовности.

В учении о преступлении и преступности за духовной субстанцией человека также не признавалось самостоятельной первородной реальности, а в деяниях человека не находили сложной картины внутренних оснований поведения. По отношению к преступлению субъект его выступал этаким *детерминационным импотентом*, лишенным суверенной разрушительной энергии.

Человек не может без общества. Это так. Но следует иметь в виду, что не только общество накладывает на человека свои требования и ограничения, но и человек накладывает на общество «обязательство» соответствовать его (человека) предсоциальной духовной природе. К числу самых важных таких ограничений относится, например, требование учитывать нравственное измерение его поведения и его этическую амбивалентность, способность к добру и злу.

Позитивизм как некоторая секуляризованная религия имеет кумулятивный эффект в виде своеобразной мутации *феноменологии духовности*, проявляющейся в отчуждении между людьми и поколениями, утрате смысла жизни, отрицательной самоидентификации, экзистенциальных и социальных страхах, апатии, государственном вандализме и экологических кризисах.

Однако, поскольку и сам человек, и все дела его отмечены печатью амбивалентности (причастности миру добра и зла), позитивистское мировоззрение в тех формах жизнедеятельности, в которых царит рациональность и, следовательно, можно в познавательном приближении абстрагироваться от этико-духовного «измерения» поведения, в этих формах материальных,

жизненных, телесных, в значительной части трудовых, бытовых, деловых отношений разработанный за последние века позитивистский научный аппарат (методика, техника исследований) оказался действительно эффективным.

Примером здесь может служить экономика. О том, насколько здесь отказ от этического измерения человеческого поведения был откровенным, говорит следующее соображение Людвига фон Мизеса: «Наука с позиции оценочной нейтральности не осуждает апостолов насилия за безумную страсть к убийству и болезненное наслаждение от садизма. Ценностные суждения субъективны, а либеральное общество каждому дарует право свободно выражать свои чувства»¹.

Такое «размашистое» либеральное пренебрежение этическим измерением вполне понятно: в экономике отношения строятся на рациональной рыночной основе уравнивания обмениваемых благ, и от сопутствующих при этом обмене эмоций и оценок можно абстрагироваться. В этой возможности — ключ научных успехов в экономике.

Но в науке криминологии этико-духовное (включая правовое) измерение является главным. Его по определению нельзя «вынести за скобки» в большинстве рассматриваемых криминологией проблем.

Разумеется, и криминология изучает некоторые сферы реальности, в которых в первом приближении можно абстрагироваться от плохо измеряемых качественных сущностей, особенно это касается сферы так называемой социологии преступности. Именно в этих сферах криминология имеет некоторые успехи и заделы на будущее: попытки реализации системного подхода, моделирования, адаптации психологических концепций, включая аналитическую психологию. Криминологическому анализу подвергаются деструктивные процессы в «новых» сферах социального бытия (политики, бизнеса и т. д.).

Однако позитивистские установки, «архетипы» и штампы еще довлеют над творчеством криминологов. У многих господствует социальный редуктивизм, «романтическая» идея, в соответствии с которой научное преобразование социума — «государства» по идеальному чертежу якобы неминуемо приводит к селекции безгрешного человека. В качестве *мер влияния на пове-*

---

¹ Мизес Л. фон. Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории. Челябинск, 2005. С. 164.

дение рассматриваются все новые и новые ограничения, накладываемые обществом на личность, но упускается из виду тот фундаментально-ультимативный факт, что личность как таковая накладывает на общество и свои онтически обусловленные требования и ограничения, игнорирование которых — угроза существованию самого общества. Часто криминологам не удается избежать некоторых методологических «наивностей» в трактовке каузальности преступности, таких как игнорирование личностных оснований деструктивного поведения или попытки подменить закономерности человеческого поведения естественными законами развития популяций.

Рассмотрим более подробно некоторые из методологических искажений.

1. *Правовой конвенционализм и нигилизм.* По мнению Эрвина Гоффмана, девиантность есть всего лишь некое поведение, на которое какая-либо властная социальная структура в своих частных интересах навязывает определение (стигму) отклоняющегося¹. «Стигматизация, — пишут П. и Б. Бергеры, — это и есть процесс такого навязывания одной группой своих определений другим. В таком случае те, кого определяют таким образом, т. е. стигматизируемые, должны будут согласиться со своей испорченной идентичностью»². Получается, что не сам субъект устанавливает характер ситуации и совершает деяние, позже обществом оцениваемое как положительное или отрицательное, а ситуация, априорно определяемая извне как деструктивная, связывает субъекта и дает ему оценку. Вот уж действительно: «не я делаю, а со мной делается, не я живу, а со мной происходит»³.

Мы полагаем, что СОБЫТИЕ существует независимо от его идентификации и наделения статусом ФАКТА, релятивисты-нигилисты считают, что события *получают свое бытие*, становятся фактом потому, что такова воля социальной группы. К такого рода методологическим искажениям относится замечание Д. Гильдебранда: «К вещам, которые проходят мир физики, химии и психологии, больше не относятся как к принадлежащим

¹ См.: Goffman E. *Sistems*. Penguin Books, 1968.

² Бергер П., Бергер Б., Коллинз З. *Личностно-ориентированная социология*. Академический проект. М., 2004. С. 302.

³ См.: Флоренский П. А. *Столп и утверждение истины* // Собр. соч. М., 1990. Т. 1. С. 174.

автономной реальности — все они низводятся до уровня образов, видимостей, иллюзий, их рассматривают как субъективные, хотя, быть может, захватывающие переживания»¹.

В доказательство того, что никаких внутренне присущих характеристик, которые отличают девиантов от других людей или девиантные акты от других действий, не существует, приводится «неотразимый», по мнению релятивистов, пример: появление женщины на Оксфорд-стрит в обнаженном виде может повлечь ее наказание, однако появление этой же обнаженной женщины на сцене театра вызовет скорее всего аплодисменты. Так, по мнению П. и Б. Бергеров: «*На один и тот же акт* (выделено нами. — Л. К., В. О.), совершенный одной и той же личностью, навешивается один ярлык в одной ситуации и другой ярлык — в другой!»²

Но на каком основании, спрашиваем мы, два совершенно различных типа поведения считаются одним и тем же актом? В первом случае женщина сознательно и агрессивно подвергает унижению нравственное чувство окружающих. Этот акт лишь внешне, физически похож на другой, когда женщина в ситуации исполнения роли в театральной игре, подчиняясь законам эстетики и замыслу художника (формирующему тенденции культуры), выходит обнаженной на сцену³. Можно ли эти акты считать сущностно, бытийно одинаковыми? Криминология, таким образом, должна рассматривать факт, ситуацию факта с учетом этического измерения, нравственно-духовной диспозиции действующей в ситуации личности.

Одним их «модных» направлений приложения методологии позитивизма к изучению проблематики преступности стала *неоклассическая школа криминологии*. Рационализм — ведущая идея и основание этой школы, поскольку сам криминальный поведенческий выбор ее сторонники выводят из здравого смысла, на основе которого «взвешиваются» затраты и выгоды. Мотив как побуждение совершить преступление возникает из рационального вывода о выгодности такого деяния. Именно в

¹ Гильдебранд Д. Новая вавилонская башня. Избранные философские работы. СПб., 1998. С. 30.

² Бергер П., Бергер Б., Коллинз З. Указ. соч.

³ В Таиланде самым действенным средством вызывания дождя во время засухи считается гуляние обнаженных женщин по полям. Вот вам пример акта и ситуации ритуального обнажения!

работах «неоклассиков» наиболее откровенно представлено упрощенное представление о духовной сфере человеческого бытия, лишённого эмоций, психо-духовных страстей, подсознательных архетипов и т. д., а поэтому практические рекомендации этой теории сводятся к устрашению, т. е. повышению «цены» (размера наказания) преступления, а факторы, обуславливающие преступность, — к факторам экономическим: безработице, неравенству стартовых условий и т. п.¹

Что касается российских криминологов, то унаследованная ими идеология классового происхождения не только преступности, но и самого права «генетически» сближает их с позитивизмом и релятивизмом социологического толка. Поэтому, как уже отмечалось, отдельные криминологи (Я. И. Гилинский) искренне поддерживают концепцию релятивизма, т. е. традицию бытийной неопределённости деяний, которые в конкретных исторических условиях («ситуациях») законодательно получают (либо не получают) статус преступлений. Причём речь идет не о деяниях с низкой распространенностью и малой общественной опасностью, отнесение которых к разряду преступлений действительно можно поручить усмотрению «целесообразности». Напротив, авторами высказываются убеждения в том, что в реальной действительности нет «объекта», который был бы преступлением по своим внутренним, имманентным свойствам. Преступление, по их мнению, не более чем социальная конструкция, сам объект которой — вещь относительная и получающая свой статус только в соответствии с договорным (конвенциональным) определением.

В экзотической форме позитивистский гиперсоциологизм, как отмечалось в § 1 настоящей главы, проявляется в работах О. В. Старкова². Он действительно не только деперсонализирует преступления и преступность. В его трактовке и преступления и преступность — полностью социальные конструкции, характеризующие природу самого социума. Так что носителем и творцом преступлений являются не субъекты как таковые, а общество в целом. Люди, конечно, имеют некое от-

¹ Неудивительно, что неоклассические направления в криминологии заложены в трудах виднейших экономистов — Гэрри Беккера и Исаака Эрлиха.

² См.: *Старков О. В.* Криминология. М., 2004; *Старков О. В., Башкатов Л. Д.* Указ. соч.

ношение к преступности, поскольку совершают поведенческие акции, часть из которых по воле общества определяется как преступления.

Ультрапозитивизм ведет к тому, что, признав преступление продуктом «конвенции», легко и саму юридическую истину как духовную ценность объявить плодом воображения, химерой. И такой шаг был сделан: одна из руководителей группы разработчиков Уголовно-процессуального кодекса РФ депутат Е. Б. Мизулина так и заявила в прямом эфире «Пресс-клуба» 12 июня 2002 г.: «Поиск истины в правосудии — химера». Благодаря такой «прогрессивной» позиции разработчиков, требование установления истины по уголовному делу и принятие на этой основе *справедливого* решения в новом Уголовно-процессуальном кодексе РФ вообще отсутствует!¹

2. *Каузальные ограничения позитивистской и неопозитивистской методологии.* Позитивизм, с воодушевлением воспринятый социологами как возможность отказаться от недоступных прямому восприятию духовных свойств личности, неминуемо *склонен все движения человеческого духа и поведения человека выводить из социальных законов и подчинять им.* Естественно поэтому, что и поведение человека было подчинено жесткой зависимости от состояния общества. Схема гиперсоциального детерминизма чрезвычайно проста: и сам человек и его поведение есть продукт особого «демиурга», живого божества — социума. Различия в подходах отмечаются лишь в разной степени детализации указанной формулы детерминизма. Дело понимается таким образом, что собственная природа самого человека — личности, все то, что в ней не доступно социальному влиянию или внушению, что составляет особую сферу человеческого духа, его способности к тому, чтобы быть *началом нового или выступать против социальных установок, устаревших ценностей*, все это не укладывается в схему социального детерминизма и дихотомическую модель человека.

В этой связи нельзя не согласиться с Ю. М. Антоняном, который пишет: «Криминология не должна с постоянством попугая твердить одно и то же: преступность социальна, она порождается обществом, она представляет собой разновидность

---

¹ Подробно последствия такой «методологии» рассмотрены в работе: Алексеев А. И., Овчинский В. С., Побегайло Э. Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М., 2006.

социальных отклонений и т. д., недопустимо ограничивать этим свой научный поиск... Разве можно, используя лишь социологические результаты изучения преступности и ее причин, объяснить, например, серийные убийства, в том числе сексуальные, террористические акты, развратные действия в отношении несовершеннолетних, длительное ведение бродячего образа жизни и ряд других. Между тем социологические объяснения в криминологии продолжают доминировать даже тогда, когда это противоречит элементарному здравому смыслу»¹.

В гиперсоциологическом подходе картина детерминизма представляется таким образом, что человек во всем предопределен требованиями общества, но при этом игнорируются и обратные каузальные связи.

Но разве возможности общества и его состояние не предопределены тем, что человек — существо рациональное, и не только рациональное, но и *обладающее подсознанием*, и существо нравственное? Разве состояние общества не предопределено тем, что каждый человек — существо амбивалентное и кроме подвигов способно к разрушению всего того, к чему стремится общество? Разве общество не «приспосабливается» к тому, что человек и преступник, и пьяница, и наркоман, и террорист, и революционер?

Попробуем сформулировать наше представление о причинах (каузальных факторах) криминального поведения: под причинами мы понимаем лишь *те явления и процессы человеческого бытия (не только социальные, но прежде всего духовные, психологические, генетические, биологические), которые активизируют (или нейтрализуют!) мотивы и цели криминального поведения путем:*

а) стимуляции или подавления проявлений оснований деструктивного поведения (агрессии, экспансии, обмана и их сочетаний);

б) блокирования (или усиления) механизмов психо-духовной защиты (подавления, вытеснения, проекции, интроекции, сублимации и др.);

в) формирования деструктивных (или конструктивных) архетипов подсознания и отношения к экзистенциальным страхам;

г) усиления экзистенциальных страхов поведения субъектов.

---

¹ Антоян Ю. М. Почему люди совершают преступления. Причины преступности. М., 2005. С. 24.

Причинные факторы представляют собой блоки взаимосвязанных событий, явлений, фактов, норм и т. п., берущих начало и заканчивающихся в мотивации поведения.

Высоко оценивая возможность количественного анализа явлений, получивших развитие в рамках позитивистской методологии, мы тем не менее не можем игнорировать вопрос и о границах познания, накладываемых самой методологией. При этом указанные границы наиболее ощутимы в исследовании тех проблем, которые имеют отношение к мотивационной структуре деструктивного человеческого поведения, к структуре психо-духовных факторов, определяющих половые (гендерные), этнические, расовые и религиозные различия в каузальном объяснении преступности.

§ 4. Человек «в просвете бытия» (некриминологические размышления)

Поведение — способ существования человека, понимаемый в широком смысле. Поведение — выражение и утверждение человеком своей сущности. Продуктом поведения является само существование и средства существования, культура, история человечества, его верования и познания.

Существуют десятки наук, изучающих поведение, объектом которых являются и собственно поведение и его результаты, и его демиург — человек. В самом непосредственном смысле поведенческие науки — это область самопознания человеческого бытия. Человеческая жизнедеятельность осуществляется в сотнях или тысячах разнообразных форм поведения, среди которых есть такие, как войны и преступления, производства благ, неверие, любовь и деторождение, суицид, религиозные ритуалы, игры, спортивные состязания и т. п., — *все проявления человеческого духа.*

Как сложившееся системное явление поведение — деятельность, структурируемая по направлениям или сферам со своими «полями», образуемыми более или менее определенными целями: выживания и продолжения рода (духовного и общественного), совершенствования, рекреации, космической экспансии, самопознания и др.

Науки о поведении, сами являющиеся частью жизнедеятельности (в чем их сила и слабость!), призваны не только отразить проявления этой жизнедеятельности, но и понять их, предви-

деть их ход, помочь организовать их в соответствии с осознаваемыми целями и, более того, помочь человечеству определить эти самые цели, в чем науки или конкурируют, или, в лучшем случае, сотрудничают с религией.

Очевидно, что мир человеческой жизнедеятельности — не единственный мир, более того, этот мир «погружен» в иные миры, служит их определенным продолжением и некоторым бытийным завершением. Кроме мира человеческого можно назвать еще, по крайней мере, два: мир неживой природы; мир живой природы (растения, животные, микроорганизмы и т. д.).

Укажем основные онтологические (бытийные) элементы трех миров.

Мир неживой природы — это мир *событий*, рядоположенных, взаимосвязанных элементов, поэтому этот мир подчиняется *законам связи*, а все, что происходит (существует) в этом мире, существует «в связи с»: гром гремит «в связи с» молнией, извержение вулкана происходит «в связи с» повышением давления магмы, взрыв водородной бомбы происходит «в связи с» соединением трития и дейтерия и т. п.

Мир живой природы — это мир *соответствия*, потому что элементы этого мира обладают новым бытийным измерением — органической жизнью. Элемент этого мира, организм, есть воплощение гармонии его *внутреннего* с находящимся с ним в соответствии *внешним*. Законы соответствия и есть законы мира живого.

Законы характеризуют способность устанавливать соответствие. Эта способность и есть органическая жизнь — новое онтологическое измерение, собственно говоря, чудо, видимость разгадки которого и представляет нам современная биология. В этом мире жизнь на все вопросы отвечает своим «потому что»: дуб вырос, «потому что» желудь упал на соответствующую почву; лев съедает антилопу, «потому что» она — его пища; человек умер, «потому что» его внутреннее (организм) и внешнее (среда) перестали соответствовать друг другу (что несовместимо с законами жизни) и т. д.

Человек научился измерять масштаб органической жизни (в том числе и собственной) *шкалой эффективности* (результативности), приписав живой природе специфическую цель: самосохранение и самораспространение (экспансию) во времени и пространстве. Природа, разумеется, не осознает этой цели, но эта цель ей *присуща*.

Наконец, третий мир, мир, представленный единственным существом — человеком, мы называем *миром духовным*, который, по нашему мнению, с большим основанием можно было бы назвать *миром ответственности*. В этом мире к измерению жизни добавляется новое измерение — духовное — весьма емкая по содержанию сущность, включающая и устремленность к истине, и способность к рефлексии — познанию, способность выстраивать будущее в соответствии с самостоятельно определенной целью.

В этом мире поведение определяется формулой «для того, чтобы». В конечном счете все указанные выше способности являются манифестациями главного свойства духа — его свободы. Именно свободой своих волевых решений объясняется его Божественный дар — *способность устанавливать новые причинно-следственные связи*, быть их исходным звеном и, как следствие этой способности, быть *ответственным* за свой выбор.

При этом ошибочно представлять рассмотренные (схематично) миры надстроенными друг над другом (как различные уровни); скорее они встроены друг в друга, а каждый из миров представляет собой самостоятельное измерение бытия: 1) измерение (координата) неживой природы; 2) измерение (координата) живой (органической) природы; 3) координата *духовного измерения реальности*¹.

Деление всего сущего на «миры» — древнейший прием познания. Всевозможным вариантам структурирования можно было бы посвятить целую серию работ. Здесь мы остановимся на структурировании, принятом в «философии существования» (экзистенциализма), представляющей собой ведущую мировоззренческую позицию современности. В соответствии с этой философской парадигмой сущность человека, заключенная в его духовности, захватывающей все сферы бытия, переходящей его искусственные границы, и сам человек и есть это бытие,

---

¹ Идея замены категории «уровень» на категорию «измерение» предложена и рассмотрена в знаменитой работе Пауля Тиллиха «Систематическая теология»: «...метафору “уровень” (и такие подобные ей метафоры, как “слой” или “пласт”) следует исключить из любого описания жизненных процессов. Я полагаю, что ее можно заменить метафорой “измерение” вместе с коррелятивными понятиями — такими, как “сфера” и “степень”. Имеет значение, однако, не замена одной метафоры на другую, но то изменение видения реальности, которое выражается подобной заменой» (Тиллих П. Систематическая теология. Т. 3. М.; СПб., 2000. С. 20—21).

потому что он ЕСТЬ, и не только потому, что он мыслит, рефлексивирует, как отделенный от бытия субъект.

Так, например, в экзистенциализме весь континуум бытия делится на «миры»: «мир» объектов и вещей, существующий независимо от нас, или «окружающая среда»; «мир» внутренних отношений человека с самим собой; «мир» отношений человека с другими людьми¹.

Взаимопроникновение «миров» и их полноту в духовном («третьем») измерении немецкий философ Мартин Хайдеггер выразил понятием «стояние в просвете бытия», *экзистенции*.

«Стояние в просвете бытия, — пишет философ, — я называю экзистенцией человека. Только человеку присущ этот род бытия. Так, понятие экзистенция — не просто основание возможности разума, *ratio*, экзистенция есть то, в чем существо человека хранит источник своего определения»².

Образное представление человеческого существования («стояния в просвете бытия», *экзистенции*) предлагает Э. Жильсон: «Если уж пользоваться воображением (чего лучше избежать в метафизике), скорее существование следовало бы символически представить в виде точки, где сосредоточена энергия заданной интенсивности. Точка порождает силовой конус, вершиной которого будет она сама (т. е. энергия существования), а основанием — сущность»³.

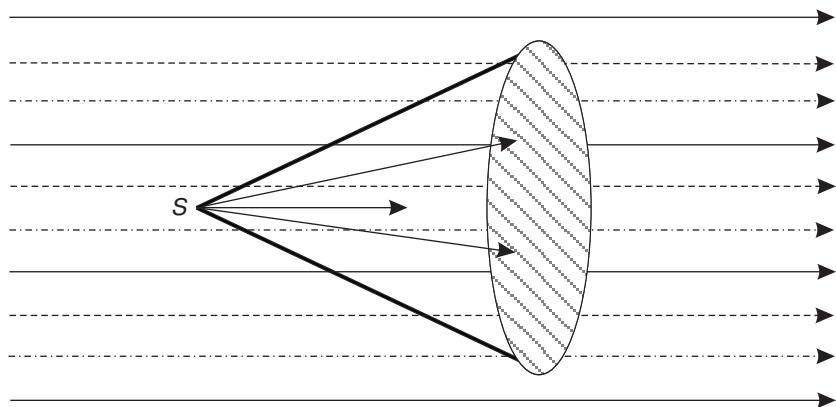
Используя метафору Э. Жильсона, мы можем представить схему духовно-экзистенциального «стояния в просвете бытия» и рассмотреть некоторые следствия, вытекающие из активной роли человеческой личности (рис. 1).

Точкой *S* на рис. 1 представлена Самость — личностный потенциал существования, энергией которого (психо-духовным полем) на ограниченном участке пространства-времени «размыкаются» причинно-следственные связи трех указанных выше «миров» (на рис. 1 принадлежность связей к трем «мирам» представлена прямой, пунктирной и штрихпунктирной линиями). Конус «размыкания» бытия, его характеристики («угол», «длина стенок», «площадь основания») обусловлены энергетиче-

¹ См.: *Фрейднсор Р., Федомен Д.* Личность: теории, эксперименты, упражнения. М., 2001. С. 847.

² *Хайдеггер М.* Время и бытие. М., 1993. С. 198.

³ *Жильсон Э.* Избранное. Т. 1. Томизм. Введение в философию с. Фомы Аквинского. М.; СПб., 1999. С. 155—156.

Рис. 1. Схема экзистенциального положения личности человека («стояние в просвете бытия»)

ческим потенциалом Самости, силой духа. Причем само понимание человеческого духа (духовности) здесь не обязательно связано с мистическими коннотациями, им представлено новое измерение жизни с самым всеобъемлющим содержанием: «Дух как измерение жизни включает в себя больше, чем разум, — он включает эрос, страсть, воображение, — но без логосной структуры он не может выразить ничего»¹.

Взаимодействие человека, «стоящего в экзистенции», т. е. обладающего энергией и свободой ее использования, наделенного нравственным чувством заботы-ответственности, с элементами трех «миров» может принимать следующие формы:

1) человек может полностью ассоциировать свой потенциал с нормами, причинно-следственными связями, структурами и условиями каждого из «миров»;

2) человек в определенной мере может блокировать (прерывать) цепочку причинно-следственных связей, изменяя структуры и условия бытия;

3) человек своим участием может трансформировать, преобразить природу причинно-следственных связей, структур и условий бытия, перемещая их из одного «мира» в другой;

4) человек в состоянии породить, стать основанием новой причинной цели, открыть адекватные нормы и создать новые структуры и условия бытия.

¹ *Тиллих П.* Систематическая теология. Т. 3. С. 28.

Способность к детерминантному, в том числе и причинному взаимодействию, присуща всему сущему. Поскольку человек погружен в мир живой и неживой природы, он не может игнорировать законы этих миров. От меры познания и использования этих законов зависит само существование человека. Однако человек обладает еще одним измерением. Как указывает Дитрих фон Гильдебранд в своей знаменитой «Этике»: «Он (человек. — *Авт.*) может свободно вмешиваться в происходящее и намеренно изменять объекты, создавать их или разрушать, формировать многое в окружающем мире и в своей собственной душе. Человек не только может быть членом причинной цепи, но также может познать значимость какого-либо объекта, положить начало свободно выбранной причинной последовательности и сознательно и осмысленно направить ее на определенную цель»¹.

Духовная сущность человека, реализуемая в том мире, который создается его жизнедеятельностью, предопределяет особый бытийный, онтологический анализ человеческой личности, который «не вмещается» в прокрустово ложе частных наук с их частичными («партийными») идеями казуальности, сформированными в ходе анализа экономических, социальных и психологических человеческих усредненных «агрегатов».

На этот счет Д. Гильдебранд выражается со всей определенностью: «Желание поступать определенным образом строго не детерминируется характером человека, его воспитанием, средой, его опытом — оно строго не детерминировано даже значением, которым может обладать объект... Волевой акт не может рассматриваться как звено некоей причинной цепи, где человек был бы простой *causa proxima* (ближайшей причиной), а воспитание, среда, предрасположенность и т. д. *causa remota* (отдаленными причинами). В этом случае человек являлся бы, так сказать, “передатчиком” всех этих причин. Хотя *эти факторы объясняют то, почему человек ведет себя так* (выделено нами. — *Л. К., В. О.*), а не иначе, но, однако, ясно, что они не могут определять его волю в смысле строгой причинности. Несмотря на их влияние, этот человек может поступить по-другому, что он во многих случаях и делает»².

¹ Гильдебранд Д. Этика. СПб., 2001. С. 355.

² Там же. С. 357.

Взаимопроникновение различных миров в измерении человека рассматривают не только представители экзистенциализма.

Такой подход во многом присущ и русской религиозной мысли. Один из ярких представителей этого философского направления Б. П. Вышеславцев писал: «Иерархическая структура человека показывает нам, что он несет в себе все ступени космического бытия: он есть “мертвая материя”, живая материя, одушевленный организм, живое сознание. Космические элементы и земная животно-растительная жизнь содержатся в нем, проникают его и стоят с ним во взаимодействии»¹.

В существе человека Б. П. Вышеславцев выделяет семь онтологических ступеней (ступеней бытия):

- «1) Он есть физико-химическая энергия.
- 2) Он есть энергия “живая”, “БИОС”, живая клетка.
- 3) Он есть психическая энергия, которая в своей скрытой глубине образует коллективно-бессознательное, как общую почву, на которой вырастает и развивается индивидуальная душа.
- 4) Он есть лично-бессознательное, которое покоится на фундаменте коллективно-бессознательного.
- 5) Он есть сознание, сознательная душа; и прежде всего недуховная, животная душа, которая определяется как эгоцентрическая установка сознания. Это душа, руководящаяся “интересами”, как расчетом удовольствия и неудовольствия, воспринимающая и оценивающая все лишь в соответствии к витальному центру сознания.
- 6) Человек есть, наконец, духовное сознание, дух, духовная личность, и в этом своем качестве он есть строитель и носитель культуры. Отличие от недуховного, животного сознания состоит в том, что здесь эгоцентрическая установка покидается. Субъективное восприятие и оценка заменяется объективным. Для духа существует не то только, что для витального сознания “полезно” и приятно, но то, что само по себе, т. е. “объективно”, ценно и истинно. (Утилитаризм и этика “интересов” есть точка зрения животного сознания.) Эта ступень духовного сознания у греческих, а вслед за ними и у латинских Отцов Церкви строго различается от недуховной, животной души, как логическая (словесная) от нелогической (“бессловесной”), как

---

¹ *Вышеславцев Б. П.* Указ. соч. С. 780—781.

способность воспринимать и высказывать разумное слово и его объективный смысл. Когда Апостол говорит: “духовный судит обо всем”, он понимает прежде всего эту способность к всеохватывающему объективному суждению, которая присуща духу.

7) Духовное сознание, сознательное “я”, “мыслящее Я”, Духовная личность, как творец культур, — не есть, однако, последнее, высшее и глубочайшее в существе человека. Об этой последней глубине трудно что-либо сказать, кроме того, что это — я сам, человек “в себе”, самость. Самость есть последняя и высшая, седьмая мистическая ступень в существе человека. Для науки, для рационального мышления, она недостижима и недоказуема и потому не схватывается психологией»¹.

Изложенный смысл иерархической структуры человека и его духовной свободы («дух дышит там, где хочет») дает нам основание считать ответственность как способность к свободному решению при осуществлении поведения онтическим («природным» и надсоциальным) космосом человека. Ответственность, озабоченность (любовь и забота) лежат в основе этического измерения человека и его истории.

§ 5. Духовный суверенитет личности и криминология

В силу того, что в основе человеческой духовности лежит свобода и ответственность (мораль), каждая *личность (и только личность!)* в духовном смысле онтически суверенна. Суверенность личностного духа означает также, что только личность, а не общество или, например, партия, является носителем этого духа. И в то же время только в социальной среде дух может актуализироваться более или менее имманентно своей *человеческой* природе. Несомненно, здесь мы сталкиваемся с подлинным диалектическим противоречием, подлинность которого означает не уничтожение одной стороны другой, а гармонизацию их взаимодействия.

Из этого вытекают весьма важные методологически постулаты как наук «о духе» вообще, так, в частности, и криминологии, изучающей особый (противоправный) вид деструктивного поведения.

1. Личность, будучи духовно суверенной, онтически не менее богата, чем общество, и не может быть, вопреки известно-

---

¹ Вышеславцев Б. П. Указ. соч. С. 780—781.

му тезису К. Маркса, сведена к «совокупности всех общественных отношений».

2. Личность со своей свободой выбора и духовной суверенностью не может быть полностью детерминирована ни социальными, ни особыми иными высшими факторами, что полностью противоречит базовым догмам диалектического и исторического материализма. В связи с этим попытка криминологов марксистской школы построить историю и модель детерминированной «личности преступника» является своего рода мифотворчеством, конструированием некоего кентавра — детерминированной индетерминированности. «Свобода поведения, — как писали советские философы, — это свобода выбора поступка из набора возможных, заданных внешней необходимостью»¹.

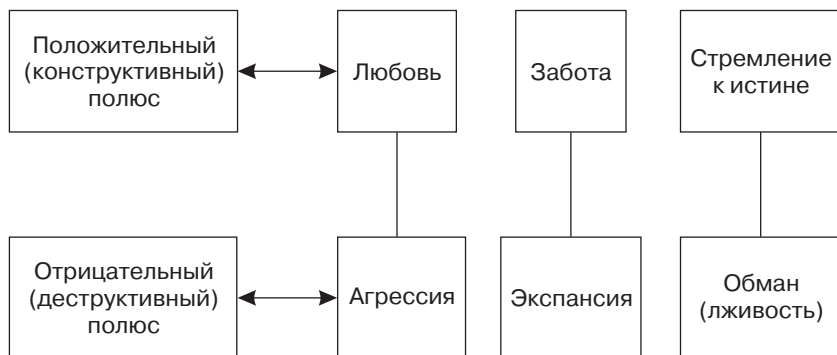
Полемизуя с данным подходом внешней (социальной) детерминированности, мы вовсе не отрицаем то обстоятельство, что внешние (социальные) факторы в определенной мере (частично) обуславливают статистический разброс вариантов поведения. Более того, мы считаем, что статистическое моделирование количественных параметров разброса выбора форм поведения — важное и нуждающееся в совершенствовании орудие современной криминологии.

Однако приблизиться к пониманию конкретного личностного выбора невозможно без анализа внутренней «причинной» цепи, обуславливающей не только целенаправленный выбор (выбор «для того, чтобы»), характеризующий онтические духовные основания поведения, статус личности, мотив и сдерживающие механизмы, целеобразование и т. п., но и неизменную, не познаваемую средствами статистики свободу.

С учетом сказанного мы считаем, что концепция «личности преступника» как личности социально детерминированной, создает лишь видимость адекватности этой модели реальной структуре личности. Вместе с тем модель (теория) личности преступника служит хотя и пройденным, но важным этапом в познании криминального поведения. Необходимо преодолеть редукционизм «личности преступника», перейти от «личности преступника» к «человеку криминологическому». По нашему мнению, термин «*homo criminologicus*» (человек криминологический) как термин, выражающий процесс познания человека, осуществляющего деструктивное противоправное поведение,

---

¹ Моральный выбор / Под ред. А. И. Титоренко. М., 1980. С. 47.

Рис. 2. Амбивалентная структура актуальной духовности человека

должен прийти на смену термину «личность преступника» — детерминантной, бездуховной модели, создающей видимость ее имманентности реальной природе личности. Большинство современных наук «о духе» пользуются именно такими моделями: homo economicus (человек экономический), homo sociologicus (человек социологический), homo politicus (человек политический), psychologicus man (человек психологии) и др.

Без этого мы, возможно, будем делать прекрасные анализы и прогнозы преступности, определять размер ресурсов, бросаемых в костер преступности, но не научимся влиять на мотивацию поведения, не сможем перестраивать духовную структуру оснований деструктивного поведения, развивать защитные механизмы, не научимся определять границы между риском и преступлением и т. п., не ущемляя при этом человеческой свободы.

Наука о человеке выделила *фундаментальную структуру амбивалентности* духовных сил человека (рис. 2).

Данная структура может служить одним из оснований в становлении теории homo criminologicus. Человеческое поведение всегда «нагружено» эмоционально-силовым влиянием одного или нескольких конструктивных или деструктивных элементов человеческой духовности, которые в значительной степени априори и изнутри определяют мотивацию деяний и поведения в целом. Эти элементы структуры названы нами психо-духовными *основаниями конструктивного и деструктивного поведения*, но они же являются духовно наследуемыми формообразующими началами архетипов поведения.

Таким образом, есть основания говорить о существовании транссоциального морфогенеза криминального (и вообще любого) поведения. Наследуемые формы деструктивности в разные исторические эпохи и социальные формации наполнялись конкретным содержанием в зависимости от господствующих этических и правовых воззрений.

Обусловленная свободой выбора ответственность за последствия этого выбора предопределяет необходимость оценивать каждое значимое для человека деяние по шкале этической значимости. Более того, этическую значимость имеет не только человеческое поведение, но и любой существующий объект, поскольку он обладает ценностью как объективной данностью.

В мире ценностей для человека особенно важны ценности особого рода — ценности человеческого поведения (нравственные ценности). Напомним, что нравственная ценность, будучи сама по себе амбивалентной, стоит на своих «полюсах» и как добро, и как зло — ни к чему не сводимая и ни из чего не выводимая.

Тем не менее до самого последнего времени философы, социологи, политологи, криминологи упорно пытаются привязать категории добра и зла к каким-либо производным категориям экономики, психологии, идеологии и т. п. Например, встречаются утверждения: «добро — то, что доставляет удовольствие», «добро — это то, что нравится всем» и т. п. Особо изощренными получались идеологически «выдержанные» формулировки: «всемирно-историческая миссия рабочего класса — это важнейший критерий моральности поступков». Дж. Мур в классической работе «Принципы этики», рассматривая упорные попытки отказать нравственным ценностям в статусе самодовлеющей «абсолютной» категории, писал: «Но если смешивается “добро”, которое не является в собственном смысле каким-то естественным предметом, с любым естественным предметом, тогда есть причина называть это “натуралистической ошибкой”»¹.

Таким образом, натуралистическую (может быть, лучше «редукционалистскую»?) ошибку совершают те исследователи, которые категории добра и зла как форму духовно-нравственного отношения смешивают и дополняют историческим содержанием (наполнением) этих категорий. А поскольку это содержание

---

¹ Мур Дж. Принципы этики. М., 1984. С. 71.

«случайно», проходяще и многообразно, то и сами этические категории объявляются относительными, субъективными, «временными».

Так появляется моральный, а затем и правовой релятивизм — нравственная болезнь науки XX в. Скептицизм и релятивизм связаны с более или менее осознанным отрицанием категорий истины и морали. При этом адептами релятивизма удивительным образом не замечается внутренняя противоречивость их позиции, ведь свой скептицизм они как раз и считают истинным и моральным. У релятивистов есть общий аргумент: 1) коль скоро по поводу одного и того же предмета даже в научной сфере имеются разные мнения, суждения, теории и т. д., то, следовательно, объективной истины нет; 2) коль скоро одни и те же действия разные люди считают и добрыми и злыми, то относительными являются сами этические ценности. Таким образом, объективность категорий отрицается вследствие субъективности человеческих представлений о них.

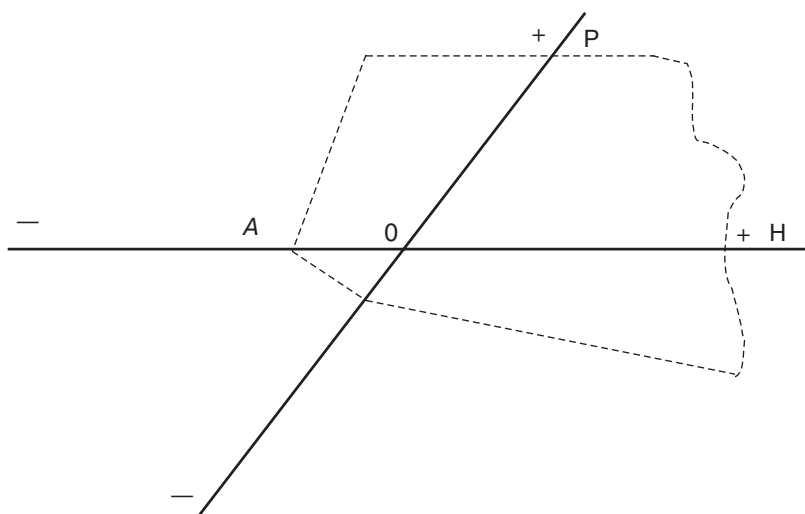
Изложение позиции о нравственном измерении деяний и поведения человека завершим замечанием Е. Н. Трубецкого: «О нравственности вообще можно говорить только в том предположении, что существует закон добра объективный и всеобщий, не зависящий от тех или других суждений о добре»¹.

Поведение человека, а также каждый поведенческий акт (деяние, т. е. действие или бездействие) должны оцениваться, по крайней мере, по двум шкалам: *по шкале нравственности (этической)* и *по шкале рациональности*. Указанные шкалы можно представить и как систему координат, в которой каждое деяние имеет два измерения: 1) Н (по шкале нравственное—ненравственное); 2) Р (по шкале рациональное—иррациональное). Таким образом, поведение может быть представлено как функция Н и Р, т. е.

$$P = f(N, R).$$

Обычная (прямоугольная) система координат строится исходя из предположения независимости одного качества (измерения) от другого. В этом случае имеем прямоугольную систему координат. Мы же рискнем предположить, что одной из отличительных черт цивилизации является как раз обеспечение условий положительной корреляции этического и рационального

¹ Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права. СПб., 1998. С. 38.

Рис. 3. Косоугольная система координат нравственного (этического) (Н) и рационального (Р) измерений поведения

измерений человеческого поведения. В этом случае мы имеем так называемую косоугольную систему координат поведения (рис. 3)¹.

Данной системой координат задается «пространство» всякого поведения, могущего быть оцененным с рациональных и этических (нравственных) позиций. Несомненно, что эта сфера поведения представляет собой важнейшую часть человеческого бытия вообще. Экономическое, политическое, социальное, правовое поведение — более или менее автономные, пересекающиеся секторы этого двухмерного «пространства»².

¹ Наше предположение о корреляции измерений основано на историческом опыте человечества и его здравом смысле. Действительно, иррациональное поведение в конечном счете служит угрозой нравственным ценностям человека, и в свою очередь тотальное игнорирование (а чаще — извращение) нравственных ценностей создает угрозу самой жизни, какими бы рациональными доводами (например, классовыми, расовыми, религиозными интересами) ни оправдывалась сама эта «рациональность».

² Собственно говоря, указанные секторы, будучи каким-либо образом качественно упорядоченными, сами являются третьим, *функциональным*, измерением человеческой жизнедеятельности.

Если бы человек и его поведение не были амбивалентными, то вся жизнедеятельность человека сосредоточивалась бы во II квадранте, т. е. была бы неизменно положительной нравственно и рационально. Однако реальность такова, что даже сфера правомерного (законопослушного) поведения вынужденно выходит за рамки положительных показателей нравственного и рационального измерений (на рис. 3 эта область обведена штриховой линией).

Однако граница праводозволенного и правозапрещенного, проходящая по горизонтальной оси, т. е. по шкале нравственного измерения поведения (точка *A* на рис. 3), имеет решающий смысл в оценке правового состояния общества. Она характеризует степень соответствия позитивного права праву естественному, т. е. нравственному. Чем эта граница находится левее от начала координат, тем позитивное право ощутимее удаляется от сферы естественного (или нравственного) права.

Поскольку понятие естественного права после 1917 г. было вытравлено из правосознания россиян, придется в нескольких словах коснуться его сути.

Выше уже говорилось о нравственном (этическом) как онтическом (т. е. трансисторическом, «природном») свойстве человеческой духовности. Человек интенционально, естественно «знает» о добре и зле и ориентируется в этой биполярной категории. Нормы поведения, вытекающие из представления о добре и зле, еще древние римские юристы относили к *jus naturale* (закону естественному).

Христианство также исходит из утвержденной в Святом Писании нравственной природы человека. Своей духовной работой отцы церкви утвердили эту истину и сохранили высший авторитет нравственной ответственности каждого и всех. Иоанн Златоуст учит: «Бог в начале созидания человека даровал ему естественный закон. Что такое естественный закон? Бог впечатал в нас совесть и познание добра и зла сделал врожденным. Нам не надо учиться, что блуд есть зло, а целомудрие — добро; мы знаем это от начала (от природы)»¹.

Главным содержанием нравственного (естественного) права является защита духовных и иных жизненных ценностей личности. Замечательный русский философ и правовед Е. Н. Тру-

---

¹ *Иоанн Златоуст*. Собр. соч.: В 2 кн. Сергиев Посад, 1993. Кн. 2. С. 308—309.

бецкой в этой связи отмечает: «Человеческая личность для нас и есть та безусловная ценность, которая сообщает обязательное значение и силу всем внутренним правовым волениям нашего сознания. Все те права, которые мы признаем, в конце концов, покоятся на первоначальном, безусловном праве человеческой личности. Как только мы отвергнем это право, как только личность перестанет быть для нас ценной, весь правовой порядок падает в прах»¹.

Таким образом, *естественное (нравственное) право выступает как критерий, ориентир при оценке с нравственно-правовых позиций общества и государства, которые мы имеем*. Естественное право есть та «сфера», в которой мораль является и средством и целью сохранения духовного бытия человека, обеспечивает возможность неписаного и писаного права, служит его основанием. Когда позитивное право утрачивает это основание, придумывает в качестве основания иные «права» (например, право «революционного класса» или «господствующей расы»), то система права становится системой произвола, как бы нас при этом ни убеждали в том, что все, что написано в законе, одновременно и морально.

К содержанию нравственного (естественного) права относятся немногочисленные, но самые фундаментальные права личности. Ж. Маритен отмечает: «Право человека на существование, на личную свободу и на стремление к нравственному совершенству принадлежит, строго говоря, к естественному праву. Право на частное владение материальными благами относится к естественному праву, поскольку людям естественным образом предписано обладать ради совместного использования материальными благами природы; это относится к праву народов, или *jus gentium*... А отдельные формы права на частную собственность, которые изменяются в соответствии с формой общества и состоянием развития его экономики, определяются позитивным правом»².

Свобода историческо-правовой игры любой власти в конце концов ограничена нравственным законом или правом. В действительности упоенная могуществом или одурманенная идеологией, мифологией, инстинктами империализма и прочими сатанизмами власть нередко попирает нравственное право,

¹ Трубецкой Е. Н. Указ. соч. С. 50.

² Маритен Ж. Человек и государство. М., 2000. С. 96—97.

приближая собственную гибель. «Все что остается делать в таких случаях, это стремиться к изменению социальной структуры. Из этого примера мы видим (замечу мимоходом), что основание скрытой побудительной причины, неизменно способствующей трансформации общества, хоронится в том факте, что человек обладает неотчуждаемыми правами, но лишен возможности по справедливости требовать реализации некоторых из этих прав вследствие некоторого элемента бесчеловечности, который присутствует в социальной структуре в любой период»¹.

Итак, когда критический уровень подавления, игнорирования неотчуждаемых прав, относящихся к сфере естественного (нравственного) права, превышает уровень, терпимый для свободной духовности, и когда это противоречие рационально осмысливается, начинается «кристаллизация» структур и энергии, приводящих к системной трансформации. Для человеческих судеб важны формы, которые принимает эта трансформация: реформирование, революция, гражданская война. Однако при любой форме трансформации общество переживает переходный период, когда основания деструктивного поведения (агрессия, экспансия, обман) освобождаются из-под психо-духовного и социального контроля (период мести за предшествующее духовное унижение) и, как следствие, наблюдается взрывной (бифуркационный) рост преступности. Подобная динамика преступности, особенно в ее спектре агрессии, — свидетельство системного неблагополучия.

Идеями эпохи нельзя оправдать человека, об этом романы Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и «Бесы». Великий писатель постоянно утверждал мысль, высказанную в дневниках: «Человек принадлежит обществу. Принадлежит, но не весь... и это в каждом человеке. Да иначе он не был бы такою конкретной особью, личностью... Не в одних причинах преступление, не в среде. Не уничтожайте личность человека, не отнимайте высокого образа борьбы и долга».

Убеждение в том, что человек по природе своей, онтологически, лишен нравственных оснований (определяемых как «естественное право»), что эти основания, как и нормы, приходят к нему только извне, выведенные и сформулированные действующими на данный момент изобретательными структурами власти, — это убеждение равносильно отрицанию духовных

¹ *Маритен Ж.* Человек и государство. С. 98.

(нравственных) закономерностей человеческого бытия. Опасность этого выраженного языком науки убеждения в том, что оно и само право, и правовую науку лишает нравственно-правового ориентира, системы отсчета в оценке правового состояния общества. Эта позиция питает правовой и нравственный релятивизм: за ориентир, правовой базис с легкостью тогда принимается классовая мораль и «правосознание» «могильщика» или расовая догма, сформулированные идеологическими фанатами.

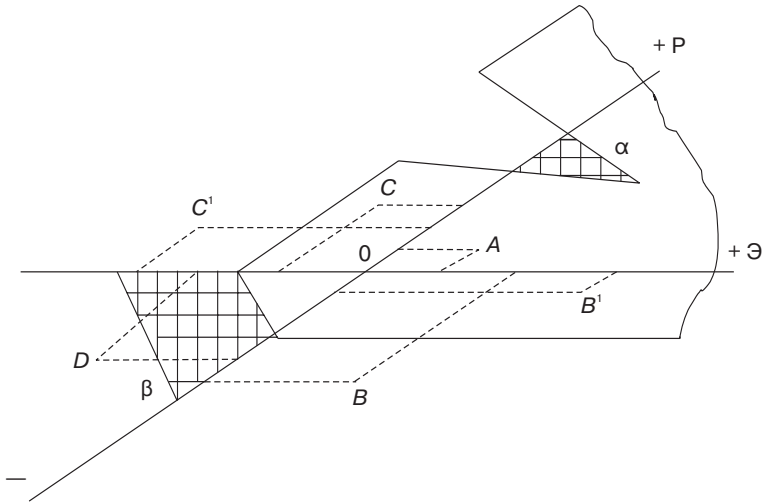
С точки зрения нигилистического убеждения, ничто не мешает любой власти свои представления о нравственности и праве навязать обществу в качестве вечных и обязательных. Исходя из высказанных соображений, на наш взгляд, может быть сделан важный методологический вывод, имеющий отношение к криминологии и всему правовому исследованию поведения. Он заключается в том, что указанные науки имеют дело с таким аспектом человеческого бытия, при изучении которого нельзя абстрагироваться от онтологически (в форме естественного права) присущих человеку нравственно-правовых оснований, позиций, владея которыми, субъект оценивает всякое поведение и деятельность. В этом смысле (т. е. в смысле необходимости учитывать этическое «измерение») криминология радикально отличается, например, от экономики, изучающей поведение с позиции его рационального результата¹.

Сделав столь обширное, но необходимое отступление в защиту естественного права, вернемся, однако, к оценке поведения средствами позитивного права.

Как видно на рис. 4, область дозволенного и недозволенного (противоправного) определяется с учетом не только нравственного, но и рационального критерия выбора. При этом рациональный критерий выбора (деяния, поведения) в самой рациональной науке о поведении — в экономике и определяется как полезный для субъекта (приближающий к цели) в пределах предоставляемых возможностей результат выбора (деяния, поведения, деятельности). При этом мы полагаем, что критерий

---

¹ Разумеется, экономический аспект поведения включает и этическое измерение, так как в своих крайних (предельных) проявлениях антиэтическое есть вместе с тем и нерациональное и разрушающее. Об этом свидетельствуют современные нетрадиционные подходы экономики.

Рис. 4. Соотношение этических, рациональных и легитимных образцов поведения.

рациональности применим не только к собственно экономическому выбору или поведению.

На рис. 4, представляющем нравственно-правовые координаты поведенческого поля, мы выделили область, выходящую за пределы II квадранта, которую назовем областью легитимного (правопослушного) поведения; остальное «пространство», образованное системой координат, — пространством нелегитимного (противоправного) поведения. Рисунок, собственно говоря, иллюстрирует тот бесспорный факт, что область двухмерного легитимного поведения не совпадает с поведением, которое оценивается отдельно как «этическое» и как «рациональное». Иначе говоря, между такими характеристиками деяния (поведения), как легитимность — нелегитимность, этичность — неэтичность, рациональность — иррациональность, могут быть различные соотношения.

Реальность того, что деяния, как легитимные, так и противоправные, могут иметь одни и те же измерения по шкалам «этическое» и «рациональное», сравнительно легко показать (см. рис. 4).

1. Совпадение этического и рационального с полем легитимного поведения совершенно очевидно, и действия с этими

оценками — «норма» законного поведения, что также согласуется и с обсуждаемой ранее идеей естественного права (точка *A* на рис. 4).

2. Сочетание этического и иррационального характеризует широкий круг как легитимных, так и противоправных деяний. Например, защита оскорбленного достоинства этически оправдана; однако, если она выразилась в неоправданном нанесении телесных повреждений, такие действия определяются как явно нерациональные и противоправные (точка *B* на рис. 4).

Деятельность предпринимателя, открывшего свое дело и «прогоревшего» в результате непрофессиональных действий, — другой пример сочетания этического и иррационального, но вполне вписывающегося в «поле» легитимного поведения (точка *B'* на рис. 4).

3. Неэтические и рациональные деяния достаточно представлены и в легитимном, и в противоправном поведенческих полях, хотя, разумеется, господствующими они являются в перечне противоправных деяний.

Так, утаивание продавцом сведений о некоторых недостатках покупаемого товара (главным образом, о тех, наличие которых может быть обнаружено простым осмотром) — действие не всегда этическое, но зато рациональное. Как правило, такие действия не считаются противоправными (точка *C* на рис. 4). Но если продавец обманул покупателя (например, обвесил), что неэтично, но рационально (с точки зрения продавца), то это деяние относится к деяниям противоправным (точка *C'* на рис. 4).

4. Четвертая группа вариантов поведения (деяний) связана с их оценкой как неэтичных и иррациональных. В эту группу входят деяния, имеющие отрицательную этическую оценку, однако они не мотивируются желанием получить какой-то выигрыш, выгоду. Это противоправные деяния, совершаемые из так называемых иррациональных побуждений или в результате небрежности. Например, в ссоре один человек толкает другого, чем причиняет тяжкий вред здоровью (точка *D* на рис. 4).

Поведенческая действительность человека включает и неэтический и нерациональный варианты поведения, которые тем не менее не требуют правовых санкций. Даже сам отказ человека от получения какого-либо полезного результата может быть иррациональным и неэтичным, заслуживающим нравственного осуждения, но нейтральным с правовых позиций.

Рассматривая этические и рациональные оценки поведения по отношению к его легитимности, мы умышленно ограничились лишь легитимной областью такого поведения. Вопрос о возможности отнесения этического и рационального деяний к категории нелегитимных оставили открытым и сейчас пытаемся в нем определиться.

Говоря абстрактно, действия и поведение, отвечающие этическим нормам и требованиям рациональности, должны быть непременно отнесены к легитимным действиям, более того, они соответствуют нашим представлениям о нравственном (естественном) праве. Однако действующее позитивное право формируется в историческом и социальном «пространстве» с их противоречиями, различиями форм, духовного наследия и т. д.

В релятивистском представлении классиков марксизма право есть результат того, что «господствующая часть общества заинтересована в том, чтобы возвести существующее положение в закон и те его ограничения, которые даны обычаем и традицией, фиксировать как законные»¹. В своем экстремально-волюнтаристском проявлении власть, пожалуй, так и действует, как говорят классики.

Однако жизнеспособное право в целях выживания той же самой элиты должно все-таки как-то отвечать базисным основаниям этики и нравственного (естественного) права. В. Н. Кудрявцев отмечал: «Право с самого начала своего возникновения и вплоть до сегодняшнего дня включает и более и менее политизированные элементы, а следовательно удовлетворяющие интересы как господствующих, так и других классов общества»².

Вполне справедлива и констатация того, что право и общественное (и индивидуальное) представление о должном далеко не везде и не всегда совпадают. Отнюдь не всякий, кто соблюдает законы, хорош, и не всегда можно назвать плохим их нарушителя³. В этой простой формуле показана, на наш взгляд, коллизия между установками нравственного (естественного) права и требованиями позитивного права, нередко выражающими приоритеты политических партий, элит, группировок. Именно под влиянием этих приоритетов формируются пред-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 2. С. 356.

² Кудрявцев В. Н. Преступность и право переходного общества. М., 2003. С. 37.

³ Там же.

ставления об этическом и неэтическом, рациональном и иррациональном. Людям внушаются или навязываются оценки, извращающие, меняющие знак человеческих ценностей на обратный. На рис. 4 эта область поведения, произвольно отнесенная к противоправной, заштрихована и обозначена буквой α .

Или, напротив, целая область фактически деструктивной деятельности (с позиции рационального и этического измерений) власть имущими может быть объявлена и навязана в качестве деятельности правовой (область β на рис. 4). Здесь самые яркие примеры дает история нашей страны начиная с октября 1917 г. (захват власти, террор, геноцид и т. п.).

Вывод, на наш взгляд, может быть сформулирован достаточно определенно: *в каждый текущий момент истории существует угроза рассогласования между слабо структурированными установками нравственного (естественного) права и хорошо структурированными нормативными требованиями позитивного права, когда последние под влиянием соблазна частных интересов властных структур могут деформировать правовое поле, вызывая глубинные и устойчивые деструктивные последствия в социальной и духовной сферах.*

Определенным шагом в разрешении сформулированной проблемы является разработка таких поведенческих критериев, по которым бы более операционально, чем «простое» этическое представление о добре и зле, определялись те или иные деяния и поведение в целом как нравственно одобряемые или нравственно осуждаемые.

Как уже было отмечено, деструктивная психо-духовная энергетика присуща человеку при всем многообразии ее социального проявления и может быть сведена к трем паттернам (системно организованным пучкам) психо-духовных качеств: 1) агрессии — посягательствам на жизнь и здоровье; 2) экспансии — посягательствам на блага и территорию; 3) обмана — посягательствам на истину, ее искажениям.

Проявление хотя бы одного из паттернов в деяниях или поведении субъекта (индивидуального или общего) — свидетельство деструктивности и справедливое основание возможной их криминализации. И наоборот, отсутствие в деяниях агрессии, экспансии, обмана — достаточное основание не считать эти деяния деструктивными, и их законодательный запрет и криминализация — скорее проявление агрессии и обмана со стороны властных структур.

Рассмотренные коллизии между статичным нравственным правом и динамичным, функциональным и политически детерминированным позитивным правом (по крайней мере, в его криминальном цикле) имели особенно трагические последствия в России, Германии, Кампучии, Китае в XX в. Новый этап обострения коллизии связан с системной трансформацией некоторых из указанных стран, т. е. восстановлением отдельных демократических институтов, рыночных отношений, начатых подчас с номенклатурной приватизации, с отказа от социальной поддержки населения. Этому сопутствует давление традиций иждивенчества, лютое недоверие к власти и т. п.

В рабочем документе Десятого конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, озаглавленном: «Укрепление законности и упрочение системы уголовного правосудия», говорится о соблазне использовать противоречия периода системной трансформации в целях укрепления авторитарных режимов: «В этой связи можно отметить еще более существенные опасения. В силу своего характера системы уголовного правосудия и санкций могут стать совершенным инструментом превращения правопорядка в механизм подавления политических, социальных, экономических сил»¹. Пример некоторых стран подтверждает данное опасение.

Конечно, мы отдаем себе отчет в том, что конкретное содержание выделенных нами категорий деструкции (агрессия, экспансия, обман) в разные культурные эпохи, в разных социальных формациях и политических режимах было весьма различным. В первую очередь это связано с духовно-религиозной периодизацией. Например, нравственный прогресс, начало которому положено христианством, за два тысячелетия изменил критерии оценки человеческих пороков и отношение к ним. Однако в любую эпоху люди отличали любовь от агрессии, заботу — от экспансии, стремление к истине — от обмана.

Агрессия, экспансия, обман — это трехглавое экзистенциальное воплощение зла. Из них, как из зародышевых клеток, развились все причудливые формы криминализируемой греховности.

---

¹ Деятельность Десятого конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Вена (Австрия), 10—17 апреля 2000 г. С. 156 (см. сайт ООН в Интернете).

§ 6. Антропологический (личностный) и ситуативный (экзистенциальный) уровни криминологического познания

В течение жизни человек проходит стадии созревания каждой из своих структурных составляющих: телесной (биологической), психической, социальной (коммуникационной), духовной. Созревание-становление человека обусловлено и генетически и духовно. С точки зрения духовного созревания решающее значение имеет формирование и аккумуляция амбивалентных («добрых» и «злых») психо-духовных сил, имеющих антропологическую природу. Процесс духовного созревания, идентификация психо-духовной энергетики (энергетического основания поведения), формирование специфики сознания и подсознания (архетипов) — все это изучается *современной антропологией*, поэтому первый уровень проявления (становления) человеческой духовности рекомендуем именовать *антропологическим*.

Самым непосредственным образом человек вступает во взаимодействие прежде всего с окружающей его средой. И это окружение сопровождает его всю жизнь. Элементы этой среды, составляющие не только его окружение, но и «пространство» его бытийных целей, средств, благ, спектр его отношений (коммуникации) от деловых и творческих до самых интимных, включает *ситуационно-фреймовый уровень* человеческого бытия. Собственно это и есть уровень вот-бытия (Dasein) в трактовке М. Хайдеггера.

На ситуационно-фреймовом уровне субъект коммуницирует с теми элементами среды, которые он связывает со своим целеполаганием и которые находятся в «пространстве» его влияния в соответствии с межличностными целями, установками, архетипами и социально устоявшимися образами (фреймами).

Данному уровню бытия должен соответствовать и уровень анализа криминального поведения.

1. *Антропологический уровень криминологического познания.* Все те блага, которыми мы располагаем, так же как и многие беды, существующие в обществе, есть следствие проявления особой, присущей каждой личности психо-духовной энергии, способной «материализоваться» в любое слово и в любое дело.

Очевидно, что в проявлениях этой энергии каждый конкретный человек полярен (амбивалентен): он обладает способно-

стями как к добру, так и ко злу. Способность к добру и злу абсолютна в том смысле, что является бытийной сущностью человека. Он такой ЕСТЬ. Эта способность не зависит от формы и состояния общества: древним грекам-язычникам амбивалентность присуща так же, как и благочестивым христианам, ведущим неравный бой с самим дьяволом¹.

Но если мы определяем *зло как деятельность человека, обусловленную его несовершенной духовной природой*, можем ли мы помещать все силы, побуждающие к разрушительным деяниям, только вовне?

Амбивалентность обусловлена сложным взаимодействием сознания и подсознательного, рационального и эмоционального в их взаимодействии с социальными условиями и генетическими задатками и отнюдь не является продуктом только интериоризации. Более того, сами социальные нормы (и этические и юридические) есть результат компромисса между амбивалентной духовностью человеческого бытования (его «природой») и стихией социума как конгруэнтной, соответствующей человеческой природе, множественной формой существования.

Каждый из полюсов, положительный (конструктивный) и отрицательный (деструктивный), характеризуется набором психодуховных качеств, выражающих как альтруистическую, так и эгоистическую сущность человека. И на каждом из полюсов эти качества — способности — можно свести к трем критериям: любовь, забота, стремление к истине — на положительном; агрессия, экспансия, обман — на отрицательном². Эти духовные задатки человеку присущи всегда, хотя и в разной степени, и именно они определяют модус, направленность его духовности и, соединяясь с социальной информацией, предопределяют выбор мотивирующих социальную жизнедеятельность интересов, целей, ценностей.

---

¹ Философ Крат, ученик Диогена и учитель Зенона, «увидел однажды гуляющего в одиночку юнца и спросил его, что он тут делает один. “Разговариваю с самим собой”, — был ответ. На это Крат сказал: “Будь осторожен, прошу тебя, и гляди как следует: ведь твой собеседник — дурной человек!”» (*Сенека. Нравственные письма к Луцилию*. М., 2006. С. 38—39). Невозможно более лаконично и мудро выразить осознание амбивалентности каждой личности.

² Подробно обоснование критериев на базе определенного множества духовных качеств личности см.: *Кондратьев Л. В.* Антропология преступления.

Однако формирование паттернов, духовных свойств, т. е. процесс духовного *созревания* личности, находится во взаимодействии с формированием сознания и подсознания (процесс индивидуализации), с его трансперсональными архетипами, могущими помимо санкций разума управлять человеческим поведением, но также и параллельно с образованием *особых психических структур — защитных механизмов личности, цель которых состоит в психо-духовной адаптации к нормативным требованиям социума за счет регулирования проявлений прежде всего отрицательных оснований (паттернов) поведения.*

О необходимости формирования таких защитных механизмов весьма образно пишет выдающийся канадский ученый Д. Р. Сол: «У человека нет генетически заложенных механизмов, которые позволили бы ему избежать дурных поступков своих предков. Мы рождены с шизофренией добра и зла внутри нас, поэтому каждое поколение должно воспитывать в себе чувство самопознания и самоконтроля. Темноту трудно отличить от света в плотной паутине структуры и логики, сотканной вокруг них. Поэтому, если мы хотим вновь обрести контроль над нашим здравым смыслом и моралью, нам необходимо удалить слои фальшивых напластований над ними»¹.

Сгруппировав духовно-деструктивные характеристики в три паттерна, мы тем самым смогли определить ядерные элементы любого деструктивного (включая криминальное) деяния, необходимо присущие каждой личности. Эти категории: агрессия, экспансия, обман — названы нами *основаниями деструктивного поведения.*

Как нам представляется, указанные основания являются не только побудительной силой, непосредственно определяющей мотив поведения, но и субстанциональной базой, «материей», количественно и качественно его наполняющей. С учетом сказанного мы вправе *квалифицировать указанные основания в качестве самостоятельной категории каузальности* отдельных деяний и поведения в целом (наряду с причинами, условиями, поводами).

Именно основания деструктивного поведения являются важнейшими содержательными критериями классификации мотивов. Первоначальные классы мотивов: агрессивный, экс-

---

¹ Сол Д. Р. Ублюдки Вольтера. Диктатура разума на Западе. М., 2007. С. 56.

пансивный, обманный (дезинформационный) затем могут дифференцироваться в зависимости от социальной сферы жизнедеятельности, в которой они реализуются: бытовая, досуговая, экономическая, социальная, политическая, культурологическая.

Наличие основания деструктивного поведения является необходимым элементом этого поведения, хотя с учетом выработанных человеком в процессе социализации блокирующих защитных механизмов они (основания) сами по себе могут считаться недостаточными для характеристики поведения.

На защитных механизмах следует остановиться несколько подробнее. Психологи и социологи насчитывают их до двух десятков. Указанные механизмы позволяют человеку избавляться или скрывать свои «теневые» побуждения и инстинкты, находящиеся под социальным запретом. Среди защитных механизмов есть такие, формирование которых и их последующая «работа» совершаются осознанно (среди них важнейший — *подавление*), но есть механизмы, формирование и действие которых осуществляются вне контроля сознания (важнейший — *вытеснение*). Механизмы, создаваемые при волевом участии сознания, более контролируемы, особенно в их социальной обусловленности.

Следует при этом отметить, что религии в лице своих духовно-нравственных институций (в христианстве это церковь, приход) активно участвуют в формировании и укреплении защитных механизмов человека, прежде всего формируемых с участием сознания (подавление, проекции и др.). Формой такого участия являются духовно-социальные таинства: исповедь, молитва, покаяние. Указанными формами духовной помощи религия самым непосредственным образом участвует в духовном оздоровлении общества.

Формирование защитных механизмов — существенная часть духовной работы личности, показатель ее зрелости. Вообще защитный механизм — это и учитель, и врач, и полицейский — «три в одном». Однако, как и всякая работа, духовная работа личности связана с преодолениями, с уплатой своей «цены», утратой удовольствий, своей доли «счастья» и т. п. Именно поэтому в обществе практикуются и иные «квазимеханизмы» защиты, которые позволяют на время «освободить» внимание сознания, дать отдых, потребность в котором бывает несомнен-

ной. К таким «квазимеханизмам» относятся алкоголизм, наркотизм, гипнотизм СМИ.

Все иные звенья детерминации деструктивности, в том числе социальные причины, «работают» прежде всего над тем, чтобы «разогреть» мотив до степени, когда сдерживающие силы защитных механизмов разрушаются, хотя и здесь не обходится без участия воли человека.

Представленные основания деструктивного поведения и взаимодействующие с ними защитные механизмы лишь конечные энергетические звенья внутрисубъектной детерминации, причем не единственные. К. Г. Юнг убедительно продемонстрировал роль подсознательных трансперсональных архетипов в детерминации поведения общесоциальной исторической значимости.

Однако все эти «глубины» и духовные «спекуляции» чужды мировоззрению криминологов, воспитанных на позитивизме вообще и на его воинственной форме — диалектическом материализме, в частности. Не воспринято до сего времени и одно из важнейших открытий А. Шюца о двух типах мотива: «потому что» и «для того, чтобы»¹.

Одной из проблем изучения причинности криминального поведения является именно феномен невозможности связать идущие из прошлого мотив, информацию, эмоции, образы, целевые установки «потому что» с направленным на будущее мотивом «для того, чтобы» одной и той же личности, тем более что в сознании эти мотивы представлены по-разному. Мотив «потому что», представленный причинным комплексом, включающим внутриличностные и социальные, иные антропологические детерминанты личности, вообще редко осознается и анализируется. Напротив, мотив «для того, чтобы» *связан с осознаваемыми интересами, целями, ценностями*. И совершенно очевидно, что факторы, определяющие «потому что», не определяют однозначно «для того, чтобы». Здесь личность осуществляет экзистенциальный выбор не только под влиянием оказываемого внешнего давления, но также и под влиянием собственных духовных задатков, трансцендентного духовного внушения, трансперсональных архетипов, чем и обусловлено статистическое рассеяние поведенческих вариантов — реакций на действия внешних факторов.

---

¹ См.: Шюц А. Указ. соч.

Без учета данной мотивационной проблемы и четкого отношения к ней рассмотрение криминальной каузальности обречено на провал. Так, если нам удалось доказать статистическую связь (корреляцию) между уровнем занятости населения и интенсивностью преступности, то это отнюдь не значит, что при 70% занятости трудоспособного населения у оставшихся 30% тут же возникнет мотив: для того, чтобы *не остаться без средств к существованию*, надо добыть эти средства криминальным путем.

Итак, в ходе антропологического анализа криминальной деструктивности центральным, узловым предметом рассмотрения являются сами процессы мотивации и их результаты — мотивы как побуждения к конкретным деяниям.

Современная психология имеет несомненные результаты и в изучении динамики (*изменения во времени*) силы мотивации.

Оказалось (что было вполне ожидаемым), что сила мотивации возрастает по мере приближения к цели. Это обстоятельство диктует криминологии рассматривать мотив и цель в некотором психо-духовном единстве. Более того, сам мотив при этом «одухотворяется», рационализируется и в какой-то степени управляется целью.

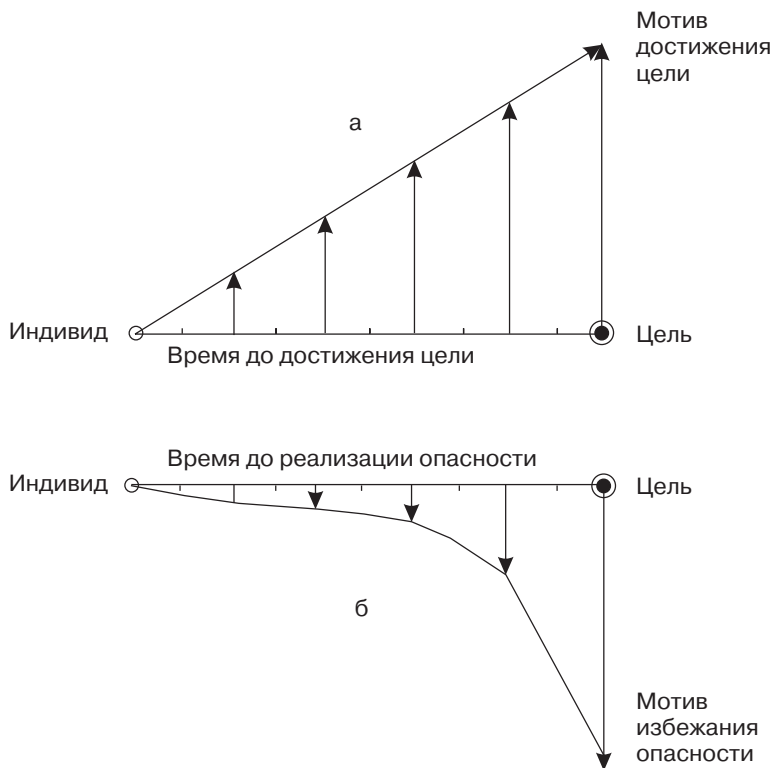
В экспериментальной психологии известно понятие *градиента цели* (введен Дж. Холлом в 1934 г.), которое можно интерпретировать так: *уровень влияния цели на силу мотива*. Градиент зависит от времени, отделяющего субъекта от достижения цели.

Выяснилось очень важное обстоятельство: график изменения градиента для разных целей различен. *В криминологическом плане наибольший интерес представляют ситуации, в которых достижение привлекательной цели вынужденно сопровождается особой целью (озабоченностью) избежать опасности*. Разумеется, это типичная ситуация борьбы двух мотивов при совершении преступления.

Благодаря работам немецкого ученого У. Ундейча (1970 г.) можно построить графики динамики силы этих двух мотивов: достижения цели и избегания опасности (рис. 5)¹.

Рисунок 5 свидетельствует о том, что для психо-духовной сферы человека *мотив выгоды является более предпочтительным, чем мотив безопасности*. Наложение графика изменения силы мотива к избеганию опасности на график изменения мотива к достижению выгодной цели показывает, что в подавляю-

¹ См.: *Undeutsch U. Sicherheit in Betrieb*. Wiesbaden, 1970. S. 60.

Рис. 5. Изменение силы мотивации по мере приближения к цели: а — изменение силы мотива к достижению цели; б — изменение силы мотива к избежанию опасности

щей части времени достижения положительной (выгодной) цели, сопряженной с возможной опасностью, сила мотива к достижению цели несоизмеримо выше силы мотива к избежанию опасности. Именно с этой психо-духовной особенностью человека связано то обстоятельство, что тяжесть уголовного наказания служит относительно слабым сдерживающим фактором в генезисе преступления.

Гэри Беккер, нобелевский лауреат, в работе, опубликованной в 1968 г., аналитически показал, что рост вероятности раскрытия преступления приводит к большому снижению ожидае-

мой полезности (выгоды от преступления) и тем самым — к снижению количества совершаемых преступлений, чем аналогичное (в процентном отношении) увеличение тяжести наказания, если индивид имеет склонность к риску¹.

По мнению Г. Беккера, преступник действительно обладает склонностью к риску. Очевидно, что исследования У. Ундейча говорят нам, что такая склонность присуща всем людям. Это является немаловажным криминологическим фактом.

2. *Ситуационный уровень криминологического познания.* Рассматривая преступление в рамках ситуационно-фреймового уровня анализа, мы сталкиваемся с проблемой согласования феноменологий антропологической и микросоциальной. Механизм такого согласования может быть понят исходя из *теории действия*. Альфред Шюц, в трудах которого теория действия нашла наиболее полное отражение, пишет: «Что касается теории действия, то в ней необходимо в полной мере придерживаться субъективной точки зрения, ибо как только мы отходим от нее, эта теория лишается своих фундаментальных оснований, а именно своей соотнесенности с социальным миром повседневной жизни и поведенческого опыта. (...) Я не могу понять социальную вещь, не сводя ее к человеческой деятельности, которая ее сотворила, и не соотнеся даже эту человеческую деятельность с теми мотивами, из которых она проистекает»².

А. Шюц указывает также, что для проведения исследования в рамках данной методологии достаточно все многообразие мотивированно действующих субъектов в типичных ситуациях свести к нескольким абстрактным (идеальным) типам, которые являются носителями конкретных действий и конкретных мотивов, но которые «лишены» бесконечной духовной сложности, свободы выбора (воли), подсознания и т. п. В идеальном типе «сознание ограничивается лишь теми элементами, которые необходимы для осуществления типичных действий, являющихся объектом рассмотрения». Отметим также, что рассматриваемые в сконструированных «марионетках» (идеальных типах) мотивы достаточно статичны, как и статичен набор приписываемых им жизненных планов, предполагаемых запасов опыта. При этом в составе социального фона и ситуаций участвуют и другие «иде-

¹ См.: Беккер Г. С. Человеческое поведение: экономический подход. М., 2003.

² Шюц А. Указ. соч. С. 103, 105.

альные типы» со своими типичными реакциями на типичные действия нашего «идеального типа»¹.

Учение А. Шюца о двух категориях мотивов, побуждающих к действию, является, на наш взгляд, определенным обобщением в трактовке индивидуальной (личностной) причинности, находящейся в отношении дополнительности к причинности «внешней». Речь идет о «мотиве для» (*in order to motive*) и «мотиве потому что» (*because motive*): «Первый соотносится с будущим и тождествен объекту, или цели, для осуществления которой само действие является следствием: это *terminus ot quen*. Второй соотносится с прошлым и может быть назван поводом, или причиной, действия: это *terminus o quo*»².

Таким образом в социологической эпистемологии впервые выражена особая бытийная сущность человека — его индетерминизм, относительная свобода от влияния прошлого при выборе варианта поведения, направленного к будущей реализации цели. Деяние здесь выступает как следствие выбора «для того, чтобы», т. е. для достижения цели. Здесь впервые в детерминации деяния зримо представлен экзистенциальный «разрыв» между «прошлым» и «будущим». Собственно этим и определяется относительный индетерминизм (как и относительный детерминизм!) взаимодействия как внешних факторов, так и внутренних психо-духовных структур (диспозиции) личности.

Следует отметить диалектическую исключительность, особую интимность ситуативной встречи духа и материи, причем духовность человеческая проявляется здесь во всем своем структурном многообразии, включающем не только разум, но и страсть, воображение, этос и эрос, чувство прекрасного, креативные способности, способности коммуникации.

С философских позиций (экзистенциальной феноменологии) ситуацию следует рассмотреть как эпизод вот-бытия (*Dasein*), в котором субъект «озабочен» конкретной самореализацией в вещном, материальном мире»³.

¹ Шюц А. Указ. соч. С. 103, 105.

² Там же. С. 106.

³ М. Хайдеггер пишет: «...мир коренится в первичной доступности того, что схвачено заботой. Таким образом, мир подлежит озабоченности. А сама озабоченность и есть энергия *Dasein*, образующая тот самый «просвет бытия», стояние в котором определено как экзистенция: особая просвечивающая сила, в которой мир способен непосредственно, т. е. без каких-либо посредников, открываться человеку. Навстречу

Можно также ситуацию, включающую действующего субъекта, считать определенным способом поведенческого бытия, который содержит «озабоченность», т. е. активность по организации этой «повседневности».

Те, кто склонен отрицать индетерминизм в ситуации, не понимают этой диалектики. Как отмечает Пауль Тиллих: «Ошибкой всех теорий, объясняющих поведение живого существа единственно понятиями окружения, является неумение объяснить социальный характер окружения понятиями конкретного характера существа, которое имеет такое окружение. Самость и окружение взаимно детерминируют друг друга»¹.

В связи с вышеуказанной взаимодетерминированностью эмпирическое изучение детерминант поведения в ситуации достаточно проблематично. Исследователи, в частности, рассматривают следующие возможности (позиции) такого рода исследований.

1. Можно фиксировать степень соответствия действия конкретного человека действиям других людей в той же ситуации. Чем это поведение оригинальнее (т. е. чем ниже степень соответствия), тем с большей уверенностью можно говорить о превалировании личностных факторов в ситуативном поведении.

2. Можно фиксировать степень соответствия данного действия человека в данной ситуации с его же действиями в других ситуациях. Если человек во многих разных ситуациях действует одинаково, то его поведение сильнее обусловлено личностными факторами.

3. Путем наблюдения можно выявить степень соответствия данного действия человека с его же прошлыми действиями в аналогичных ситуациях. «Чем чаще и чем заметнее человек при повторных ситуациях меняет свое поведение, тем в большей степени оно детерминировано личностными факторами»².

Однако, на наш взгляд, подобные наблюдения и основанные на них индуктивные выводы сами по себе еще недостаточны для определенной оценки того, в какой степени поведение

миру выходит Самость человека и обращается к нему». См.: *Хайдеггер М.* Письмо о гуманизме // *Время и бытие.* С. 203.

¹ *Тиллих П.* Систематическое богословие. СПб., 1998. С. 183.

² *Хокхаузен Х.* Личностные и ситуационные подходы к объяснению поведения // *Психология социальных ситуаций.* СПб., 2001. С. 59.

определялось личностными факторами, а в какой — внешними элементами ситуации.

Следует, например, заметить, что выражения «в той же ситуации», «в аналогичной ситуации», «один и тот же человек» являются довольно рискованными для оценки подлинного тождества ситуаций, поскольку «одна и та же ситуация» (даже если она действительно одна!) может быть (по смыслу) совершенно разной для двух действующих в ней субъектов. Тем более важен и такой феномен, как различие в причинной трактовке ситуационного поведения, которую дают *субъект этого поведения* и сторонний наблюдатель.

Сторонний наблюдатель фиксирует прежде всего само поведение, его эволюцию в сравнительно «инертной» (с точки зрения наблюдателя) обстановке; о мотивации, цели поведения сторонний наблюдатель судит в обратной последовательности — по действию и его результатам, «автором» которых предполагается только действующий субъект. Следовательно, внешний наблюдатель под влиянием наблюдаемой им ситуации причины поведения склонен относить к действующему субъекту.

Напротив, действующий субъект имеет перед собой «иную» ситуацию, вернее, *находится в ней*. Внешние элементы ситуации могут играть для субъекта объективно более активную детерминирующую роль, формировать мотивацию, предоставлять условия, ограничивать в свободном выборе. А собственный мотивационный блок, внутренние основания поведения «выносятся за скобки», как нечто константное. Поэтому «автор» поведения склонен причины его видеть вовне, причем не только непосредственно в средовых элементах ситуации действия, но и в более широком социальном «пространстве» (преступник всегда социальный редукционист!).

Рассматриваемое обстоятельство важно не только для осознания противоречий в понимании самим действующим лицом и «наблюдателем» причин конкретных деяний. Отсюда вытекает то обстоятельство, что даже при наличии избыточного количества свидетелей какого-либо преступного действия их показания отнюдь не гарантируют ни полноты, ни глубины расследуемого эпизода, особенно когда приходится иметь дело с коллизией правонарушителей и потерпевших.

Достаточно ясно, что локализация причин поведения или в характере личной диспозиции, или в объективных элементах ситуации может быть неоспоримо определена лишь в каких-то

предельных случаях, когда, например, человек под влиянием мотивации, связанной с акцентуированным психо-духовным состоянием, действует, не считаясь ни с какими условиями, или, напротив, когда ситуация однозначно мотивирует или иным путем предопределяет характер деяния.

Тем не менее известен ряд исследований, в которых психологи попытались дать количественную оценку влияния личностных и ситуационных факторов на поведение. Так, К. Бауэрс проанализировал 19 исследований на предмет влияния на дисперсию поведения вариаций личностных и ситуационных факторов. Подсчеты показали, что чисто личностными факторами можно объяснить 12,7% дисперсии поведения, 10,2% дисперсии поведения могут быть объяснены ситуационными факторами. В остальных случаях предпочтение тех или иных факторов не усматривалось.

2.1. *Структурный анализ ситуаций.* Ситуацию (как и проблему) следует «взвешивать брутто», иначе говоря, ситуация преступления должна включать все личностные характеристики субъекта преступления (личностная диспозиция), детерминировавшие как само деяние, так и комплекс элементов окружения, в котором это деяние фактически совершено.

Структуру поведенческой ситуации можно представить схемой, т. е. системой взаимодействующих векторов-сил (рис. 6). Вектор *a* характеризует мотивацию деструктивного действия. Вектор *b* характеризует предысторию личности, результаты ее духовного созревания (процессов индивидуализации, социализации). Вектор *c* — давление внешних обстоятельств, создающих субъекту реальную или мнимую проблему. Вектор *d* — возможности, предоставляемые ситуацией для реализации мотива¹.

В данной работе мы не рассматриваем специально вопрос о классификации ситуаций преступлений. По-видимому, еще не отработаны все возможные критерии такой классификации, да и сами цели ее недостаточно ясны.

Однако несомненно, что первым из таких критериев должен быть критерий *наличия или отсутствия в криминальной ситуации жертвы преступления*, поскольку именно такие ситуации наиболее трагичны, сложны, хотя бы уже потому, что в содер-

---

¹ О структуре ситуации преступления и ее элементах см.: Альбрехт У., Верни Дж., Уильям Т. Мошенничество. Луч света на темные стороны бизнеса. СПб., 1995. С. 36.

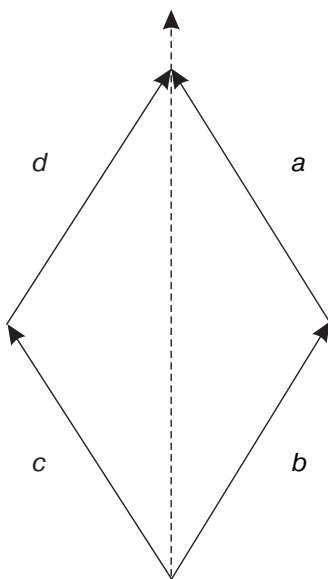

Рис. 6. Структура поведенческой ситуации

жание ситуации входит такой элемент, как взаимодействие по меньшей мере двух субъектов (преступника (С) и жертвы (V)), для которых «одна и та же» ситуация вовсе не является одной.

Важность рассмотрения (в первом приближении) типов подобных С—V-ситуаций обусловлена прежде всего тем, что тип данной ситуации имеет отношение к причинно-следственному описанию преступлений¹.

Первый тип С—V-ситуаций: преступник и жертва до криминальной ситуации не взаимодействуют друг с другом. Однако вследствие их встречи (случайной — с позиции жертвы) жертва невольно включается в пространственно-временной континуум ситуации.

Такая позиция может возникнуть как при умышленных, так и при неосторожных преступлениях.

Главная особенность ситуации заключается в том, что жертва до момента преступления не только не входит в контакт с

¹ Типы ситуаций преступлений, определяемые по критерию *инициатива преступника в организации ситуации*, рассмотрены в работе: Кондратьев Л. В. Антропология преступления. М., 2001.

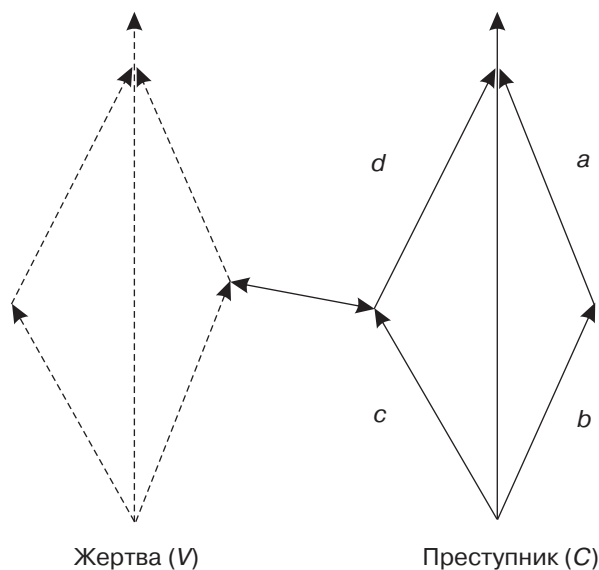

Рис. 7. Первый тип $C-V$ -ситуаций

субъектами преступления, но не оказывает влияния на формирование мотива преступника. Однако преступник в процессе мотивирования и целеполагания рассматривает *абстрактную жертву* в качестве обязательного условия исполнения замысла (см. стрелку c на рис. 7).

Второй тип $C-V$ -ситуаций: преступник *конкретную жертву* рассматривает (планирует) в качестве условия или возможности реализации цели. Мотив преступления формируется с учетом этой *конкретной* возможности (рис. 8).

Для преступника «встреча» с этой конкретной жертвой, конечно, не является случайностью, а что касается самой жертвы, то она чаще всего и не подозревает о том, что играет определенную роль в формировании мотива и в планах будущего субъекта преступления.

Степень ролевой активности данной персонализированной жертвы как до ситуации преступления, так и в самой ситуации может быть самой различной — вплоть до неумышленной провокации.

Третий тип $C-V$ -ситуаций: будущая жертва в генезисе мотива преступления выступает в качестве оказывающего давле-

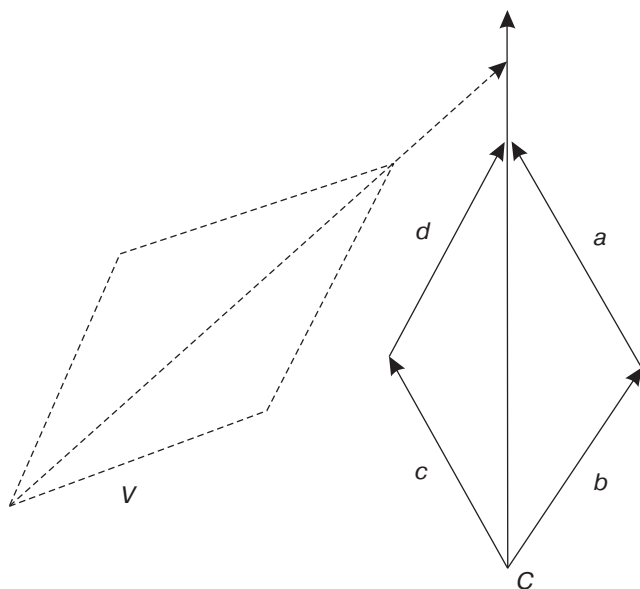

Рис. 8. Второй тип $C-V$ -ситуаций

ния внешнего обстоятельства (т. е. действует в направлении вектора c — см. рис. 9).

Со стороны субъекта преступления потенциальная жертва выступает как внешняя угроза или препятствие, мешающее реализации жизненных планов, и, следовательно, подлежит «обезвреживанию» или устранению.

Угрожающий характер действий жертвы (реальных или мнимых), сам факт существования жертвы нередко служит поводом и самооправданием последующих криминальных действий. Реально социально-ролевой диапазон жертв в данной ситуации чрезвычайно высок: от «ненадежного» партнера, препятствующего, например, криминальному замыслу, до свидетеля или работника правоохранительных органов.

Четвертый тип $C-V$ -ситуаций включает многообразные ситуации взаимодействия будущих преступника и жертвы, оказывающего влияние на формирование энеатипа, характера, акцентуаций, архетипов будущего субъекта преступления (рис. 10).

Здесь будущие преступник и жертва взаимодействуют на долговременной основе, достаточной для оказания устойчивого

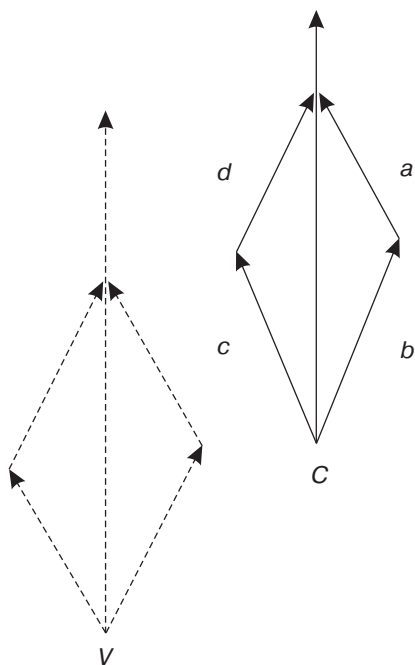

Рис. 9. Третий тип $C-V$ -ситуаций

влияния на личность будущего субъекта преступления. В этой связи понятно, почему здесь в качестве будущей жертвы выступают родственники, друзья, сослуживцы, обладающие определенным авторитетом и влиянием.

При этом для характеристики данного типа $C-V$ -ситуаций важна одна особенность, отличающая этот тип от следующего, пятого типа $C-V$ -ситуаций: сам мотив конкретного преступления (или преступления вообще) *потенциальной жертвой непосредственно не формируется*, однако основания мотивации (например, стремление к агрессии, экспансии, обману) или другие деструктивные психо-духовные структуры могут формироваться. Типичным примером ситуации является дурной пример и жизненная позиция родителей, воспитателей и т. п.

Пятый тип $C-V$ -ситуаций включает ситуации, в которых взаимодействие потенциальных преступника и жертвы оказывает непосредственное влияние на формирование мотива преступления (рис. 11).

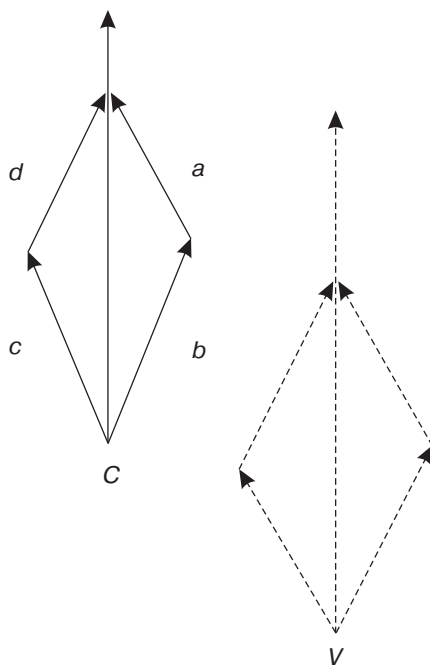

Рис. 10. Четвертый тип $C-V$ -ситуаций

К данному типу относятся криминальные ситуации, в развитии которых существенную роль сыграли действия жертвы, активно или пассивно провоцирующей «созревание» преступления непосредственным влиянием на мотивацию (на основании деструктивного поведения, т. е. стимулировали проявление агрессии, экспансии, обмана или их сочетания на когнитивную или волевую составляющую мотива). Данный тип ситуаций охватывает значительную группу преступлений *ad hoc* («случайных») как реакция на действия (бездействие) жертвы.

Шестой тип $C-V$ -ситуаций представлен такими, казалось бы, парадоксальными ситуациями, в которых и преступник и жертва соединены в одном лице, и, следовательно, все элементы «их» ситуаций совпадают (рис. 12).

Данный тип ситуаций формирует довольно многочисленный класс жертв-преступников, которые зачастую неосознанно направляют аккумулированный потенциал агрессии не «вовне», а «на себя», нарушая многочисленные нормы, правила, запреты

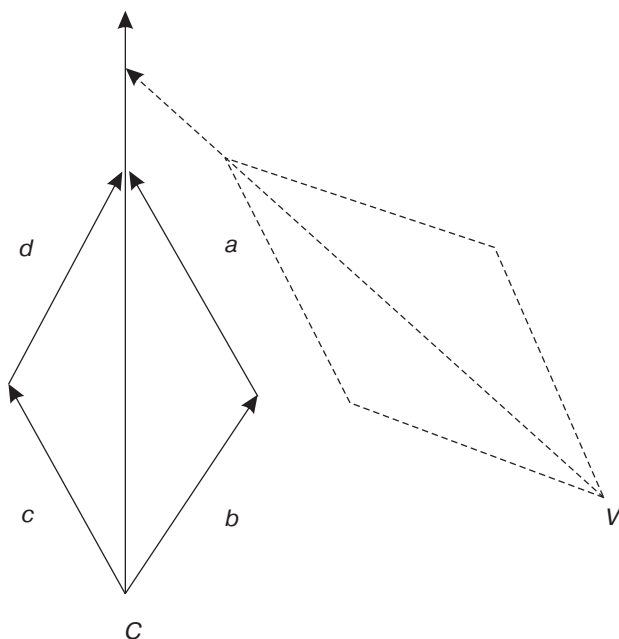

Рис. 11. Пятый тип $C-V$ -ситуаций

(правила безопасности движения, проведения работ, полетов и т. п.), что непосредственным образом причинно обуславливает совершение ими преступлений, первыми (но не единственными!) жертвами которых они становятся сами.

Как убедительно показывает Карл Меннингер в работе со знаковым названием «Война с самим собой», к данной категории жертв-преступников следует отнести не только виновных в преднамеренных или непреднамеренных «несчастных случаях», но и членовредителей, симулянтов, алкоголиков, наркоманов — всех, кто подвержен тяжкому духовно-экзистенциальному недугу — обскурации (сжатию) собственного бытия¹.

Однако рассматриваемая нами феноменология преступности на ситуационном уровне бытия в процессе эволюции криминального поведения выработала еще один (седьмой) тип $C-V$ -ситуаций, который можно было бы обозначить как эквивинальный.

¹ См.: Меннингер К. Война с самим собой. М., 2000.

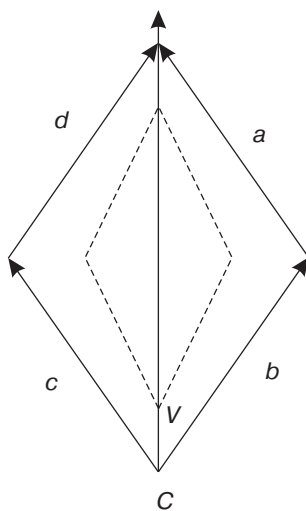

Рис. 12. Шестой тип С—V-ситуаций

Седьмой тип С—V-ситуаций (эквивифинальный) представлен ситуациями, в которых интересы жертвы и преступника ситуативно (временно) совпадают, и такое совпадение ими рассматривается как *меньшее из возможных зол*. К этой категории ситуаций их участники приходят путем эволюции из других типов С—V-ситуаций (см. рис. 7—11).

Здесь мы реально сталкиваемся с загадочностью и парадоксальностью самого процесса «качественных» превращений преступности, связанных не только с эволюцией ее организационных форм, но и с характером духовного состояния общества, когда уровень депривации (социальных противоречий) доходит до черты, за которой жертва вынуждена делать выбор: *или справедливость, или выживание*.

В целях более наглядного понимания специфики данного типа ситуаций рассмотрим их становление на примере, взятом нами из работы Игоря Клямкина и Льва Тимофеева «Теневая Россия»¹. Они записали рассказ москвича О. В., хозяина небольшой торговой фирмы. Приводим этот рассказ целиком: «Через две недели после того, как мы открыли наш магазин, —

¹ См.: Клямкин И. М., Тимофеев Л. М. Теневая Россия: экономико-социологическое исследование. М., 2000. С. 124.

проверка. Человек десять в камуфляже, в масках, с оружием. “Всем на пол, руки за голову, ноги в стороны!” Молоденький продавец уже с пола что-то спросил — ему сапогом в зубы. Лежим так не знаю сколько, может, десять минут, может, полчаса, мордой в пол. Меня кто-то за плечи трогает: “Хозяин? Вставай!” Встаю. Майор милиции. Здесь отделение через дом, и он пришел со мной “дружбу” завести. “По-соседски”. А менты вроде ошиблись, вроде им что-то не то показалось, они нас и положили... Цена “дружбы” — поставить у них в отделении три двери... Поставили, куда денешься. Дубовые поставили. А то ведь жизни не будет. И теперь так и “дружим” с ними: то помочь их коллективу обмыть новую “звездочку” у начальника (на погонах) — триста баксов из кармана, то полы отциклевать и полакировать — еще пятьсот. Не знаю, есть ли большой прок от такой “дружбы”, *но все-таки бандиты к нам не приходили пока*. Может быть, менты и бандиты между собой зоны влияния поделили, а *мы все-таки под защитой у того майора, который теперь уже стал подполковником*» (выделено нами. — Л. К., В. О.).

Как видим, в данном случае ситуативная эволюция началась с классического рэкетирского «наезда», т. е. с начальной ситуации, которую мы бы отнесли ко второму типу С—V-ситуаций. Однако рэкетир в данном случае не ограничился банальным вымогательством. Более того, при социальном режиме, *когда свободное предпринимательство является опасным с точки зрения выживания*, начальник отделения выступил в качестве продавца особой «услуги» — защиты от наездов (т. е. «крыши»), подтвердив тем самым (в интересах жертвы), что не собирается резать курицу, несущую золотые яйца.

Но рэкетиру еще важно было внушить жертве мысль, что она ценою подачек выкупает себе некоторую защищенность, судя по выделенным нами фразам в рассказе хозяина. Вымогатель играет роль некоего элемента, паразитирующего на формационных и организационных возможностях рыночных отношений.

Следует отметить, что весьма часто ситуация, которая начинает развиваться по одному типу С—V-ситуаций, под влиянием внешних или внутриличностных (не всегда осознаваемых) факторов — побуждений — «вдруг» переходит в какой-то иной тип ситуаций.

В Витебске (Белоруссия) в 1980-е гг. на протяжении более 10 лет маньяк с помощью веревки задушил 36 женщин. По его

преступлению незаконно были привлечены 14 человек, один — расстрелян. На следствии маньяк рассказал, что после срочной службы в армии он узнал, что его девушка вышла замуж. В эмоциональном порыве он решил покончить с собой, срезал кусок бельевой веревки, но случайно увидел проходящую женщину, и вся агрессия была направлена на нее. Так началась его преступная карьера.

Здесь мы видим, как ситуация, начавшая развиваться по сценарию шестого типа *С—V*-ситуаций, мгновенно была переведена на второй *С—V*-тип.

Очевидно, что чем сложнее криминальная деятельность, тем большее количество *С—V*-ситуаций в ней задействовано.

2.2. Индетерминизм и детерминизм на ситуационно-фреймовом уровне анализа. Все, что можно отнести к детерминантам преступности, имеет статус причины, если имеет отношение к наполнению и расследованию энергетики агрессии, экспансии, обмана.

Частным случаем седьмого типа *С—V*-ситуаций является ситуация, в которой у жертвы формируется особое психо-ситуативное состояние, получившее известность как «синдром заложника».

В обстановке квазифинальной ситуации *С—V* у жертвы, создающей угрозу активных действий (штурма), на подсознательном уровне возникает «совпадение» интересов с интересами захватчиков.

Об этом же, кстати, свидетельствует и представленный выше анализ типов *С—V*-ситуаций.

Отсюда же следует, что и вся предупредительная деятельность правоохранительных органов должна влиять на мотивацию субъектов деструктивного поведения, этой цели могут служить способы воздействия как непосредственно на мотивацию, так и опосредованно на те «факторы», которые эту мотивацию формируют.

Например, борьба с коррупцией, какие бы хорошие законы при этом ни применялись, не будет успешной до тех пор, пока не изменятся мотивы действий чиновников, т. е. основания их поведения, цели, убеждения, ценности. Если вырванный чиновником «куш» по значимости выше его религиозных, нравственных, карьерных и иных ценностей и убеждений, коррупция неистребима. Этот мотивационный фактор не менее важен, чем факторы, создающие социально-правовые условия коррупции:

право и возможность чиновника принимать или не принимать необходимые решения (приватизация власти), недоступное правосудие, неподконтрольность исполнительной власти и т. п.

Указанные соображения о самостоятельной, не сводимой к социальным условиям роли мотивации позволяет выдвинуть важный тезис: *всякое воздействие на криминогенные причины может быть эффективным лишь при условии, если оно доходит до уровня обусловливания мотивации, т. е. если оно:*

аккумулирует основания конструктивного (любовь, забота, истина) или деструктивного (агрессия, экспансия, обман) поведения;

переориентирует когнитивный аспект мотивации, т. е. перестраивает иерархию ценностей (убеждений, целей);

формирует волевой аспект — готовность действовать, быть ответственным за личный выбор.

Для этого необходимо, чтобы в повседневной ситуации конкретный субъект столкнулся с реально новым переживанием своего бытия. Например, человек должен лично убедиться в доступности правосудия, в лояльности системы юстиции и т. п. Иными словами, если говорить об эффективном воздействии на преступность, эти меры должны быть такими, чтобы их потенциал не растворялся в безличном «общем», но достигал конкретных адресатов и выстраивал их мотивацию. Предлагаемые цепочки мер должны носить замкнутый характер — начинаться и замыкаться на мотивации тех лиц, поведение которых мы хотели бы изменить.

§ 7. Криминологическая оценка выбора вариантов поведения

Человек вынужден бороться за выживание. Для борьбы за выживание человеку дан разум. С помощью разума человек определяет рациональные, жизненно важные цели и для их достижения разумно использует подходящие средства.

Из необходимости в целях выживания действовать рационально, так же как из самой природы человека, нельзя вывести необходимость подчиняться в своем поведении еще каким-либо нравственным максимам. Скорее человеку «выгоднее», результативнее быть агрессивным, лживым, экспансивным.

Только в духовном мире человека обнаруживается новое измерение сущего — его нравственное измерение, когда человек

приобщается «к объективному голосу бытия», когда в этом бытии, вопреки человеческому разуму, признается особая ценность и заинтересованность в ее сохранении, когда в человеке под воздействием любви проявляются особенные духовные качества: жертвенность, осознание ценностей, превышающих ценность собственного благополучия. Способность к альтруизму: жертвовать, отказываться от эгоизма — это свойства зрелой духовности, присущей зрелым личностям.

С феноменом альтруизма столкнулся еще Чарльз Дарвин. В «Происхождении человека» (1871 г.) он отмечал, что в мире, сложившемся в результате естественного отбора, феномен альтруизма, сотрудничество представляется загадкой, поскольку естественный отбор по самой своей сути эгоистичен и способствует лишь тем адаптивным изменениям, которые идут на пользу данной особи.

В первом приближении Дарвин допустил, что естественный отбор может вызвать к жизни альтруистическое поведение (например, побудить особь рисковать жизнью ради другой особи), если такое поведение идет на пользу членам семьи данной особи. Это утверждение основывалось на том, что члены одной семьи обыкновенно имеют сходные наследственные черты, включая и заложенную в генах склонность к взаимопомощи. Насколько эта группа родственных особей благодаря взаимопомощи добьется преимуществ в воспроизведении себе подобных, настолько и ее потомки будут способствовать передаче в следующее поколение наследственного материала, дающего репродуктивные преимущества. Все это укладывается в ключевую схему дарвинизма — в схему естественного отбора. Дарвин также высказал мысль о возможности сотрудничества между неродственными особями. Он полагал, что кооперативное поведение может продолжаться до тех пор, пока преимущества и выгоды, достающиеся сотрудничающим неродственникам, остаются взаимными. Наконец, он высказал предположение о естественном отборе группы, ведущей себя среди других групп как особь среди особей. Ему представлялось, что поведение популяции, склонной к внутригрупповому сотрудничеству, должно дать ей преимущества над популяциями менее альтруистическими¹.

---

¹ См.: Салозей Ф. Дж. Теория эволюции и альтруизм // Интеллектуальный форум, 2003 г. Вып. 12 (if.russ.ru).

Выдающийся отечественный генетик В. П. Эфроимсон утверждал, что такое присущее высоким душам человеческое свойство, как альтруизм, является генетически обусловленным. Вопреки эгоизму, жадности, агрессивности и другим негативным свойствам, которые не украшают людей и приносят в мир страдания и разрушение, человечество развивается и совершенствуется благодаря иным, лучшим качествам человеческой души: способности жертвовать собой ради других, умению любить и сопереживать. «Мы выживем, — писал Эфроимсон, — если сохраним в себе такие качества, как самоотверженность и стремление к взаимному общению»¹.

Развивая проблему *генетической обусловленности этических начал человека*, Йорк Блех и Рафаэла фон Бредов в статье «Грамматика добра», опубликованной в 2007 г. в «Der Spiegel», пишут, что новые научные данные, совместно добываемые нейробиологами и специалистами по философии права, опровергают многое из того знания о человеке, что издавна считалось неизбывным. Так, очевидно, что мозг младенца не *tabula rasa*, не девственно чистый лист бумаги, на котором воспитание и окружающая среда смогут написать, что захотят. Появляется все больше доводов в пользу гипотезы, что человек приходит на этот свет с неким этическим компасом, своего рода врожденным чувством добра и зла. «Мы выработали в себе этический инстинкт, то свойство, которое природа заложила в каждом ребенке», — утверждает, к примеру, английский психолог Марк Хаузер.

Немецкий невропатолог Вальтер высказывается в том же духе: «Я полагаю, что базовые правила социального — и тем самым морального — сосуществования заложены природой». По Вальтеру, чувство нравственного и безнравственного нельзя сравнивать с рукой или ногой, которые растут сами по себе. Этическое чувство скорее врожденная структура, которая «правильно развивается только в надлежащих условиях».

Не только религии и правовые системы, не только родители и воспитатели прививают человеку нравственность и порядочность. Человек появляется с этими задатками на свет, получив их в чреве матери. Следовательно, принятие этических решений — процесс, не полностью осознанный, им управляет еще и интуиция. Правда, исследователи утверждают, что наличие эти-

---

¹ Эфроимсон В. П. Генетика гениальности: биосоциальные механизмы и факторы наивысшей интеллектуальной активности. М., 2002.

ческих чувств само по себе не гарантирует того, что человек будет добродетельным. Согласно этой теории каждый человек — пока его мозг в порядке — знает, что хорошо и что плохо. Но существует множество психологических механизмов и воздействий окружающего мира, способных накладываться на этическое чувство. В противном случае невозможно было бы объяснить убийства, как умышленные, так и непреднамеренные.

Тезис об этическом чувстве ученые подкрепляют тремя основными аргументами:

во-первых, исследования здорового и больного мозга показывают, что нравственные решения в основном генерируются четырьмя участками головного мозга. У здоровых людей эта система управляется не столько трезвой логикой, сколько эмоциями;

во-вторых, всем людям на нашей планете явно и в одинаковой мере присуща способность распознавать порядочность, ответственность или благодарность. В любой культуре преднамеренное оскорбление воспринимается как более тяжкий удар, нежели неумышленное. Эти базовые этические оценки даны уже детям в самом юном возрасте;

в-третьих, все национальные правовые системы основываются на сходных заповедях и запретах, истоки которых не обсуждаются. Откуда эти глубокие убеждения взялись, известные на сегодня философские учения удовлетворительно объяснить не могут.

Психолог Мальман образно отметил, что принятое в философии Аристотеля определение человека как *animal rationale*, т. е. разумного животного, нуждается в дополнении: «Человек — это также *animal morale*, наделенное моралью существо»¹.

Со второй половины XX столетия в результате достижений глубинной психологии (работы З. Фрейда, К. Г. Юнга и др.), а также творческого обобщения огромной психоклинической практики ученые подошли к анализу психо-духовного поля, захватывающего глубины подсознания, в котором исследуются исключительно важные для детерминации поведения так называемые трансгенетические связи — род психо-духовного наследования человеком синдромов, семейных тайн, мотивов (в том числе криминальных!) предыдущих поколений. Открывающиеся здесь горизонты в понимании детерминации поведения

---

¹ Der Spiegel. 2007. Nr. 34 (542).

(в том числе деструктивного) еще подлежат осмыслению. Анализ указанной проблематики изложен в книге Аны Анселии Шутценбергер¹.

Но одновременно каждый человек онтически отягощен агрессивностью, экспансивностью, лживостью. Даже озабоченность, обыденные заботы отягощены страхом; человек постоянно находится в состоянии неопределенности результата выбора, оценки и т. д.

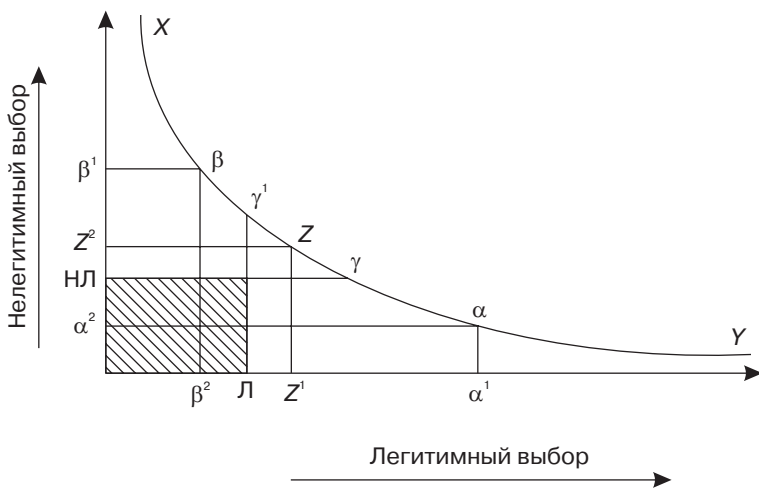
Эрих Фромм в работе «Душа человека» писал, что «с точки зрения Ветхого Завета человек способен и к хорошему, и к дурному, он должен выбирать между добром и злом, между благословением и проклятием, между жизнью и смертью. Бог никогда не вмешивается в это решение. Он помогает, посылая своих посланцев, пророков, чтобы наставлять людей, каким образом они могут распознавать зло и осуществлять добро, чтобы предупреждать их и возражать им. Но после того, как это уже свершилось, человек остается наедине со своими “двумя инстинктами” — стремлением к добру и стремлением к злу, теперь он сам должен решать эту проблему»².

Все сказанное позволяет нам говорить о потенциальной готовности человека осуществлять свои цели на путях как конструктивной, так и деструктивной стратегий. Следовательно, и все поле мотивированного поведения можно представить как «пространство», в котором в соответствии со свободным выбором осуществляется действие (бездействие) как этически одобряемой и легитимной (конструктивной), так и аморальной или противоправной (деструктивной) направленности. Действительно, в реальной жизни конкретные цели достигаются сочетанием образцов поведения (действия), которые по критерию их соответствия этическим и правовым нормам могут быть отнесены к категориям неэтическим (этически осуждаемым), этически нейтральным, этически одобряемым, нелегальным, легально нейтральным, легальным. Причем все эти поведенческие категории в различной степени могут служить достижению жизненных целей.

---

¹ См.: Шутценбергер А. А. Синдром предков: Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование психосоциограммы. М., 2007.

² Фромм Э. Здоровое общество. Искусство любить. Душа человека. М., 2007. С. 246.

Рис. 13. «Кривая безразличия» выбора поведения с позиции его результативности

При этом во всем поведенческом «пространстве», представляемом системой координат, можно выделить последовательность выборов поведения, которые при всем различии их этико-правовой оценки будут одинаково результативны. Такую последовательность точек (линий), пользуясь экономической аналогией, назовем «кривой безразличия». На рис. 13 «кривая безразличия» представлена линией XU .

На рис. 13 фактически представлен частный случай этико-правового поля, а именно только правовая его составляющая. В правовом поле, символически представленном на рисунке, возможны лишь три ситуации выбора поведения: 1) легитимная; 2) нелегитимная; 3) комбинированная, включающая легитимную и нелегитимную составляющие.

Вид и расположение кривой XU предопределяются прежде всего личными качествами субъекта, осуществляющего выбор: а) его потенциалом в деструктивном поведении (агрессии, экспансии, обмане); б) сдерживающими «механизмами», выработанными в процессе воспитания; в) готовностью к риску; г) условными установками и т. д.; а также и факторами, характеризующими состояние общества: а) его нравственным состоянием; б) состоянием законодательства и правового режи-

ма; в) социальными противоречиями и т. п., т. е. теми самыми характеристиками личности и среды, от которых зависит как индивидуальный, так и массовый выбор действий.

По горизонтальной оси от точки Л вправо представлены выборы действий на легитимной основе (например, выбор, обозначенный точкой α на кривой ХУ. Ее проекция на вертикальную ось — α^2 попадает в заштрихованную область этически нейтральной оценки действий). Напротив, легитимный образ действий (точка β) на кривой ХУ характеризуется проекцией β^1 на нелегитимную область (выше точки НЛ на оси), хотя с точки зрения этики этот выбор может быть нейтральным (проекция β^2 на горизонтальную ось — в заштрихованной области).

В реальной жизни достижение целей (если отвлечься от этических норм) возможно как легитимным, так и нелегитимным путем. Вполне реальной является ситуация, когда легитимный путь по каким-либо причинам блокирован (например, по причине коррумпированности и т. п.), и субъект обращается к: а) нелегитимным действиям (точка β); б) комбинированным действиям, относящимся как к легальным, так и к нелегальным (точка Z).

На рис. 13 область выбора действий со смешанной оценкой (легальной и нелегальной) заключена между точками γ и γ^1 и представляет особый криминологический интерес.

«Кривая безразличия» ХУ показывает достижение некой результативности действий (выбора действий) — РД. Выбирая легитимный алгоритм действий, субъект приобретает не только желаемый результат (РД), но и нравственную и правовую неуязвимость, институциональную поддержку, одобрение, т. е. некоторую отложенную выгоду (ОВ), и, следовательно, полная результативность (ПР) может быть представлена суммой:

$$\text{ПР} = \text{РД} + \text{ОВ}. \quad (1)$$

Более сложной в смысле учета потерь и выгод представляется ситуация выбора нелегитимного образа действий. Результативность при этом может достигаться при минимуме затрат, т. е. к результату (РД) можно добавить и сбереженные затраты (С). Полная результативность имеет вид:

$$\text{ПР} = \text{РД} + \text{С}. \quad (2)$$

Однако при нелегитимном образе действий следует учитывать отложенные потери (f), т. е. размер санкций за нелегитимные действия, наступающих с определенной вероятностью (P). Величина отложенных потерь, равная Pf , вычитается из результативности действий, и тогда полная результативность равна:

$$ПР = (РД + С) - Pf. \quad (3)$$

Очевидно, что при условии, когда разность между экономией затрат и величиной отложенных потерь превышает отложенную выгоду легитимного образа действий ($(С - Pf) > ОВ$), выбор нелегитимного образа действий может быть более результативным и иметь рациональное оправдание.

Таким образом, полная результативность («полезность») преступления для преступника равна разности между достигнутым результатом при сбережении затрат и произведением размера санкций на вероятность их наступления.

Иными словами, *на преступника и преступность (на криминальную результативность) общество эффективно может реагировать, изменяя величину санкций или вероятность их наступления (вероятность разоблачения) или то и другое одновременно.* Эти пути реагирования на преступность требуют определенных издержек.

Все указанные зависимости были предметом анализа нобелевского лауреата Гэри Беккера, который, в частности, приходит к небанальному выводу о том, что *изменение вероятности изобличения влияет на число совершенных преступлений сильнее, чем изменение строгости наказания*¹. Уже одно это обстоятельство указывает на то, что показатели раскрываемости преступлений не могут и не должны быть упразднены, поскольку они характеризуют прежде всего общественную эффективность борьбы с преступностью.

С определенными оговорками можно согласиться и с мнением Г. Беккера о том, что некоторые люди «становятся преступниками не потому, что их базовая мотивация отлична от мотивации других людей, а потому, что у них иная оценка издержек и выгод»².

¹ См.: Беккер Г. Указ. соч. С. 295—297.

² Там же. С. 297.

Оценка издержек и выгод относится к рациональной составляющей мотивации обычного, здорового поведения (вторая составляющая — этическая оценка), однако признание Беккером того, что у преступников эта оценка «иная», свидетельствует о том, что и сам Беккер признает это отличие («инаковость») рациональной составляющей мотивации у преступников.

С чем связана эта особенность «оценки издержек и выгод», разъясняет и сам Беккер — она связана со склонностью к риску: чем выше эта склонность, тем величина P (вероятность разоблачения) будет оцениваться ниже.

Вместе с тем люди, склонные к риску, активнее реагируют на изменение P , чем на изменение f : рост P для них значительно больше снижает «полезность» преступлений, чем рост f , и наоборот, любая тенденция к снижению P (реальному или субъективному) для них есть верное основание повышения полезности криминального выбора¹.

Мы видим, что анализ и выводы, сделанные Беккером, вполне согласуются с рассмотренным выше психологическим анализом У. Ундейча, доказавшим, что привлекательность цели и мотив ее достижения доминируют над мотивом избегания опасности почти на всем протяжении процесса мотивации человеческого поведения (см. рис. 5). Несомненно, эта закономерность имеет важное криминологическое и криминалистическое значение.

Именно анализ когнитивной составляющей мотивации поведения вывел нас к риску как явлению и понятию. Мы полагаем, что рассмотрение риска в качестве одного из важнейших условий человеческого бытия имеет методологическое значение для криминологии и для всех наук юридического цикла.

---

¹ В связи с этим совершенно закономерно видеть зависимость повышения латентности (и снижения результативности работы милиции) от экстремального роста тех видов преступлений, в мотивации которых рациональная составляющая является ведущей: посягательства на собственность, экономическая и коррупционная преступность, бизнес-преступность (организованная) и т. д.

Глава II. Криминотропные риски и их измерение

Выше мы говорили о том, что жизненный опыт человечества приводит к выводу: во всех трех «мирах» его обитания никакое явление или событие либо свободное проявление воли не ведет к однозначному результату. Человек сталкивается в жизненных ситуациях с набором результатов своих и чужих действий, каждый из которых имеет свою вероятность, а все вместе характеризуются распределением вероятностей. Сама судьба человека — это «линия» его предназначения, прокладываемая в неопределенном, вероятностном мире.

Даже в мире физическом нам неизвестна Истина в ее последней инстанции, и физик сталкивается с парадоксами (отклонениями от определенных законом вероятностей), что свидетельствует о необходимости следующего шага в познании.

В мире духовном неопределенность также связана со свободой человеческого духа. Можно сказать, что свобода воли человека и ее границы — причина неопределенности результатов его действий, поскольку в мотивации его действий добровольно должны гармонически сочетаться как когнитивный, так и этический компоненты. Производным от состояния свободы является состояние ответственности. *Риск, собственно, и есть объективно существующая неопределенность ожидаемых результатов (исходов) свободных человеческих действий, за которые он несет ответственность.*

В обыденной жизни риск выражается, как правило, в несоответствии между тем, что ожидается от предпринятых действий и что на самом деле происходит.

Риск приводит к результатам, отклоняющимся от ожидаемых как в негативную, так и в позитивную сторону. Более того, например, в экономике с понятием риска чаще всего связывается именно возможность прибыли. Ф. Найт отмечает: «Вся подлинная прибыль связана с неопределенностью»¹.

Именно в экономике феноменология риска исследована с наибольшей тщательностью, поскольку риск и неопределен-

---

¹ Цит. по: *Рогов М. А. Риск-менеджмент. М., 2000. С. 7.*

ность в вопросе «хлеба насущного» непосредственно касается сохранения самого существования.

Большинство институтов общества и государства, право и мораль фактически являются инструментами управления рисками. Между режимом рисков и свободой существует метафизическая связь, а власть — промежуточное звено между ними: чем больше власть подавляет свободу, тем больше (часто неосознанно!) принимает на себя ответственность за риски. *Но, будучи лишены права на риск, личности и общества деградируют и проигрывают в конкурентной борьбе.*

Свободного от рисков поведения не существует, поэтому вопрос типологии или классификации рисков невероятно сложен. Один и тот же риск, когда источником неопределенности является природа самого человека, может быть отнесен и к социальному, и к экономическому, и к правовому, и тому подобному риску. Ниже мы попытаемся в первом приближении содержательно и структурно осветить особую группу рисков, которую мы определяем как *криминотропную*.

§ 1. Риск совершить преступление

Основу нашей концептуальной позиции о природе преступления составляет убеждение, что каждому человеку, как следствие его психо-духовного несовершенства, онтологически присущи основания деструктивного поведения, которые можно свести к трем паттернам (пучкам) психо-духовно-эмоциональных качеств: агрессии, экспансии, обману.

Указанное обстоятельство духовной обусловленности оснований деструктивного поведения не отменяет тот факт, что каждая личность — это социальное существо, призванное воплотить свои детерминированные средой функции и роли.

«Код деструктивности» заложен в каждой человеческой личности и при определенных обстоятельствах способен «срабатывать» в виде многообразных форм агрессивного, экспансивного, лживого (в том числе определяемого как криминальное) поведения. Отсюда следует, что для каждой личности существует определенный риск стать субъектом преступлений, при этом степень этого риска для разных людей различна.

Понятно, что не только основания деструктивного поведения (агрессия, экспансия, обман) определяют мотивационную сферу деструктивного поведения. На нее свое воздействие оказывает когнитивный и волевой элементы выбора вариантов поведения, которые сами по себе могут иметь определенные ано-

малии и акцентуации. При этом следует отдавать себе отчет в том, что мотивированный процесс принятия решения, если говорить о его интенциональной (духовной) составляющей, находится под контролем тех «защитных механизмов» (вытеснение, подавление, реактивные образования и др.), которые личность нарабатывает в процессах индивидуации и социализации, т. е. в ходе духовного созревания и адаптации к общественной жизни¹.

Формирование указанных механизмов на почве органических и духовных задатков и кодов и их функционирование происходят, разумеется, в каузальной среде, стечение факторов которой способно блокировать действие защитных механизмов и тем самым освободить деструктивные личностные силы и способствовать их разрушительному социальному проявлению вопреки «естественному» (читай — нравственному) праву и морали.

При всей сложности определяющих поведение оснований, механизмов, факторов и отношений между ними вопрос оценки, измерения риска преступления настолько практически важен, что криминология, начиная с первых этапов своего становления, пытается найти подходы к определению *распространенности* и *вероятности* криминальных деяний и построению эмпирических методик распознавания лиц, чья склонность к совершению преступлений превышает «обычный» уровень.

Важнейшим открытием криминологов (подтверждающим нашу концепцию всеобщности психо-духовного «кода деструктивности») является обнаружение ими почти тотальной распространенности среди населения *способности к совершению преступлений*. Еще в 1947 г. И. Валлерстайн и К. Вейл в журнале «Пробация» (США) опубликовали данные анонимного опроса 2 тыс. жителей Нью-Йорка. 91% ответивших на вопросы заявили, что им приходилось хотя бы раз в жизни совершать действия, относящиеся к разряду преступлений.

В современной России, по усредненным экспертным оценкам, не считая кумулятивной латентности², совершается 14—15 млн преступлений в год, тогда как фактически регистрируется около (больше или меньше) 3 млн. Ориентировочно полагая,

---

¹ См.: Фрейд А. Психология «Я» и защитные механизмы. М., 1993; Самосознание и защитные механизмы личности: Хрестоматия. Самара, 2000.

² Кумулятивная латентность — это масса незарегистрированных преступлений, приходящихся на годы, предшествующие отчетному, ограниченная установленными законом сроками давности привлечения к уголовной ответственности.

что за каждым преступлением стоит по крайней мере один преступник, и с учетом кумулятивной латентности количество преступлений-преступников как минимум можно удвоить. То есть в стране есть как минимум 30 млн лиц, юридически могущих быть признанными преступниками. Принимая во внимание, что по крайней мере 80% этих лиц — мужчины, определяем долю (процент) теоретической *вероятности риска совершить преступление* для данной демографической категории по формуле

$$P_i = \frac{\Pi_i}{N_i} 100\%,$$

где P_i — теоретическая вероятность риска совершить преступления для i -й демографической категории; Π_i — количество зарегистрированных и латентных (текущей и кумулятивной латентности) преступлений; N_i — численность i -й демографической группы населения страны.

Подставляя данные о численности достигших совершеннолетия мужчин в России в 2005 г. (старше 14 и моложе 70 лет) в расчетную формулу, получаем:

$$P_i = \frac{24 \text{ млн}}{51 \text{ млн}} 100\% = 47\%.$$

Таким образом, с вероятностью 47% мужчины активного возраста в России могут оказаться причастными к совершению какого-либо преступления.

Казалось бы, получена нереально завышенная цифра. Но надо вспомнить, что на начало перестройки в СССР проживало около 25 млн судимых лиц (не считая жертв репрессий). За годы реформ в России через тюрьмы, СИЗО, ИВС и исправительные учреждения прошли более 20 млн человек.

Однако приходится признать, что и цифра в 47% не является окончательной в связи с установившимся особым коррупционным состоянием нашего общества.

Коррупция стала само собой разумеющейся формой общественных отношений граждан и представителей государства, при которой граждане «облагаются» дополнительным налогом в пользу бюрократии, «приватизировавшей» государственные полномочия. Коррупция имеет тотальные масштабы: по данным Фонда ИНДЕМ, активную антикоррупционную установку имеют лишь 13% предпринимателей и 15% граждан. Только в бытовую коррупцию (а есть еще политическая, деловая), по признанию опрошенных респондентов, вовлечено не менее половины активного населения страны — около 50 млн человек.

Хотя в силу «естественного», интенционального чувства справедливости коррупция никогда не станет «нормой», тем не менее каждый гражданин, чье благополучие зависит от решений представителей бюрократии в любой из сфер жизнедеятельности, вынужден, идя на сделку с совестью, использовать и нелегитимные деяния, выступая при этом не столько как *субъект коррупционного действия*, сколько как *жертва установившегося режима власти*.

Подобного рода расчеты, свидетельствующие о массовом характере криминальной пораженности, могут привести по крайней мере к двум выводам. Первый — *формально-бюрократический*: огромный риск стать субъектом преступления требует *тотального репрессивного реагирования* по принципу «неотвратимости наказания». Полагаем, что данный подход может быть признан резонным лишь в границах тех преступлений, в отношении которых в правоохранительные органы поступали заявления потерпевших, а также в отношении преступлений (как правило, наиболее общественно опасных), выявленных по инициативе самих правоохранительных органов.

Второй вывод — *профилактически щадящий*. Он базируется на противопоставлении концептуальных положений и представлений об эффективности оберегающего воздействия на духовную и социальную сферы жизнедеятельности. Этот подход недвусмысленно признает малоэффективной существующую репрессивную практику в отношении преступников.

§ 2. Риск быть избалованным в совершении преступления и понести уголовное наказание

Этот риск может быть оценен с помощью вероятности (P) быть избалованным и понести наказание (f).

По мнению Г. Беккера, размеры наказания так важны, что, собственно говоря, влиянием на эти величины предопределяется вся уголовная политика: «...потери общества от противозаконной деятельности, как правило, можно свести к минимуму путем выбора пар значений P и f из тех пространств, где люди предпочитают риск, иными словами, из тех множеств допустимых значений P и f , при которых “преступления себя не окупают”»¹.

¹ Беккер Г. Указ. соч. С. 297.

Г. Беккер настолько уверовал в возможность эффективного математического подбора P и f с целью склонить преступника к отказу от преступления (путем повышения риска избалования), что всерьез отмечал: «Ответ на вопрос о том, “окупаются ли преступления”, зависит, таким образом, от отношения правонарушителей к риску и не связан напрямую с эффективностью работы правоохранительной системы или с объемом финансирования борьбы с преступностью»¹.

Такого рода убеждение есть результат ошибочного представления о том, что выбор поведения целиком определяется расходом, когнитивной составляющей мотивации, тогда как в действительности деструктивное поведение есть прежде всего выражение присущего людям «кода деструктивности» (оснований деструктивного поведения), имеющего духовную, эмоционально-нравственную природу. Лишь в достаточно узком спектре деструктивных «поведений» (преимущественно связанных с экономической сферой) рассудочная составляющая мотива может иметь решающее значение².

¹ Беккер Г. Указ. соч. С. 297.

² По мнению Г. Беккера, экономический подход, уравнивающий выбор криминального поведения с априорным определением его рентабельности, «позволяет отказаться от специальных объяснений, таких как падение нравов, психологическая неуравновешенность или врожденные склонности, и просто расширить сферу применения обычного экономического анализа выбора» (Беккер Г. Указ. соч. С. 284).

Все эти высказывания звучат вызывающим контрастом реальному состоянию деструктивности в обществе и психо-духовной сложности человеческой мотивации. Ф. М. Достоевский в «Записках из подполья» устами героя развенчивает одну из наивных, но рациональных моделей «конструирования» по заказу человека: «О, скажите, кто это первый объявил, кто первый провозгласил, что человек... если бы его просветить, открыть ему глаза на его настоящие, нормальные интересы... тотчас же стал бы добрым и благородным, потому что, будучи просвещенным и понимая настоящие свои выгоды, именно увидел бы в добре собственную свою выгоду, а известно, что ни один человек не может действовать зазнамо против собственных своих выгод, следовательно, так сказать, по необходимости стал бы делать добро? О молодец! о, чистое, невинное дитя! (...) Выгода! Что такое выгода?.. А что если так случится, что человеческая выгода иной раз не только может, но даже и должна именно в том состоять, чтоб в ином случае себе худого пожелать, а не выгодного? А если так, если только может быть этот случай, то все правило прахом пошло».

Тем не менее, хотя мы и считаем вероятность *быть изобличенным в преступлении* показателем, характеризующим прежде всего результативность деятельности правоохранительной системы, сама эта вероятность не столько осознанно, сколько интенсиально оказывает влияние на мотивационную сферу поведения, таким образом, является одним из «факторов» не только индивидуального, но и массового выбора криминальных вариантов поведения.

Современная система учета преступлений и отчетность правоохранительных органов позволяют определить три вида показателей, которые в своей совокупности приближают нас к оценке вероятности быть изобличенным в совершении преступления и понести за это наказание¹:

а) вероятность быть выявленным в качестве лица, совершившего преступление (P_b):

$$P_b = \frac{N_b}{N_n} 100\%,$$

где N_b — численность лиц, выявленных за совершение преступлений в отчетном периоде; N_n — численность преступлений, зарегистрированных в отчетном периоде;

б) вероятность быть осужденным за совершение преступления (P_o):

$$P_o = \frac{N_o}{N_n} 100\%,$$

где N_o — численность лиц, осужденных в отчетном периоде за совершение преступлений;

---

¹ При этом все указанные вычисления обладают одним неустранимым недостатком, связанным с тем, что преступность характеризуется значительной латентностью и, напротив, незначительной раскрываемостью, и это вынуждает при вычислениях подменять множество лиц множеством совершенных ими преступлений и наоборот. Так, вероятность лиц быть изобличенными в совершении преступлений в «чистом» виде должна быть равна соотношению количества лиц, выявленных (осужденных) за совершение преступлений, с количеством всех лиц, принимавших участие в совершении всех преступлений, но не только это количество лиц, но и само количество преступлений нам неизвестно (может быть оценено лишь косвенно). Поэтому вероятность определяется отношением количества выявленных (осужденных) лиц к количеству зарегистрированных преступлений. Столь же существенны и временные сдвиги учитываемых совокупностей лиц и преступлений.

Рис. 14. Динамика показателей, характеризующих вероятность быть выявленным за совершение преступления ($P_в$), осужденным ($P_о$) и осужденным к лишению свободы ($P_{лс}$) по отношению к количеству зарегистрированных преступлений

в) вероятность быть осужденным к лишению свободы ($P_{лс}$):

$$P_{лс} = \frac{N_{лс}}{N_{п}} 100\%,$$

где $N_{лс}$ — количество лиц, осужденных к лишению свободы в отчетном периоде.

На рис. 14 представлены статистические данные, позволяющие проследить величины и динамику рассмотренных выше вероятностей.

Даже визуально просматривается отрицательная корреляция рядов динамики показателей $P_в$, $P_о$ и $P_{лс}$ по отношению к динамике регистрации преступлений: с ростом регистрации вероятность (риск) выявления лиц, совершивших преступления, и вероятность их осуждения снижается, однако как только уровень преступности стабилизуется, указанные риски начинают воз-

растать до определенного уровня, обусловленного, по-видимому, состоянием ресурсов и профессионализма правоохранительных органов.

Однако начиная с 2001 г. наметилось резкое снижение показателей P_v и P_o , которое обусловлено не ростом регистрации преступлений как таковой (она скорее искусственно сдерживается), а некоторыми особенностями мер организационно-управленческого характера, в частности управленческими «метаниями» по поводу процента раскрываемости в качестве социального (но не ведомственного!) критерия оценки результативности деятельности правоохранительных органов.

В 1995—2004 гг. ежегодно в среднем по 55,3% зарегистрированных преступлений выявлялись лица, их совершившие. С 2000 г. этот показатель упал до 45,6%.

За десятилетие (1994—2004 гг.) риск быть осужденным (показатель P_o) был равен 37,6% от числа зарегистрированных преступлений, начиная с 2001 г. этот показатель опустился до 29%. С 2002 г. лишь каждое восьмое из зарегистрированных преступлений заканчивалось судебным приговором и наказанием в виде лишения свободы ($P_{лс} = 12,9\%$).

Что касается латентных общеуголовных преступлений (а их как минимум в четыре раза больше, чем зарегистрированных), то для них все три показателя рассматриваемых рисков практически близки к нулю¹.

Выше нами рассмотрены общие показатели риска, которые в значительной степени могут служить и характеристиками результативности работы правоохранительных органов. В этих же целях могут вычисляться показатели риска и по отдельным видам преступлений, а также по половозрастным и социальным характеристикам лиц, совершающих преступления.

Здесь следует обратить внимание на разброс величины показателей, который, в частности, говорит о том, что сами риски быть выявленным, осужденным и т. д. зависят и от оперативно-розыскных характеристик преступлений, и от их тяжести, и от степени концентрации оперативно-розыскных усилий, и от стимулов работников системы уголовной юстиции.

¹ К уголовной ответственности лица, совершившие преступления, не попавшие в число зарегистрированных, привлекаются лишь в том случае, когда сами преступления «дополнительно выявляются» в ходе расследования уголовных дел или в ходе оперативно-розыскной деятельности.

Так, например, такое преступление, как угроза убийством (ст. 119 УК РФ), в своей массе едва ли является более трудно раскрываемым, чем умышленное убийство (ст. 105 УК РФ), тем не менее вероятность быть выявленным за совершение убийства выше, чем за угрозу убийством, на 14—18 процентных пунктов (например, в 2004 г. $P_{\text{ум.уб}} = 85,7\%$, а $P_{\text{угр.уб}} = 69,2\%$). Таким же «неожиданным» соотношением показателя $P_{\text{в}}$ выделяются, например, разбой ($P_{\text{в}} = 64,8\%$) и вымогательство ($P_{\text{в}} = 54,6\%$).

Совершенно мизерным является риск быть выявленным за совершение такого преступления, как воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности. По данным за 2004 г., $P_{\text{в}}$ для этого преступления — всего 7,1%. Несомненно, такая величина риска свидетельствует о беззащитности начинающего предпринимателя перед коррумпированной бюрократией.

Ситуация с безнаказанностью преступников в России в начале XXI в. обострилась до такой степени, что в 2007 г. руководство МВД России заявило в СМИ о том, что число приостановленных уголовных дел в стране по нераскрытым преступлениям с начала XXI в. достигает миллионов, из них свыше 90 тыс. — убийства. В этой связи заявлено, что в органах внутренних дел создаются спецподразделения, которые будут заниматься раскрытием преступлений прошлых лет.

Чтобы понять, о чем конкретно заявлено МВД России, надо рассмотреть ситуацию, например, 2007 г. За этот год было зарегистрировано 3 млн 583 тыс. преступлений. Из них раскрыты 1 млн 775 тыс. Остались нераскрытыми 1 млн 807 тыс. преступлений. Вот именно эти почти 2 млн нераскрытых за 2007 г. преступлений перешли в новый, 2008 год как преступления прошлых лет. А всего с начала XXI в. таких преступлений прошлых лет оказалось более 9 млн. Речь идет об общей массе преступлений, куда входят и малозначительные. Но нас, конечно, волнует, что происходит с тяжкими и особо тяжкими преступлениями. За 2007 г. была зарегистрирована 961 тыс. таких преступлений, из них остались нераскрытыми за год свыше 466 тыс. Иными словами, получается, что с начала нового века в России остаются нераскрытыми свыше 2 млн тяжких и особо тяжких преступлений. Это не просто статистика. Такая ситуация означает, что по стране разгуливают и продолжают заниматься преступной деятельностью миллионы неизобличенных особо дерзких и изощренных преступников. Среди них есть и

еще неизвестные чикатилы, битцевские маньяки и прочая нечисть¹.

А что происходит с раскрытием преступлений, которые переходят в разряд прошлых лет? За весь 2006 г. раскрыто по всей стране только 49 тыс. таких прошлых преступлений (в 2007 г. — 56,6 тыс.), из них всего 19 тыс. тяжких и особо тяжких (в 2007 г. — 21 тыс.).

Почему преступления не раскрываются и становятся преступлениями прошлых лет? Есть причины объективные, но в большей мере работает субъективный фактор. В 2006 г. органы прокуратуры отменили более миллиона постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел, вскрыли более 140 тыс. укрытых от учета преступлений, в том числе тяжких и особо тяжких. А это означает, что правоохранительные органы не только длительное время не раскрывали эти преступления, но и пытались вообще стереть о них память в базах данных, документах. То есть вовремя не производились осмотры места происшествия, не допрашивались потерпевшие и свидетели, не проводились экспертизы, не задействовался арсенал оперативно-розыскных средств и методов, не использовались оперативные и криминалистические учеты и технические возможности. Иными словами, по огромной массе преступлений длительное время не делалось ничего. Многие из них и стали преступлениями прошлых лет.

Но это только часть проблемы. В Уголовно-процессуальном кодексе РФ, который принят в 2002 г., не содержится даже понятия «раскрытие преступления». Из Кодекса, как уже отмечалось, изъят такой основополагающий принцип, как установление истины по делу. Может, на первый взгляд, это и химера, но на самом деле это идеология, формирующая сознание следователя, оперативника и всех, кто задействован в раскрытии преступления.

Сам порядок приостановления уголовных дел в случае, если совершившие преступления лица не установлены, также требует пересмотра в Уголовно-процессуальном кодексе. Сейчас для всех видов преступлений установлен общий срок расследования — два месяца. Если в этот период подозреваемое лицо не установлено, то уголовное дело по любому преступлению — по убийству и по краже — автоматически приостанавливается. Нет

---

¹ См.: *Овчинский В. С.* Айсберг преступности // *Огонек*. 2008. № 5.

никакой дифференциации. В то же время многие практические работники полагают, что дела по тяжким и особо тяжким преступлениям должны иметь либо более длительный срок расследования, либо вообще не должны приостанавливаться¹.

§ 3. Риск подвергнуться несправедливому уголовному преследованию и наказанию

Поскольку изобличение виновных, их уголовное преследование, определение наказания и его исполнение общество делегирует власти, то проблема справедливого действия в этой сфере есть прежде всего проблема отношения власти к *истине преступления*, сущность которой заключается в том, что преступление есть *виновное деяние человека*.

Интересы защиты людей, образующих общество, и самого общества, а также естественные требования справедливости диктуют необходимость выявления лиц, совершивших преступление, их изобличения, справедливого наказания и его исполнения.

Все эти функции традиционно относят к функциям власти, ее институтам, однако вовсе не противоречит логике жизни и такой порядок вещей, когда значительная часть этих функций от имени государственной власти исполняют частные лица и их организации, чему мы являемся сегодня свидетелями.

Феноменология исполнения указанных функций не может обойти проблему истины. В каждом конкретном случае эта истина выражается в последовательном ряде частных истин:

- истинно ли совершено преступление;
- истинно ли оно явилось следствием деяний личности;
- действовала ли личность N при этом виновно;
- соответствует ли личность N требованиям, позволяющим нести ответственность за совершение деяния, и др.

Тысячелетия правовой практики и правовой науки выработали процессуальные формы установления истины — своеобразный алгоритм «беспристрастного» поиска и утверждения истины, уравнивающий интересы сторон расследования и судебного рассмотрения дел.

Ошибки процессуальных процедур или отказ от них оставляли кровавый след в истории человечества, в связи с чем мож-

---

¹ См.: Овчинский В. С. Забытый криминал // Огонек. 2007. № 35.

но сказать, что правовые изобретения для цивилизации значат не меньше, чем любые открытия физических наук и техники.

Известно, например, что основным пороком средневековой инквизиции было *сочетание в одном лице (инквизитор) и судьи, и обвинителя*. Этого достаточно, чтобы власть, находясь под влиянием религиозного или идеологического фанатизма, перерождалась в тотального преступника.

Инквизиционный процесс внешне и даже процессуально «гарантировал» добывание истины: для обвинения было необходимо минимум два свидетеля, доносчикам угрожал принцип talio, если донос был ложным. В 1252 г. папа Иннокентий IV издал буллу, одобряющую пытки, но сердобольно указывал, что пытка должна быть «умеренной»¹ и проводиться в присутствии епископа. Именно в инквизиционном процессе в доказательствах не было недостатка! Тысячи свидетелей видели полеты ламий (летающих существ женского пола). Дети давали показания на одержимость родителей и наоборот. Например, в Парижской национальной библиотеке хранится письмо Асмодея Гриндье — так сказать, письменное доказательство существования дьявола. Еще раз обратим внимание на то, что именно для оправдания фанатически сформулированных целей особенно годятся «юридические находки» операциональных «безразмерных» определений. Так, кроме указанной выше «умеренности» очередной папа Александр IV включает в круг компетенции инквизиции не только ересь как таковую, но и все, что явно

---

¹ Концепция «умеренных» пыток возродилась в начале XXI в. в «самом либеральном и демократическом государстве» — США. Эта концепция реализована в концентрационном лагере Гуантанамо и секретных тюрьмах на территории Европы.

Удивительно, что эта концепция «умеренных» пыток поддержана и российскими либералами. Так, писатель и журналист Александр Кабаков в своем обзоре, посвященном деятельности американских спецслужб по борьбе с терроризмом, пишет: «Каким бы варварским ни показался такой взгляд, но многие, думаю, согласятся с тем, что стоит слегка притопить или приморозить уличенного в организации кошмара 11 сентября активиста «Аль-Каиды», если в результате он выдаст сообщников, расскажет о планирующихся взрывах, и благодаря этому будут спасены сотни, если не тысячи мирных людей. Судить цэрэушников как исключительных извергов за то, что делают все их коллеги из спецслужб других стран, будет не совсем честно. Отличилось ЦРУ лишь непрофессионализмом в соблюдении секретности» (*Кабаков А. Цена вопроса // Коммерсант. 2005. № 231*).

«пахнет ересью». Таким образом, уже не сама ересь, а ее запах служил предметом преследования!¹

Вспоминая о не менее кровавых отечественных процессах 1930-х гг., отметим, что и они были, так сказать, положены на «научную» основу: с этой целью главный обвинитель и академик А. Вышинский придумал даже концепцию «усеченного состава преступления», в соответствии с которой как преступление оценивалось уже «обнаружение умысла», например произнесение угроз, негативная оценка политики, вождя и т. п., т. е. тот самый «запах ереси», о котором говорил папа римский.

Но «марксистско-ленинское учение» позволило идти дальше, чем инквизиция, поскольку новая власть открыто объявила насилие инструментом построения общественного счастья. Поэтому в первые послереволюционные годы большевистская власть вообще обходилась без правовых средств контроля за преступностью, да и сама преступность определялась произвольно, исходя из «классовых позиций».

В соответствии с постановлением СНК РСФСР от 5 сентября 1918 г. «О красном терроре» истреблялась интеллигенция, расстреливались бывшие офицеры, уничтожалось духовенство².

Ленин за два десятилетия до Гитлера «изобрел» концентрационные лагеря, куда без следствия и суда направлял представителей бывшей экономической и социальной элиты.

Первый Уголовный кодекс появился в 1922 г., в 1926 г. — второй, в них вводилось понятие «общественно опасного состояния» категорий лиц как основание применения в отношении них мер «социальной защиты»³.

Наиболее основательно коммунистическая власть подготовилась в организационном и «правовом» смысле к репрессиям 30-х гг.: в 1934 г. был создан союзный НКВД, а при нем — ор-

---

¹ См.: Шпренгер Я., Инститорис Г. Молох ведьм. М., 1990. С. 36.

² «На один только 1918 год приходится 3000 расстрелов священнослужителей, а всего за время советской власти было убито властью более 300 тыс. служителей церкви» (Яковлев А. Н. Сумерки. М., 2003. С. 181).

³ О «классовой опасности» как основании уголовной ответственности говорилось в Программе курса по советской уголовной политике 1933 г. (См.: Шотов О. Ф. Проблемы уголовной ответственности в истории советского уголовного права. М., 1982. С. 32).

ган внесудебной расправы — Особое совещание при НКВД (постановление ЦИК и СНК СССР от 5 ноября 1934 г.), а затем образованы пресловутые «тройки» и «двойки».

История коммунистического геноцида против народов СССР, масштаб его жертв описан довольно подробно. Во всяком случае, речь идет о миллионах. Однако вне насилия не мог себя чувствовать уже никто. В режимный лагерь превратилась вся страна. По усмотрению правящей касты, установившей тотальный полицейский контроль, преступлением могло быть объявлено не только любое деяние, но и любое инакомыслие — «запах ереси».

Возвращаясь к понятию риска быть несправедливо привлеченным к уголовной ответственности, отметим, что здесь мы имеем дело по крайней мере с двумя видами рисков.

Риск быть неоправданно объявленным лицом, причастным к совершению преступления. Показателем такого риска можно считать отношение разности между количеством лиц, выявленных за совершение преступления (L_B), и количеством лиц, привлеченных к уголовной ответственности (L_H), к количеству выявленных, выраженное в процентах:

$$R_{\Pi} = \frac{(L_B - L_H)}{L_B} 100\%.$$

Например, в 2004 г. по отчетам правоохранительных органов выявлено за совершение преступлений 1222,5 тыс. человек, и в этом же году привлечено к уголовной ответственности 1080,7 тыс. человек, следовательно:

$$R_{\Pi} = \frac{(1222,7 - 1080,7)}{1222,7} 100\% = 11,5\% \text{ (см. графу 5 табл. 1).}$$

Следует при этом отметить, что данный вид риска в какой-то мере оправдан и даже может быть отнесен к неизбежным потерям правоприменения, если он не связан с нарушением законности со стороны власти. И все-таки задача сокращения размера данного риска неизменно должна решаться правоохранительными органами.

Самостоятельное значение для оценки изменений в уголовной политике государства имеет показатель, обратный показателю R_{Π} , т. е. показатель, равный по величине $100 - R_{\Pi}$.

Таблица 1

**Динамика количества лиц, причастных и мнимо причастных
к совершению преступлений в России**

Год	Количество лиц, выявленных за совершение преступлений (тыс.)	Количество лиц, привлеченных к уголовной ответственности (тыс.)	Разность между выявленными и привлеченными		Лица, дела на которых направлены на дополнительное расследование		Лица, в отношении которых вынесен оправдательный приговор или дела прекращены		% лиц, привлеченных к уголовной ответственности, от числа выявленных
			Значение	В % к выявленным	Количество (тыс.)	В % к привлеченным	Количество (тыс.)	В % к привлеченным	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1986	1128,4	827,2	301,2	26,7	48,6	5,9	1,2	0,15	73,3
1987	969,4	593,4	376,0	38,8	47,9	8,1	1,8	0,31	61,2
1988	834,7	459,7	375,0	44,9	41,6	9,0	1,9	0,42	55,1
1989	847,6	505,1	342,4	40,4	44,8	8,9	1,8	0,35	59,6
1990	897,3	589,1	308,2	34,3	54,1	9,2	2,1	0,36	65,7
1991	956,3	654,8	301,5	31,5	53,6	8,2	2,8	0,43	68,5
1992	1149,0	782,5	366,5	31,9	58,3	7,5	3,7	0,48	68,1
1993	1262,7	967,1	295,6	23,4	76,6	7,9	5,6	0,58	76,6
1994	1441,6	1117,2	324,4	22,5	91,1	7,8	7,9	0,71	77,5
1995	1595,5	1306,5	289,0	18,1	105,1	8,0	11,4	0,87	81,9
1996	1618,4	1386,5	231,4	14,3	108,8	7,8	11,7	0,84	85,7
1997	1372,2	1203,8	168,4	12,3	117,8	9,3	12,5	1,04	87,7
1998	1481,5	1271,9	209,5	14,1	121,1	9,5	5,7	0,45	85,9
1999	1716,7	1473,0	243,7	14,1	80,4	5,5	5,3	0,36	85,9
2000	1741,4	1408,1	333,3	19,1	86,7	6,2	6,1	0,44	80,9
2001	1644,2	1407,1	237,1	14,4	99,5	7,1	7,9	0,56	85,6
2002	1257,7	992,3	265,4	21,1	48,8	4,9	17,6	1,77	78,9
2003	1236,7	1016,2	220,5	11,8	30,4	3,0	18,7	1,84	82,2
2004	1222,5	1080,7	141,8	11,5	41,5	3,8	27,5	2,54	88,5

Он показывает, *какова доля лиц из числа выявленных за совершение преступлений, которая будет в действительности и на законных основаниях привлечена к уголовной ответственности.*

«Лицо, выявленное за совершение преступления» не является процессуальной категорией, в отличие от подозреваемого¹, а следовательно, и не пользуется теми правами подозреваемого, которые предоставлены ему Уголовно-процессуальным кодексом РФ (в том числе такими, как знание того, в чем его обвиняют, отказ от дачи показаний, наличие защитника, заявление отводов, принесение жалоб и т. д.).

Но вместе с тем «лицо, выявленное за совершение преступления» является важной ведомственной учетной категорией, поскольку количество этих лиц является, пожалуй, самым точным показателем активности оперативно-розыскной деятельности по выявлению преступлений и изобличению лиц, их совершивших. Можно определить указанную категорию — лица, *предварительно причастные к совершению преступлений*, причастность которых еще недостаточно подтверждена доказательствами (недостаточно для признания их подозреваемыми или обвиняемыми).

Процесс этого «изобличения» может окончиться неудачей, уголовное преследование может быть в отношении определенных лиц прекращено по различным законным основаниям, просто «отпасть» как не подтвердившееся в ходе расследования и т. д. Однако странным образом эта категория лиц не получила какого-либо процессуального статуса и определений, касающихся ее специфического правового и процессуального положения, так и оставшись учетной категорией.

Вместе с тем именно категория «выявленных» стратегически предопределяет статистику (уровень, динамику) лиц, привлеченных к уголовной ответственности, а отношение числа лиц, привлеченных к уголовной ответственности ($L_{пр}$) к числу

---

¹ В соответствии со ст. 46 УПК РФ подозреваемым является лицо: 1) либо в отношении которого возбуждено уголовное дело по основаниям и в порядке, которые установлены гл. 20 Кодекса; 2) либо которого задержано в соответствии со ст. 91 и 92 Кодекса; 3) либо к которому применена мера пресечения до предъявления обвинения в соответствии со ст. 100 УПК РФ; 4) либо которое уведомлено о подозрении в совершении преступления в порядке, установленном ст. 223¹ Кодекса.

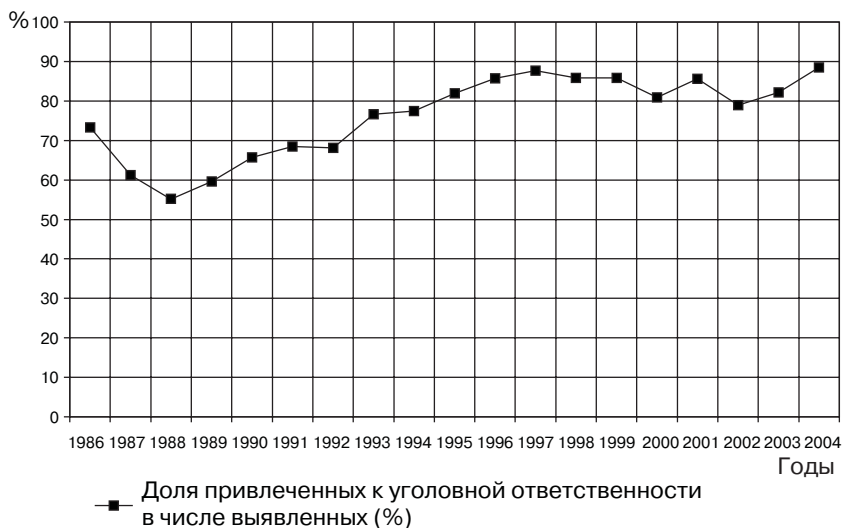

лиц, выявленных за совершение преступлений ($L_{в}$), на наш взгляд, является важным системным показателем, характеризующим уровень репрессивной установки органов уголовной юстиции:

$$УР = \frac{L_{пр}}{L_{в}} 100\%.$$

Динамика данного показателя (см. графу 10 табл. 1) представлена на графике (рис. 15), на котором видно, что за период 1988—2004 гг. величины уголовной репрессии (УР) колебались от 55,1% (1988 г.) до 88,5% (2004 г.).

Начиная с 1995 г. к уголовной ответственности привлекаются 8—9 человек из 10 выявленных, тогда как с 1987 по 1990 г. на 10 выявленных приходилось 5—7 человек привлеченных. Если рассматривать уголовную юстицию в качестве единой системы, то отмеченный рост показателя уголовной репрессии, которым характеризуется прежде всего деятельность милиции, входит в определенный диссонанс с установкой подсистемы исполнения наказаний (ФСИН), которая испытывает трудности в обеспечении требований условий содержания осужден-

Рис. 15. Динамика показателя уголовной репрессии в России (1986—2004 гг.)

ных. Указанный диссонанс противоречивым образом влияет на деятельность уголовного суда. Все эти обстоятельства обуславливают проблемный характер уголовной политики России.

Риск быть неоправданно привлеченным к уголовной ответственности. Статистика численности лиц, в отношении которых судом вынесены оправдательные приговоры, и лиц, в отношении которых уголовные дела прекращены за отсутствием события или состава преступления, говорит лишь о выявленных средствами следствия и правосудия ошибках привлечения указанных лиц к уголовной ответственности. Что касается невыявленной части фактов ошибочного привлечения и осуждения, то о ней мы имеем лишь весьма косвенные знания.

Зафиксированную статистикой долю (процент) лиц, в отношении которых вынесены оправдательные приговоры или дела прекращены (по вышеуказанным основаниям), можно назвать показателем *выявленного риска быть незаконно привлеченным к уголовной ответственности* (R_v).

$$R_v = \frac{L_{\text{оп}}}{L_{\text{п}}} 100\%,$$

где $L_{\text{оп}}$ — количество оправданных лиц или лиц, дела в отношении которых прекращены.

Показатель *выявленного риска* должен иметь важное значение для оценки уголовной юстиции в целом и прежде всего уголовного судопроизводства.

При этом напомним, что для разных категорий судов показатель R_v различен. Например, для суда присяжных он в настоящее время на порядок выше! Тенденция такова, что в первые годы XXI в. судами России оправдывается необоснованно обвиненных лиц на порядок больше, чем в последние десятилетия XX в.

Однако отметим, что в России в начале XX в. из 100 подсудимых ежегодно оправдывалось от 28 до 36 человек¹. Среди рисков лиц, привлеченных к уголовной ответственности и осужденных судом первой инстанции, можно выделить риск частных к совершению преступлений лиц, приговоры в отношении которых были вынесены с какими-либо нарушениями,

---

¹ См.: *Остроумов С. С.* Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., 1980. С. 63.

что послужило основанием для их отмены или изменения судами вышестоящих инстанций.

Этот риск можно было бы назвать *риском судебной ошибки при вынесении обвинительных приговоров* ($R_{\text{приг}}$). Величина этого риска может определяться как отношение суммы отмененных ($\Pi_{\text{отм}}$) и измененных ($\Pi_{\text{изм}}$) приговоров к общему числу уголовных дел, рассмотренных судами первой инстанции (в процентах).

$$R_{\text{приг}} = \frac{\Pi_{\text{отм}} + \Pi_{\text{изм}}}{N_p} 100\%.$$

В 90-е гг. XX в. и в начале XXI в. $R_{\text{приг}}$ колебался от 3,6 до 4,4%.

Признание судебной ошибки и признание невиновным незаконно осужденного человека — это критерий доверия граждан к правоохранительным и судебным системам. Для невинно осужденного, его родственников и общества в целом установление Истины даже по прошествии многих лет носит более принципиальный характер, чем многие победные реляции различного рода чиновников об «успехах в борьбе с преступностью».

В этой связи показательна судьба канадца Стивена Трускотта. Апелляционный суд канадской провинции Онтарио в сентябре 2007 г. оправдал Стивена Трускотта почти через полвека после того, как он был приговорен к смерти через повешение. Летом 1959 г. тогда всего лишь 14-летнему школьнику полиция предъявила обвинение в изнасиловании 12-летней Линн Харпер с последующим удушением ее собственной блузкой. Апелляция подростка, который всегда настаивал на своей невиновности, в январе 1960 г. была отвергнута тем же судом, который в 2007 г. вынес оправдательный приговор, вступивший в законную силу после отказа Верховного суда от пересмотра этого дела. Как установил Апелляционный суд, обвинение представило суду первой инстанции сфабрикованные улики и утаило доказательства, свидетельствующие о невиновности обвиняемого. Судом спустя 48 лет была произведена реконструкция хода полицейского расследования, а также последующего судебного процесса.

Риск стать жертвой преступления (виктимологический риск). Безопасность существования как такое состояние жизни, когда

угрозы сведены к минимуму, является первейшим благом для человека, а организация безопасности является первейшей заботой каждого человека. Поэтому уже в пределах исторического времени созданы многообразные общественные и государственные формы обеспечения безопасности.

Существует огромное количество источников, представляющих угрозу безопасности существования (естественные, политические, военные и т. п.), однако нас будет интересовать лишь один из видов этих угроз, а именно *кримиотропные, т. е. имеющие криминальную природу, угрозы безопасности*. Это такие угрозы, источником которых являются деяния отдельных лиц, их сообществ или государственных институтов, которые представляют собой виновное, общественно опасное проявление агрессии, экспансии, обмана во всевозможных исторически обусловленных формах, наносящее жизненный (органический) ущерб жертвам (отдельным лицам, или их коллективам, или обществу в целом).

По мере консолидированного осознания мировым сообществом приоритетности проблемы защиты жизни, прав, свобод и интересов личности перед некоторыми другими правозащитными проблемами виктимологические проблемы все более перемещаются из периферической зоны криминологического анализа в ее центральные и определяющие.

Ведущим не только научно-познавательным, но и духовно-этическим фактором является то, что именно при рассмотрении проблемы жертвы консолидированное мировое сообщество неизменно обращается к естественному праву с его представлением о неотъемлемых правах человека. Это нашло отражение в основополагающем документе — *Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью* (принята на Седьмом конгрессе ООН (Милан, 1985 г.)).

Декларацией даются определения двух категорий жертв: *жертвы преступлений* и *жертвы злоупотребления властью*. В этом подразделении потерпевших и в подведении их под одну категорию жертв мы видим большой смысл, так как оно, по существу, выражает выстраданный опыт консолидированного мирового сообщества, осознавшего необходимость защитить безусловную неотчуждаемость основных (естественных) прав человека и тогда, когда на эти права покушается

преступник, и тогда, когда эти права нарушает «собственная» власть.

Приведем оба определения жертв, данные в Декларации:

1) жертвы преступлений: «Под термином “жертвы” понимаются лица, которым индивидуально или коллективно был причинен вред, включая телесные повреждения или моральный ущерб, эмоциональные страдания, материальный ущерб или существенное ущемление их основных прав в результате действия или бездействия, нарушающего действующие национальные уголовные законы государств-членов, включая законы, заступающие преступное злоупотребление властью»;

2) жертвы злоупотребления властью: «Под термином “жертвы” понимаются лица, которым индивидуально или коллективно был причинен вред, включая телесные повреждения или моральный ущерб, эмоциональные страдания, материальный ущерб или существенное ущемление их основных прав в результате действия или бездействия, еще не представляющего собой нарушения национальных уголовных законов, но являющегося нарушением международно признанных норм, касающихся прав человека»¹.

Цель нашего исследования — количественно оценить виктимологический риск, обусловленный именно криминальной (с позиции внутреннего законодательства) деятельностью.

Поскольку большинство преступлений направлено против конкретных жертв, можно сказать, что количественно-качественные характеристики виктимности являются своеобразным «зеркальным» отражением феноменологии преступлений. Более того, жертвы преступлений являются элементом преступности в «широком» криминологическом смысле.

Выше мы пытались дать количественную оценку распространенности преступности в обществе — счет шел на десятки миллионов лиц, причастных к криминальному поведению. По данным виктимологических исследований, в большинстве стран Запада процент граждан, ставших в течение года жертвами преступлений, колеблется в пределах 20—30%. Так, в 1988 г. этот процент для граждан США оказался равным 28,9%, для Канады — 28,1%, для Нидерландов — 26,8%, для Испании —

---

¹ См.: Сборник стандартов и норм ООН в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. Нью-Йорк, 1992. С. 313, 315.

21,9%, для ФРГ — 21,9%¹. Приходится констатировать, что *риск стать жертвой преступления существенно увеличивается с повышением уровня жизни и урбанизации.*

Криминологи, изучающие масштабы виктимности, никогда не сомневались в том, что официально существующая статистика преступности, в которой отражаются (фрагментарно) и некоторые сведения о жертвах преступлений, не может служить надежным ориентиром в определении общего (подлинного) количества лиц, ставших жертвами криминала. Научным средством познания реального состояния преступности и «виктимности» явились выборочные опросы населения.

Наиболее организованную и методически корректную форму опросы населения приобрели в США. Начиная с 1972 г. и до сего дня Бюро переписи населения Соединенных Штатов реализует специальную ежегодную программу проведения Национального виктимологического опроса (National Crime Victimization Survey, NCVS). О масштабах выборочных опросов можно судить по таким данным: в 90-х гг. XX в. в них участвовало 90 560 человек от 12 лет и старше. За 30 лет статистического мониторинга США приблизились к измерению более или менее реальных масштабов криминального поведения. Этим же исследованием измеряется готовность потерпевших заявить в полицию о совершенном в отношении них преступлении. Так, за наблюдаемый период для всех видов преступлений эта готовность колебалась от 33 до 38% от числа случаев. Для краж (в том числе домашних) эта доля намного ниже 24—27%, для изнасилований — примерно одна треть.

Интересную зависимость доли указанных при опросе инцидентов (к их реальной численности) от промежутка времени, прошедшего с момента правонарушения до интервью, обнаружил Дж. Тернер (табл. 2)².

В России серия выборочных виктимологических опросов населения была проведена ВНИИ МВД России. Исследованием был охвачен 21 регион страны, по специальной анкете опрошено 6074 человека. При этом 26,5% опрошенных заявили, что в 2000 г. они были жертвами преступных посягательств, однако в милицию с письменным или устным заявлением по

¹ См.: Преступность за рубежом (1990—2002 гг.). М., 2003.

² См.: Криминология / Под ред. Дж. Ф. Шели. СПб., 2003. С. 116.

Таблица 2

**Зависимость доли указанных при опросе инцидентов
(из числа реально имевших место) от времени,
прошедшего с момента правонарушения до интервью**

Время, прошедшее с момента правонарушения до интервью	Доля указанных инцидентов от их реального числа (%)
Не более трех месяцев	69
От трех до шести месяцев	50
От шести до девяти месяцев	46
От девяти месяцев до года	30

факту посягательства обращалось лишь 55% опрошенных жертв.

Распространяя эти данные на все население России, находим, что потерпевшими от преступлений в 2000 г. себя могут считать по крайней мере 38 млн россиян, которые сделали 20—21 млн заявлений в органы милиции. Следовательно, 17—18 млн потерпевших таких заявлений не делали.

Однако в целях вычисления реального количества преступных посягательств общее число лиц, считающих себя жертвами криминальных проявлений, следует уменьшить ориентировочно на одну треть в связи с тем, что, как показывает практика проверки заявлений и сообщений, граждане примерно в каждом третьем случае ошибочно относят случившиеся с ними происшествия к категории преступлений.

С учетом высказанного соображения можно считать, что граждане в 2000 г. в своих заявлениях и сообщениях информировали правоохранительные органы о 14 млн фактически совершенных преступлений. Принимая во внимание, что фактически в этом году было зарегистрировано 2,95 млн преступлений, определяем, что латентная часть преступности, искусственно укрытая от регистрации, составит ориентировочно 11 млн преступлений.

Кроме того, среди «незаявленных» фактов, если исходить из тех же пропорций, скрывается ориентировочно около 11 млн преступлений. Таким образом, общий массив латентных криминальных проявлений составляет около 22 млн. Эти

22 млн и есть текущая криминальная латентность, относящаяся к 2000 г.

Параллельно с исследованием ВНИИ МВД России крупное исследование «Население и милиция в большом городе» было проведено Центром девиантологии Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН (ныне Социологический институт РАН) и Санкт-Петербургским университетом экономики и финансов совместно с VERA Institute of Justice (New York).

Исследование проводилось в трех городах: Санкт-Петербург (объем выборки — 3617 человек), Волгоград (2000 человек), Боровичи (502 человека). При этом установлено, что в течение 2000 г. виктимный опыт в Санкт-Петербурге имели 25,5% опрошенных, в Волгограде — 18%, в Боровичах — 20,5%. Средний процент — 22,9%. При этом жертвы противоправных деяний (из числа опрошенных) обращались в милицию: в Санкт-Петербурге — в 26,3% случаев, в Волгограде — в 41,4%, в Боровичах — в 41,7% (средний процент — 31,4%)¹.

Сравнивая оба исследования (т. е. исследование ВНИИ МВД и Социологического института РАН), можно констатировать относительную близость результатов. Доля лиц, переживших криминальные инциденты, в различных регионах различна (колеблется от 15 до 30%, выше в урбанизированной местности), и доля жертв, сообщающих о правонарушениях в милицию, для различных регионов варьирует от 25 до 55%.

С учетом приведенных эмпирических данных можно считать, что приведенная нами выше цифра 20—21 млн заявлений потерпевших в правоохранительные органы близка к реальности, точно так же, как и вывод о том, что примерно в двух третях этих заявлений содержатся сведения о реальных преступлениях, т. е. речь идет о 14 млн (2000 г.).

Фактически количество рассмотренных органами внутренних дел заявлений и сообщений о преступлениях до 2003 г. было вообще несоизмеримо числу жертв преступлений, обращений за помощью. Об этом свидетельствует табл. 3.

В строке 1 табл. 3 (количество жертв преступлений) мы можем лишь к 2000 г. отнести 14 млн человек как некоторый

---

¹ См.: Сравнительное социологическое исследование «Население и милиция в большом городе» (отчет 3). СПб., 2001. С. 52—55.

Таблица 3

Динамика количества преступлений

№	Показатель	Год									
		1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
1	Количество (в млн) жертв преступлений, обратившихся в органы внутренних дел (мониторинг)						≈14				
2	Рассмотрено сообщений о преступлениях (в тыс.)	3728	3485	3311	3547	3976	3563	3463	3660	7988	8397
3	Зарегистрировано преступлений (в тыс.)	2756	2625	2397	2582	3002	2952	2968	2526	2756	2894

обобщенный и приблизительный результат рассматриваемых выше выборочных исследований. Лишь после того, как в России будет создана мониторинговая система национального виктимологического опроса — аналог NCVS США, можно будет судить о величине и динамике виктимизации россиян.

Разность между количеством жертв, сообщивших в правоохранительные органы об инцидентах (N_v), и количеством рассмотренных сообщений (P_c — при наличии документов, свидетельствующих о рассмотрении) определяет величину той категории жертв, *которые не получили доступа к правосудию* (V_n).

Отношение этой величины V_n к общему количеству жертв (N_y), выявленному при мониторинговом исследовании (в процентах) мы определяем как показатель *риска недоступности правосудия* ($R_{нд}$).

Из приведенного определения вытекает математическая форма показателя риска недоступности:

$$R_{\text{нд}} = \frac{V_{\text{н}}}{N_{\text{y}}} 100\% = \frac{N_{\text{v}} - P_{\text{c}}}{N_{\text{y}}} 100\%.$$

Воспользовавшись данными за 2000 г. (см. табл. 3), определяем:

$$R_{\text{нд}} = \frac{(14 - 3,563)}{14} 100\% = 74\%.$$

Несомненно, показатель $R_{\text{нд}}$, имеющий значительный социально-правовой смысл, характеризующий степень обеспечения конституционного права россиян на безопасность, имеет значение не только как криминологическая характеристика доли незащищенных жертв, но и как показатель результативности уголовной политики государства¹.

---

¹ При этом мы полагаем, что возможны и другие, альтернативные, варианты вычисления показателя $R_{\text{нд}}$, например, с учетом количества лиц, признанных потерпевшими в ходе расследования, и количества лиц, по жалобам которых в возбуждении уголовных дел отказано, и т. п.

Глава III. Информационная модель преступности и система криминологических показателей

В. Гете отмечал, что не цифры управляют миром, но они показывают, как мир управляется. Если говорить о «мире» наиболее тяжелой человеческой деструктивности, т. е. о преступности, то представление о размере и свойствах этого «мира», а также о том, как он управляется (как «сдерживается», что ему противостоит, какова эффективность «управления» этим миром и т. д.), должна давать *статистика уголовной юстиции*. Поскольку уголовное правосудие (уголовная юстиция) представляет собой систему правовых институтов и функционально систематизированную совокупность государственных органов, а также (что несомненно в системе развитого правосудия) общественных организаций, то и *статистика уголовной юстиции представляет собой системную инфраструктуру юстиции, имеющую познавательную и управленческую функции*.

Результирующим итогом анализа криминальной деструктивности является так называемая *полная преступность*, о феноменологических границах которой мы имеем слабое представление, однако от контакта с системой уголовной юстиции преступность, как преступность зарегистрированная и учтенная, приобретает *актуальный* характер.

Именно эта *актуальная преступность*, представленная своими элементами и свойствами, и является не только основным предметом социологии преступности, но и тем «выходом» системы уголовной юстиции, по которому судят об эффективности или по крайней мере результативности всей ее деятельности.

Опыт криминологического анализа актуальной преступности еще в 1970-е гг. позволил представить ее состояние (под которым понимается интегрированная оценка) в виде так называемой информационной модели — системной картины состояния преступности, выраженной статистическими оценками («замерами») элементов и свойств преступности (табл. 4)¹.

---

¹ См.: Кондратьев Л. В. Система криминологических показателей и методы их вычисления. М., 1978.

Таблица 4

Информационная модель преступности

Элементы преступности		Свойства преступности								
		Размер (уровень)	Интенсивность	Структура	Динамика	Территориальное распределение	Общественная опасность	Латентность	Организованность	Детерминированность
		1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	Преступления	1.1	1.2	1.3	1.4	1.5	1.6	1.7	1.8	1.9
2	Преступники	2.1	2.2	2.3	2.4	2.5	2.6	2.7	2.8	2.9
3	Жертвы (потерпевшие)	3.1	3.2	3.3	3.4	3.5	3.6	3.7	3.8	3.9
4	Иной ущерб (потери)	4.1	4.2	4.3	4.4	4.5	4.6	4.7	4.8	4.9

Любая модель включает те компоненты, в нашем примере — *свойства*, которые субъективно определяет автор модели. Заложенные в предложенную информационную модель преступности свойства не безальтернативны. Можно использовать и другие подходы. На наш взгляд, весьма перспективно рассмотрение дополнительных свойств преступности, предложенных А. С. Овчинским:

экструзивность преступности — это выдавливание ее системой социально-правовых отношений и уголовной политикой из общественной жизни и образование альтернативного криминального общества;

интрузивность преступности — это ее проникновение и встраивание в систему социальных, правовых, экономических отношений, криминальное изменение политической, культурной и духовной жизни общества;

конструктивность преступности — это развитие теневой экономики, в результате — создание новых рабочих мест, участие в развитии инфраструктуры регионов;

деструктивность преступности — это извлечение криминальных доходов из разрушения экономических и социальных отношений, из подрыва основ государственности, из уничтожения духовных и моральных устоев общества;

мимикрийность преступности — это проявление изошренных механизмов защиты от уголовно-правовой системы; это легализация в общественных организациях, благотворительных и культурных фондах криминальных доходов; это слияние преступных деяний с социальным, культурным и духовным фоном общества¹.

Видимо, и эти свойства можно в дальнейшем включить в информационную модель преступности, найти для них свои измерители. Но в данной работе мы ограничимся свойствами преступности, указанными в табл. 4.

§ 1. Размер (уровень) преступности

Первая характеристика преступности связана с массой преступлений, их общим количеством, размером, заключенным в определенные пространственно-временные рамки.

Уровень преступности определяется общим количеством зарегистрированных преступлений в границах определенной территории и пределах определенного периода времени. Показатель уровня преступности — это прежде всего сумма единиц ее «наблюдения».

Уровень как статистическая характеристика, определяющая абсолютный размер явления преступности, имеет исключительное значение, поскольку он составляет основу для последующих вычислений и определений всех других количественных и качественных характеристик и оценок: структуры, интенсивности, общественной опасности и т. д.

Опыт криминологических исследований свидетельствует о том, что даже самые глубинные проблемные вопросы, такие как человеческая природа и основания преступления, эволюция преступности, определение момента, с которого событие с криминальными признаками может быть определено как факт преступления, полнота свойств преступления и преступности и т. п., —

---

¹ См.: Овчинский А. С., Чеботарева С. О. Матрица преступности. М., 2006; Овчинский А. С. Информационные воздействия и организованная преступность. М., 2007.

все это находится в стадии изучения, конкуренции различных позиций и осмысления результата борьбы с преступностью.

Многие практические и даже технические стороны таких, казалось бы, элементарных функций, как регистрация преступлений и их учет, не находят эффективного решения из-за господства некоторых мировоззренческих позиций и исторических наслоений на такие понятия, как преступление, объективная оценка действительного состояния преступности, системное единство органов уголовной юстиции и т. п. В этой связи освещение задачи оценки размера преступности приходится начинать издалека, касаясь ряда фундаментальных понятий.

В. М. Коган описание социальных свойств преступности начинает словами: «Преступление всегда представляет собой единство факта и его уголовно-правовой оценки»¹. Преступление как факт относится к особой области бытия — человеческому поведению (человеческому — значит и телесному, и душевному, и духовному, и социальному). Следовательно, мы должны выделить такую сторону амбивалентной личности человека, которая связана с его деструктивной способностью, деструкцией как в индивидуально-личностном, так и в социальном смысле. Как уже было отмечено, анализ деструктивных психо-духовных качеств человека приводит к выводу о возможности группировать их в три узнаваемых в повседневной бытийности группы: агрессию, экспансию, обман. Каждая из этих групп представляет широкий диапазон психо-духовной разрушительной энергии, присущей только человеческому существу, поскольку социально значимые проявления человеческой сущности неизменно имеют эксклюзивное, не сводимое ни к какому иному, этическое измерение.

Из приведенных соображений, кажущихся, на первый взгляд, весьма отвлеченными, вытекает ряд важных для рассматриваемой проблематики следствий.

Прежде всего, факт-преступление до его гносеологической оценки, как правило, предстает просто как «событие», «происшествие», «случай» и т. п. Очевидно, не всякий факт-преступление может быть «опознан» на первоначальном этапе юридического анализа, хотя, разумеется, простой жизненный опыт здесь может многое прояснить. Однако для окончательного ре-

---

¹ Коган В. М. Социальные свойства преступности. М., 1977. С. 5.

шения необходимы специфические, апробированные историческим опытом процедуры познания.

Отсюда возникает принципиальный вопрос: на какой стадии анализа, «распознавания» преступления следует включать специфические, т. е. процессуальные, средства познания, или на стадии, когда факт предстает еще как событие, происшествие, или же после некоего априорного признания происшествия преступлением, как практикуется в российском уголовном производстве? По существу, здесь ставится вопрос о том, что принимать в качестве единицы счета (учета), из каких категорий действительности (происшествие, инцидент или факт преступления) формировать знание об общей массе криминальных проявлений (т. е. о преступности). Так, в США в качестве единицы учета принят инцидент с уголовно-правовыми последствиями, фиксируемый в заявлении потерпевшего или в докладе-рапорте полицейского. Если оценить это положение с позиций российской правовой системы, при такой единице учета в массив криминальных проявлений войдут не только факты-преступления, но и деяния, относимые нашим законодательством к административным проступкам. Так, в США в 2003 г. зарегистрировано 23,6 млн деяний с уголовно-правовыми последствиями, причем из них более 4 млн — кражи, включая и те, ущерб от которых составляет менее 50 долларов, что, исходя из размера американского пособия по безработице, составляет по российским меркам мелкое хищение (ст. 7.27 КоАП РФ).

По-видимому, выбор любой единицы учета не может быть идеальным во всех отношениях, поскольку применительно к этому выбору выстраивается последующая деятельность сложной системы уголовной юстиции, ее загруженность, результативность, экономичность и в конечном счете определяемая многими критериями эффективность. Однако недостатки отечественной системы регистрации и учета преступлений, начиная с выбора единицы учета, мы должны рассмотреть несколько подробнее.

Итак, в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом РФ процессуальное расследование наступает с момента усмотрения в имеющейся информации о деструктивном событии признаков состава преступления, т. е. с момента особого государственного акта — возбуждения уголовного дела. Принимая во внимание вышеуказанное, расследованию подлежит преступление как факт де-юре, а не деструктивное событие. Иными слова-

ми, фактом возбуждения уголовного дела признается (и, заметьте, на государственном уровне) факт преступления, наличие которого, собственно говоря, еще следует доказать. Несомненно, мы сталкиваемся здесь с гносеологическим противоречием. Это противоречие представляется только «теоретическим» и формальным лишь потому, что в отношении процессуального положения субъекта преступления гносеологическое упорядочение сохраняется: субъект последовательно признается подозреваемым, обвиняемым, подсудимым и лишь на суде — преступником.

Указанная система априорного определения потенциально криминального проявления (события, инцидента и т. п.) в качестве факта преступления действует в России с 1934 г. Обусловлено это нововведение было рядом причин, в числе которых — стремление лишить участников процесса права частной процессуальной инициативы, максимизировать установку органов уголовной юстиции на обвинительный уклон и инициативу доказывания уже зарегистрированного «факта преступления». В этих условиях прекращение дела по реабилитирующим основаниям, а тем более оправдание в суде трактовалось как заведомый брак расследования. Одновременно милиция и следователи лишались каких-либо прав и возможностей на оправданную дискрецию, гуманность и самостоятельность.

Само сохранение порядка, когда процессуальные действия совершаются лишь с момента возбуждения уголовного дела, что фактически равнозначно признанию де-юре факта преступления, предопределяет то обстоятельство, что от массива расследуемых событий сразу отсекаются все те криминальные проявления, которые по разным причинам и мотивам «клейма» преступления не получили (по ним не возбуждены уголовные дела).

Существует множество путей устранения криминальных проявлений (событий) от расследования, но наиболее «эффективные» давно известны: это прямое укрывательство заявлений и сообщений о таких событиях, отказ (часто вынужденный) от их заявления населением, псевдообоснованный отказ в возбуждении уголовного дела и т. п.¹

---

¹ См.: Горяинов К. К., Овчинский В. С., Кондратюк Л. В. Улучшение взаимоотношений граждан и милиции: доступ к правосудию и системе выявления, регистрации и учета преступлений: Научный доклад. М., 2001.

Несомненно, сложившаяся ситуация, укорененная в правовом тоталитаризме государства, и по сей день является одним из препятствий доступа пострадавших от преступлений граждан к правосудию, и она же — основная причина наших искаженных представлений о реальной преступности в стране.

Еще более важным является то обстоятельство, что существующий в стране уголовно-процессуальный порядок, связанный с возбуждением уголовного дела на начальной стадии познания факта преступления, является препятствием становления и развития нашей профилактической системы, поскольку сковывает инициативу участников процесса — правоохранительных органов и общественных организаций, удерживает ее от творческого развития, лишает жизненной гибкости.

Вместе с тем международный опыт свидетельствует о том, что между реальным состоянием преступности и силовым, репрессивным реагированием на нее со стороны власти существует скорее обратная, чем прямая связь, поскольку в странах с меньшей уголовной репрессией стимулируется развитие так называемой восстановительной юстиции, что весьма близко к понятию системы общественно-государственной профилактики.

Так, во Франции и Германии, т. е. странах, в которых работа полиции населением оценивается в основном положительно, а проблема преступности воспринимается менее остро, чем в России, на 100 тыс. населения регистрируется преступлений в три-четыре раза больше, чем в России, тогда как количество заключенных в этих странах (на 100 тыс. населения) в шесть—восемь раз меньше. Вместе с тем в этих же странах значительное развитие получили институциональные формы разрешения уголовных конфликтов, альтернативные уголовному преследованию.

Эксперты, изучавшие данную проблему применительно к российской действительности, указывают на то, что развитию института восстановительной юстиции и «права гражданина, а не врага» и т. п. препятствуют некоторые положения нашего уголовно-процессуального законодательства, в том числе и такое, как институт возбуждения уголовного дела на начальной стадии расследования.

Следует отметить, что как политика, так и технология регистрации преступлений полицией западных стран в значитель-

ной степени обусловлены общим уровнем культивируемой в правовом государстве правозащищенности граждан, когда обращение в полицию или в суд по поводу поправленных прав является само собой разумеющимся правом, связанным, в частности, с наличием развитой на Западе страховой системой.

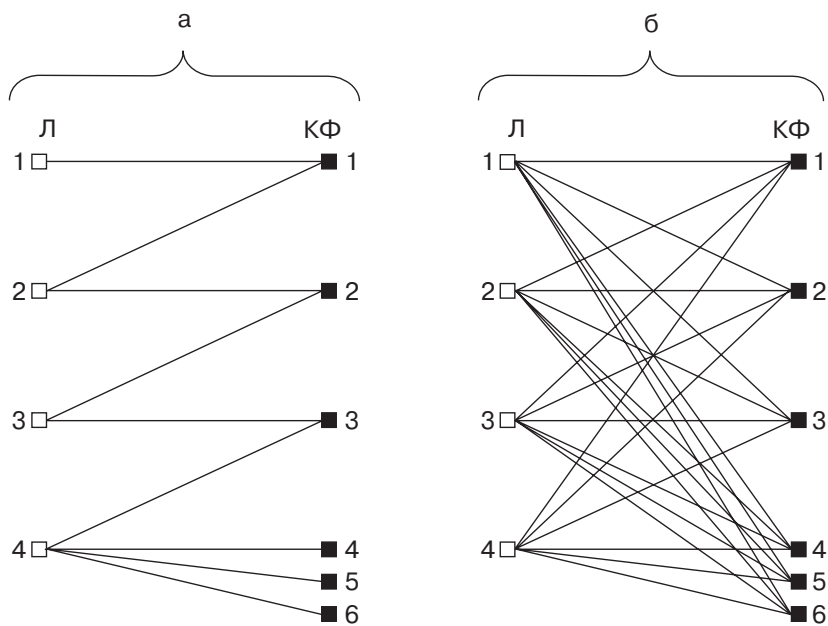
Рассмотрев вышеуказанные негативные обстоятельства регистрации и учета преступлений, относящиеся к нашей исторической традиции и инертности, следует также отметить и некоторые «тактические» особенности и трудности «счета» преступлений, обусловленные сложностью самого явления преступления, вследствие чего сам «размер» преступности, ее количественные границы имеют чрезвычайно размытый, условный характер, вследствие чего межгосударственное сопоставление ее параметров требует особой осторожности.

В России как *одно* преступление рассматриваются длящееся и продолжаемое преступление; преступление, совершенное несколькими лицами в соучастии, если оно состоит из нескольких преступных действий, если оно состоит из одного события, но ущерб причинен многим потерпевшим, если совершено одним действием два преступления (идеальная совокупность). В последнем случае учитывается лишь более тяжкое преступление. Безусловно, отмеченные особенности искажают статистическую картину преступности¹. В США, например, учет подобных деяний ведется не по действиям, а по жертвам. Если в результате кражи пострадало несколько человек, будет зарегистрирован не один факт криминального деяния, а число заявлений от граждан (собственников), пострадавших от этого преступления.

Как мы уже отмечали, «технологически» учет преступлений и преступников (лиц, совершивших преступления) в России привязан к возбуждению уголовного дела и учету самих дел. В простейшем случае, когда *один* преступник совершает *одно* преступление (один криминальный эпизод или факт), через регистрацию пройдет одно лицо (Л), совершившее преступление, и один криминальный факт (КФ).

---

¹ Межведомственный приказ от 29 декабря 2005 г. «О едином учете преступлений» не изменил данное положение дел (хотя по другим параметрам улучшил доступ граждан к правосудию).

Рис. 16. Графическое изображение уголовных дел с одинаковым количеством проходящих по делам лиц, совершивших преступления, и криминальных фактов (эпизодов), но с различной внутригрупповой структурой криминальной активности (т. е. количеством паросочетаний Л—КФ)

Графически это можно представить как паросочетание «лицо — криминальный факт»:

Однако в любом более сложном уголовном деле могут фигурировать n лиц и m криминальных фактов, которые и будут учтены в общем числе преступников и преступлений¹. На рис. 16 представлены уголовные дела с равным количеством лиц и криминальных фактов.

¹ Разумеется, при условии, что каждый эпизод в соответствии с межведомственным приказом 2005 г. «О едином учете преступлений» должен быть зарегистрирован как преступление. В противном случае $m = 1$, т. е. все эпизоды будут зарегистрированы как одно преступление.

В обоих делах («а» и «б») субъекты преступлений взаимосвязаны через совместное совершение преступлений и в соответствии с уголовно-процессуальными требованиями должны расследоваться в одном производстве¹. Более того, с точки зрения уголовно-правовой квалификации деяний представленные дела будут идентичными или близкими друг другу. Однако де-факто и с криминологических позиций мы имеем здесь существенно различающиеся ситуации: при варианте «а» один субъект (1Л) преступления причастен (в соучастии) к совершению одного преступления (1КФ), два преступника (2Л и 3Л) совершили в соучастии по два преступления, преступник 4Л совершил четыре преступления, причем одно из них (3КФ) — в соучастии. Вся криминальная деятельность преступной группы (в уголовном деле «а») количественно может быть охарактеризована девятью паросочетаниями Л—КФ.

Иной образ криминального поведения и его общественной опасности мы обнаруживаем в ситуации уголовного дела «б». Здесь каждый из четырех преступников участвовал в шести криминальных эпизодах, что свидетельствует о большей сплоченности и организованности правонарушителей, а также об их большей фактической криминальной активности и общественной опасности. Эти качественно-количественные особенности криминального поведения отражают число паросочетаний Л—КФ в деле «б»: их 24, т. е. в 2,7 раза больше, чем в деле «а», хотя вследствие специфики нашего учета (лица — отдельно, преступления — отдельно) обе ситуации неразличимы.

Этот порок существующей системы учета преступлений может быть устранен лишь введением новой единицы учета, а именно паросочетания *лицо — криминальный факт* ($\Pi = \text{Л} : \text{КФ}$).

Возможность создания такой «идеальной» системы учета требует специального рассмотрения, что, вероятно, является делом будущего, однако знание об этом системном пороке уче-

¹ В математической теории графов графы, представленные на рис. 16, называются связными. Из любой «точки» связного графа можно перейти в любую другую без разрыва перехода. Именно эта безразрывность характеризует объединение лиц и совершенных ими преступлений в одном производстве (уголовном деле). Минимальное количество паросочетаний Л—КФ, обеспечивающее связность графа, равно: $\Pi_{\min} = (n + m) - 1$, а максимальное: $\Pi_{\max} = nm$.

та преступлений полезно уже сейчас, поскольку оно предостерегает криминологов от излишнего доверия к статистическим «замерам».

* * *

Движением в положительном направлении было включение в Уголовно-процессуальный кодекс РФ определения «*сообщения о преступлении*», согласно которому к числу сообщений о преступлении должны относиться не только заявления о преступлении и явка с повинной, но и рапорт сотрудника правоохранительных органов об обнаружении преступления (п. 43 ст. 5 УПК РФ). Численностью указанных рапортов в значительной степени стала определяться активность сотрудников по критерию *выявления преступлений*. В связи с этим количество заявлений и сообщений, в том числе рапортов, рассмотренных органами внутренних дел, начиная с 2003 г. (Уголовно-процессуальный кодекс РФ введен в действие с 1 июля 2002 г.), увеличилось в разы. Это значит, что правоохранительные органы стали работать в более широком информационном поле, полнее отражающем состояние правопорядка не только в его уголовно-правовом, но и административно-правовом секторе.

Это информационное поле расширяет и упомянутый выше межведомственный приказ «О едином учете преступлений»:

во-первых, сформулированы организационные требования и правила, призванные обеспечить прием, регистрацию и проверку заявлений и сообщений о преступлениях всеми органами предварительного расследования (органы дознания, прокуратура, следователи, дознаватели, иные уполномоченные должностные лица), причем решения, касающиеся вопросов о подследственности и передачи информации в случае положительного реагирования, принимаются органом, принявшим заявление или сообщение;

во-вторых, существенно увеличен объем информации, обеспечиваемый системой учета преступлений. Вводится самостоятельная «статистическая карточка о потерпевшем» (форма № 5); значительно расширяется перечень сведений о результатах рассмотрения дела судом первой инстанции (карточка формы № 6).

Несомненно, дополнительная информация будет иметь важное управленческое и научное значение.

Однако далеко не все проблемы с полным учетом преступлений можно решить законодательным путем. Многое здесь зависит от системы взаимоотношений граждан и правоохранительных органов.

В России, например, необходима *революция в информационно-технологическом обеспечении доступа граждан к правосудию*.

До сих пор при подаче заявления о преступлении гражданин попадает в ситуацию, которая не менялась в России на протяжении ста последних лет. Ему дают лист бумаги, он пишет заявление в произвольной форме, отдает его дежурному, или следователю, или участковому. В лучшем случае ему дают отрывной талон о том, что у него приняли заявление. А могут и ничего не дать. И только потом, дней через десять, если дело возбуждено, гражданина, подавшего заявление о преступлении, начинают официально допрашивать. К тому моменту он уже забыл приметы преступников, некоторые обстоятельства преступления. Все это — пещерный уровень работы.

Если обратиться, например, в полицию Швеции с заявлением об ограблении, дежурный офицер даст формализованный бланк, где перечислены типовые антропометрические приметы преступника, виды одежды преступника, перечни похищенных вещей, обстоятельства совершения преступления (время суток, местность). Надо только подчеркнуть соответствующие позиции и вписать особые приметы и обстоятельства. После этого дежурный офицер все это сканирует и вводит в централизованный банк данных. И работа начинается моментально. Выезжает оперативно-следственная группа, проводятся первоначальные следственные действия и оперативные мероприятия. Это и называется цивилизованной формой работы. Иными словами, нормальной работой. Все устроено так, чтобы информация не терялась нигде. В России же часто все делается с точностью до наоборот — информация не ценится, не формализуется.

Вместе с тем проблема доступа граждан к правосудию не может быть автоматически решена с решением задачи учета преступлений (даже при кардинальной перестройке всей информационной работы).

Суть проблемы — в *гарантии правозащищенности*. Однако правозащищенности препятствует не только и не столько укрытость преступлений, сколько убежденность граждан в том,

что сложившаяся система юстиции в принципе не способна эту правозащищенность обеспечить. У граждан подорвана мотивация к достижению справедливости, что является резонансной реакцией на реальную, демонстрируемую десятилетиями *системную несправедливость власти*. Применительно к размеру преступности это выражается в том, что жертвы преступлений часто отказываются от помощи юстиции, не верят в ее действенность и не подают соответствующие заявления и сообщения.

Некоторые криминологи склонны относить подобный «криминологический абсентеизм» лишь к эпохе системной трансформации России, т. е. ко времени после 1991 г. Однако эмпирические исследования, в том числе исследования ВЦИОМ, всплеск правовой незащищенности фиксируют и до 1991 г. Так, в 1990 г. на вопрос анкеты ВЦИОМ «Куда Вы обратитесь, если Ваши права будут нарушены должностным лицом?» 41% опрошенных ответили: «Никуда. Что ни делай, куда ни обращайся, все бесполезно». 14% на этот вопрос затруднились ответить; 17% считали, что следует обращаться в суд; 14% — в прокуратуру; 12% — в милицию; 10% — в райсовет; 9% — в райком.

Через девять лет по данным того же ВЦИОМа на аналогичный вопрос опрошенные ответили:

«не вижу никаких способов изменить ситуацию» — 25%;

«следует обращаться в суд» — 19%;

«обжаловать в вышестоящую инстанцию» — 16%.

Вместо правоохранительных органов, райкомов и райсоветов в 1999 г. предпочитали обращаться «к влиятельным друзьям и знакомым» — 14%; «к криминальным авторитетам» — 5%; решить вопрос с помощью дачи взятки предполагали 5% опрошенных¹.

Однако тот факт, что решение проблемы доступа граждан к правосудию не исчерпывается *методологией и политикой регистрации* преступлений, вовсе не умаляет их (методологии и политики регистрации) принципиальной важности в борьбе с преступностью, а также в ее измерении и познании. В этом мы сможем убедиться при рассмотрении других свойств преступности.

---

¹ См.: Гудков Л. Негативная идентичность. М., 2004. С. 766—767.

§ 2. Интенсивность преступности

Интенсивность какого-то процесса, явления — достаточно сложная характеристика, связывающая их размеры с размерами и состоянием среды, в которой они бытуют.

В силу своей сложности и многомерности явление преступности сопоставимо со сложностью и многомерностью среды. Это состояние (отношение) явления тем более значимо с познавательной точки зрения, чем теснее элементы и характеристики преступности определяются (иногда порождаются) элементами среды.

Когда в качестве «элемента» среды выбирается время, интенсивность может выражать скорость или частоту, с которой совершаются преступления в стране, регионе и т. д., — *количество преступлений, совершенных в единицу времени*. Например, в 1986 г. в России (РСФСР) каждый час совершалось 1,1 умышленных убийства, а в 2004 г. — 3,8, т. е. примерно с частотой каждые 15 минут. Очевидно, что вычисление данного показателя позволяет сравнивать преступность в различные времена криминологической истории государства или иной фиксированной территории.

При определенных ситуациях информативными являются показатели, характеризующие преступность, соотнесенную с определенной территорией, на которой она продуцируется. Показателем (коэффициентом) *территориальной интенсивности преступности* может служить соотношение:

$$I_{\tau} = \frac{\text{Количество преступлений в городе, районе}}{\text{Площадь городской районной застройки}} = \frac{P}{S}.$$

Например, для г. Москвы коэффициент территориальной интенсивности в 2004 г. равен 228,4 преступлений/кв. км. Подобного рода показатели могут служить средством предварительной оценки прироста преступности при прогнозировании расширения городской застройки и тому подобных мероприятиях.

Однако наиболее информативным средством измерения интенсивности преступности является соотношение ее количественных замеров к качественным параметрам непосредственного «производителя» криминальных деяний — населения (в целом или к его структурным элементам). Вычисляемые при этом показатели получили название *коэффициентов преступности*,

когда определяется количество преступления на «единицу» (10 или 100 тыс.) населения, и *коэффициентов криминальной активности*, когда определяется количество выявленных преступников, приходящихся на «единицу» населения.

Среди показателей интенсивности следует выделить группу информационно емких показателей (коэффициентов), с помощью которых оценке подлежат проявления преступности, локализуемой в относительно ограниченных областях социального бытия, например: число похищенных предметов, имеющих особую ценность, соотносится с числом музеев; число угнанных автомобилей, находящихся в частном владении, — с численностью автолюбителей; число нарушений прав дорожного движения, повлекших смерть человека (ч. 2 и 3 ст. 264 УК РФ), — с числом легковых автомобилей и т. п.

Так, по данным за 2001 г. в России парк легковых автомобилей составлял 21 152 тыс. единиц. За этот же год совершено 54,5 тыс. преступлений, квалифицированных как нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, причем в 15,5 тыс. преступлений зафиксировано причинение смерти. Эти сведения позволяют вычислить:

а) коэффициент интенсивности автодорожных преступлений: $K_a = (54,5 \times 10^3) : 21\,152 = 2,6$ преступлений на 1000 ед. транспорта;

б) коэффициент интенсивности тяжких последствий автодорожных преступлений: $K_{т.а} = (15,5 \times 10^3) : 21\,152 = 0,73$ преступлений со смертельным исходом, приходящихся на 1000 ед. транспорта.

Исходя из того, что ежегодный прирост автопарка в стране за последние годы составил примерно 1 млн единиц, можно утверждать, что этим приростом «обеспечивается» прирост от 700 до 1000 автодорожных преступлений со смертельным исходом.

Мы неоднократно утверждали, что основание деструктивного поведения (агрессия, экспансия, обман) в конкретных своих проявлениях имеет не только направленность «вовне» — на других, на внешний мир, но и «вовнутрь», т. е. на себя. При этом мощностю того или иного основания варьирует в значительной степени, однако общий деструктивный потенциал сохраняет относительную стабильность для различных обществ на различных уровнях.

Таблица 5

**Интенсивность (на 100 тыс. человек) смертности от убийств
и самоубийств в различных странах мира и в России**

Показатель	Регион, в котором интенсивность убийств выше уровня интенсивности самоубийств			Регион, в котором интенсивность убийств ниже уровня интенсивности самоубийств			Россия
	Африка	Америка	Восточное Средиземное море	Европа	Юго-Восточная Азия	Западно-Тихоокеанский регион	
Умерло в результате убийств	22,1	19,1	6,8	8,5	5,7	3,5	28,3
Умерло в результате самоубийств	6,5	7,8	5,7	19,2	12,1	20,7	39,3
Итого	28,6	26,9	12,5	27,7	17,8	24,2	67,6

Так, анализ зарубежной и отечественной криминальной статистики позволяет выявить наиболее характерную черту российской преступности — в нашей стране агрессивность с экстремальной интенсивностью проявляется в самых жестоких формах, а именно в посягательствах на жизнь и здоровье. В докладе Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) за 2002 г. приводятся следующие данные об интенсивности смертности от убийств и самоубийств (табл. 5).

Из 74 стран мира, данные по которым, касающиеся интенсивности убийств и самоубийств, оказались доступными ВОЗ, мы отобрали страны с максимальной интенсивностью умышленных убийств: Украина — 9,0; Беларусь — 11,0; Латвия — 11,1; Литва — 13,5; Казахстан — 15,0; Эстония — 20,0; Россия — 21,4. Как видим, эти страны — бывшие республики СССР¹.

¹ См.: *Насилие и его влияние на здоровье. Доклад ВОЗ о ситуации в мире*. М., 2003. С. 12 и др.

Для сравнения приводим данные об интенсивности умышленных убийств (количестве зарегистрированных убийств на 100 тыс. населения) по ряду развитых стран мира (данные за 2002 г.): Германия — 1,0; Италия — 1,4; Англия и Уэльс — 1,8; Канада — 1,8; Франция — 1,8; Польша — 2,0; США — 5,6. В России в 2002 г. показатель был равен 22,4.

Как мы видим, интенсивность преступности измеряется в относительных показателях, в которых параметры преступности соотнесены с размерами «среды» бытия преступности, и тем самым реалии этой среды независимо от их величины и других особенностей могут быть сопоставлены по оценкам преступности, сравнимы между собой.

Показатели интенсивности в новом свете представляют и такую фундаментальную проблему, как *доступность граждан к правосудию* в ее связи с таким свойством преступности, как *латентность* — скрытая от учета часть общей преступности.

В криминологии существует мнение (гипотеза), что в регионах, в которых активнее, полнее, с меньшими усилиями к укрыванию регистрируется преступность, должна быть меньше доля тяжких и особо тяжких преступлений. Мнение базируется на здравой логике, согласно которой более тяжкая преступность имеет меньшую латентность, меньший риск укрывания, и поэтому усилия, дополнительно направленные на включение и регистрацию преступлений, «вычерпывают» их из латентной, менее тяжелой сферы криминальных деяний.

Подтверждением данной гипотезы могло бы быть наличие корреляции в регионах страны между общим коэффициентом преступности и долей (процентом) тяжких и особо тяжких преступлений в структуре коэффициента преступности регионов страны.

Проведенным нами анализом установить такую значимую корреляционную связь не удалось. Однако это лишь означает, что в различных регионах страны закономерности связи между относительным уровнем регистрации преступлений (в расчете на 100 тыс. человек) и долей тяжких и особо тяжких преступлений весьма разнообразны и даже противоположны.

Действительно, при анализе распределения регионов страны в «пространстве» двух признаков — *коэффициента преступности* и *доли тяжких и особо тяжких преступлений* можно выделить группы регионов, в которых интенсивность (регистрация) преступлений находится в особом отношении к криминальному ядру — тяжким и особо тяжким преступлениям.

§ 3. Структура преступности

Структура преступности выражает объективные связи между ее элементами, ее строение, состав, соотношение частей. Анализ структуры позволяет выявить глубокие качественные взаимосвязи внутри совокупности преступлений, лиц, их совершивших.

При изучении структуры в целом и ее отдельных элементов определяется доля, «вес» каждого элемента, оценивается их связь, влияние на всю совокупность и т. д.

Полученные данные о структуре преступности (в виде долей или удельного веса) могут сравниваться не только во времени, когда структура в отчетном периоде сравнивается с предшествующим периодом — кварталом, годом или рядом лет, но и в пространстве, когда сравниваются структуры преступности различных регионов, стран. Это позволяет выявить как временные, так и территориальные особенности структуры преступности.

Процентный состав структурных элементов получается путем деления числа определенного вида, группы преступлений (лиц), подлежащих анализу, на общее число преступлений (лиц), зарегистрированных в регионе. Для выражения показателей в процентах результат умножается на 100.

Следует отметить, что до недавнего времени даже в научных исследованиях анализ структуры преступности сводился к бедному, с познавательных позиций, попарному сопоставлению структурных долей отдельных видов преступлений или их групп. Положение изменилось лишь в 1970-е гг. с появлением работ С. Е. Вицина, Ю. Д. Блувштейна, В. М. Когана, А. А. Лепса и других исследователей.

В настоящей работе рассматриваются некоторые сравнительно новые методические возможности исследования структурных характеристик преступности.

Весьма важным при криминологическом анализе является изучение сходства (различия) структуры преступности в отдельных региональных единицах (например, в районах области). Эта задача, в частности, может быть решена с помощью *коэффициента структурного сдвига (КСС)*. При его вычислении сначала определяется разность между значением соответствующих элементов двух сравниваемых структур. Например, если в структуре города А доля уличных преступлений равна 10%, а в структуре города В — 8%, то разность между ними равна 2%.

Возможно получение и отрицательной разности, знак которой в данном случае не учитывается. Во внимание берется абсолютное ее значение, т. е. модуль разности (о чем говорит знак модуля в формуле вычисления КСС).

После того как все аналогичные элементы структур будут сопоставлены друг с другом, показатели суммируются и полученная величина делится на число элементов в сравниваемых структурах.

В общем виде вычисление коэффициента структурного сдвига (КСС) можно представить в виде формулы

$$\text{КСС} = \frac{\sum |\alpha_j - \beta_j|}{n},$$

где α_j — величина j -го элемента структуры преступности региона α ; β_j — величина j -го элемента структуры преступности региона β ; n — количество структурных элементов преступности в регионах α и β ; $\sum$ — знак суммирования абсолютной разности значений j -х элементов структуры преступности j в регионах α и β .

Рассмотрим порядок вычисления линейного коэффициента структурного сдвига на конкретном примере.

В графе 1 табл. 6 дан перечень видов преступлений, совершенных в двух сравниваемых регионах А и В, а в графах 2 и 3 — выраженные в процентах доли указанных преступлений в структуре преступности соответствующих регионов.

Следующим действием является вычисление разности соответствующих долей (без учета знака), что и сделано в графе 4 табл. 6.

Затем полученные разности складываются, и сумма делится на число элементов — видов преступлений — в структуре преступности (в нашем примере семь элементов). В результате получаем значение коэффициента структурного сдвига преступности в сравниваемых регионах — 2,25.

Разумеется, чем меньше величина коэффициентов, тем более «близкими», похожими являются структуры преступности. Но столь же очевидно, что с помощью рассмотренного показателя сравнению подлежат не только структуры преступности различных регионов, но и структуры одного и того же региона в разные периоды времени. В этом случае мы изучаем динамику структуры преступности и, рассматривая последовательный ряд коэффициента структурного сдвига, можем судить об изменении структуры преступности во времени.

Таблица 6

**Коэффициент структурного сдвига преступлений
в двух сравниваемых регионах**

Виды преступлений, совершенных в сравниваемых регионах	Процент (доля) вида преступлений в структуре преступности в регионах		Абсолютная разность долей
	А	В	
1	2	3	4
Умышленные убийства	0,5	0,65	0,15
Умышленные тяжкие телесные повреждения	1,3	0,9	0,4
Изнасилования	1,1	1,5	0,4
Разбой	1,5	1,0	0,5
Грабеж	8,4	10,0	1,6
Кражи	31,2	39,0	7,8
Хулиганство	30,0	25,1	4,9
Линейный коэффициент структурного сдвига			2,25

До сих пор мы сравнивали между собой лишь две структуры преступности. А что даст нам с позиции познания преступности рассматриваемый показатель, когда требуется сравнить структуры не двух, а нескольких регионов? В этом случае можно предложить вычисление коэффициента структурного сдвига для каждой из пар регионов, т. е. сравнивать структуру преступности «каждого региона с каждым».

Можно подсчитать, что всего придется вычислить $\frac{n^2 - n}{2}$ коэффициентов структурного сдвига (где n — количество регионов). Например, если мы имеем пять регионов, то придется вычислить 10 коэффициентов.

Вычисленные показатели удобно записывать в виде таблицы-матрицы. Например, если мы сравниваем структуры пяти

Таблица 7

**Сопряжение коэффициентов структурного сдвига преступности
в пяти регионах**

Регион	Регион					Сумма коэффициентов
	А	Б	В	Г	Д	
А	0	5,6	9,5	14,6	2,2	31,9
Б	5,6	0	3,9	11,8	5,0	26,3
В	9,5	3,9	0	15,2	7,3	35,9
Г	14,6	11,8	15,2	0	11,6	53,2
Д	2,2	5,0	7,3	11,6	0	26,1

регионов (А, Б, В, Г и Д), то результаты вычисления коэффициентов будут выглядеть так, как показано в табл. 7, в которой линейные коэффициенты структурного сдвига между регионами даны на пересечении соответствующих граф и строк.

Рассмотрение табл. 7 позволяет, например, выявить регионы с наиболее близкой структурой преступности, такими регионами являются регионы А и Д (коэффициент структурного сдвига — 2,2). Напротив, регионы В и Г наиболее «непохожи» между собой, так как коэффициент максимальный — 15,2. В последней графе табл. 7 даны суммы структурного сдвига по строкам. Эти суммы следует рассматривать как обобщенный показатель наибольшей схожести структуры преступности конкретного района по отношению к другим. В приведенном примере наиболее типичным является регион Д, поскольку сумма коэффициента структуры преступлений у него наименьшая — 26,1. Из этих же соображений следует, что наиболее отличающимся по структуре является регион Г (53,2).

Изложенный метод анализа позволяет представить складывающиеся структурные особенности в совокупности регионов (например, районов области). Знание их необходимо при организации борьбы с преступностью, выборе наиболее важных направлений деятельности правоохранительных органов.

Именно структура преступности отражает социальную направленность человеческой деструкции, характер ее мотивации, криминальную активность половозрастных и социальных групп

населения; структура отражает также такие характеристики преступности, как ее организованность, профессионализм, рецидив и латентность.

Если рассматривать социальную направленность преступности в России в самых общих чертах, то ее можно характеризовать следующими тенденциями. На протяжении более четверти века, с 1961 по 1990 г., плавно, хотя и медленно, в структуре преступности возрастали посягательства на собственность, жизнь, здоровье, свободу и достоинство граждан (гл. 2, 3 и 5 УК РСФСР). В «типичном» для дореформенного периода 1986 г. доля преступлений против собственности в структуре всей преступности составила 41,8%, а доля преступлений против жизни, здоровья, свободы и достоинства — 8,3%. Должную «узду» для чиновников представляла ответственность за хозяйственные и должностные преступления — их выявлялось до 15,8% общего числа зарегистрированных преступлений.

С криминологических позиций глубинное влияние системной трансформации на направленность и формы деструктивного поведения отражается прежде всего на структурной динамике или, точнее, на *структурной эволюции* преступности. Существуют даже определенные стандарты структурных состояний, свойственные характеру общества. Здесь в качестве индикатора выступает доля (процент) преступлений против собственности. Для стран с рыночной экономикой эта доля доходит до 80—90%, для стран с переходной (трансформирующейся) экономикой она равна 50—70%¹. Для стран, характеризующихся «плановым» характером экономики или экономикой, рыночные отношения в которой подавляются правовым режимом, этот показатель находится в пределах до 40%.

Иллюстрацией сказанному является динамика структуры изменений преступности в России в наиболее экстремальные годы — с 1986 по 1991 г. (табл. 8).

Как видно из табл. 8, решающей особенностью первого (социалистического, или номенклатурного) этапа системной трансформации применительно к характеру преступности является экстремальный рост (на 26,5 процентных пунктов) структурной доли преступлений против собственности.

---

¹ В частности, для США этот показатель за последние 10 лет составлял 85—89%. См.: Князев В. В., Верещагин В. А., Жмыхов А. А. Преступность за рубежом (1990—2002 гг.). М., 2004. С. 19.

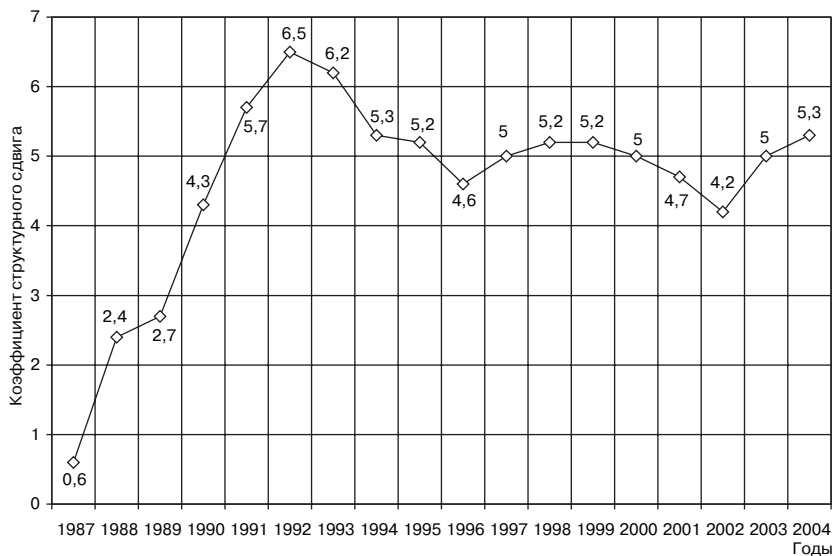
Таблица 8

**Динамика структурных изменений основных групп преступности
в России в 1986–1991 гг.**

Группа преступлений (по основным главам УК РСФСР)		Год					
		1986	1987	1988	1989	1990	1991
Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности	Кол-во	111 194	99 173	101 383	124 835	135 403	134 750
	В % к итогу	8,4	8,4	8,3	7,7	7,4	6,2
Преступления против собственности (социалистической и личной)	Кол-во	559 972	531 297	644 284	966 706	1 145 122	1 489 273
	В % к итогу	42,5	44,8	52,8	59,7	62,3	68,7
Хозяйственные и должностные преступления	Кол-во	211 256	159 206	86 981	80 964	87 731	75 190
	В % к итогу	16,0	13,4	7,1	5,0	4,8	3,5
Преступления против общественной безопасности, порядка и здоровья населения	Кол-во	365 633	326 797	325 649	382 333	402 652	399 831
	В % к итогу	27,7	27,6	26,7	23,6	21,9	18,4
Итог (сумма по всем главам УК РСФСР)	Кол-во	1 318 417	1 185 914	1 220 361	1 619 181	1 839 451	2 167 964
	В % к итогу	100	100	100	100	100	100

Вместе с тем обратим внимание на то, что именно за период номенклатурной трансформации *доля хозяйственных и должностных преступлений* к 1991 г. по сравнению с 1986 г. сократилась в 4,6 раза.

Принимая во внимание, что характер состояния преступности определяется не столько ее количественными флуктуация-

Рис. 17. Динамика коэффициента структурного сдвига преступности (по отношению к структуре преступности в 1986 г.)

ми (часто являющимися проявлениями уголовной политики или, скорее, политики *регистрации*), сколько качественными, прежде всего структурными, с помощью показателей структурного сдвига (S) проследим структурные изменения преступности за весь наблюдаемый период системной трансформации (1986—2004 гг.). При этом показатель S вычислялся для каждого года в сравнении со структурой преступности в *базовом* 1986 г. Результаты вычислений представлены на графике (рис. 17).

На графике видно, что структурная эволюция преступности, активная фаза которой началась с 1987 г., в 1992 г. в основном завершилась. Преступность действительно эволюционировала на новый качественный уровень. Причем начиная с 1994 г. и до настоящего времени структурные флуктуации сравнительно незначительны (в пределах $5,0 \pm 0,8$). Однако более детальный анализ показывает, что криминальная реальность, установившаяся после 1992 г., находится в постоянном криминально ориентированном «брожении», в организационно-институциональном перестроении и миграции, в открытии и культивировании новых криминальных «прорывов», рисков и возможно-

стей — таких, что и уголовно-правовая мысль, и законоотворчество, и правоохранительная практика пока что отстают от криминальной реальности.

* * *

Все сущее имеет форму и содержание. Формой преступности является структура, т. е. состав ее качественно отличных элементов, их соотношение, устойчивость, воспроизводимость, распространенность. Качественные элементы преступности и их связи являются реальными, «естественными» характеристиками преступности, существующими независимо от вторичных попыток их структурирования, статистических группировок и т. п. Можно сказать, что форма преступности дает объективную основу ее всевозможных структурирований.

Что же является основой формы — структуры преступности? Мы полагаем, что такой основой или морфогенетическим «зародышем» всего структурного многообразия преступности являются присущие каждой личности психо-духовные *основания деструктивного поведения*: агрессия, экспансия, обман. Можно сказать, что указанные основания деструктивного поведения есть онтически присущая человеку форма (формы) его деструктивного (этически окрашенного) отклика на внутренние и внешние обстоятельства его существования. Агрессия, экспансия, обман есть разрушительные формы психо-духовного *резонанса*, который возникает в психо-духовной структуре человека и который является ответом на имманентные деструктивные явления в обществе (и в целом — в среде существования).

Из агрессии, экспансии, обмана как из зародышевых клеток морфогенеза при их «попадании» в объектовую социальную среду возникает все многообразие их конкретных зрелых деструктивных форм — в виде преступлений. Причем сами словесные конструирования форм, их особенности есть результат общекультурных традиций, политических установок, ситуаций и т. д., поскольку ими определяются поведенческие единицы.

«Морфогенетические зародыши» деструктивного поведения присущи каждому человеку. Однако эти элементы психо-духовной структуры входят в резонанс с социально обусловленной депривацией лишь у части населения, причем сам этот «резонансный поток» по количественным параметрам может быть отнесен к квазислучайному процессу. Энергия депривации (т. е. противоречия между ожидаемыми и реальными возмож-

ностями, предоставляемыми человеку обществом) сама по себе является культурно-исторически обусловленным явлением, но также и личности, ее испытывающие, имеют психо-духовные качества, различающиеся в зависимости от содержания духовной жизни цивилизаций и народов. Исходя из этого достаточно обоснованной является гипотеза, согласно которой особенности структуры преступности прежде всего определяются духовно-культурным полем этноса независимо от временных политических, экономических условий его бытия.

Данная гипотеза прошла определенную проверку в 70-е гг. прошлого столетия в одном из сравнительных исследований структуры преступников союзных республик СССР¹. Например, классификация республик бывшего СССР по критерию сходства структуры преступлений, совершенных осужденными в середине 70-х гг., выявила, что наиболее «тесной», т. е. близкой по характеристикам преступности, группой оказались республики европейской части бывшего СССР, а также Казахстан, попадание которого в указанную конкретную группу объясняется хотя бы тем, что половину жителей республики и более половины ее активного населения в это время составляли этнические русские.

Аналогичные исследования, проводимые вплоть до распада СССР, показывали достаточно устойчивую картину таксономии, т. е., несмотря на единообразие во всех республиках политической, экологической, идеологической, правовой систем, республики европейской части России и среднеазиатские и кавказские республики принадлежали к разным таксонам-группам. И напротив, «европейские» республики, несмотря на значительные различия в их предыстории, входили в одну и ту же группу республик с преступностью, относящейся к одному и тому же криминологическому *формотипу*.

Понятие формотипа как структурной транснациональной характеристики преступности, его территориальные границы и криминологические особенности отвечают современной потребности мобилизации транснациональных усилий в противостоянии преступности, на что указывается, в частности, в докладе Генерального секретаря ООН «Положение в мире в области предупреждения преступности и уголовного правосудия»

---

¹ См.: Кондратюк Л. В. О сравнительно-структурном анализе преступности // Труды ВНИИ СССР. М., 1978. № 46. С. 16.

на Одиннадцатом конгрессе ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию (Бангкок, 18—25 апреля 2005 г.).

Инструментом изучения криминологических формотипов может быть не только анализ соотношения структуры преступности в изучаемых территориальных единицах (регионах, районах), но также сравнительный анализ *интенсивности (распространенности) преступности*, измерителем которой являются общий и частный коэффициенты преступности¹.

Интерес представляет глобальное распределение формотипов преступности, однако здесь мы встречаемся и с известной трудностью сопоставимости статистических данных. Тем не менее мы предприняли попытку выявления распределения формотипов мировой преступности хотя бы по минимуму — так называемым общеуголовным видам преступлений, определяемым более или менее однозначным образом и имеющим вместе с тем наибольшее распространение. Сведения взяты нами из доклада Генерального секретаря ООН на Одиннадцатом конгрессе ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию².

Все сведения, касающиеся частных коэффициентов преступности в мире (в делении на регионы, принятом в ООН) и в России, можно представить в виде табл. 9.

После нормирования сведений (придания им сопоставимого вида путем деления показателей интенсивности на максимальные их значения по строкам табл. 9) были рассчитаны показатели *сдвига интенсивности* для каждой из пар регионов и к полученным данным применен алгоритм построения графов «наименьших расстояний».

---

¹ Между показателями структуры преступности и частными коэффициентами ее интенсивности существует простое соотношение

$$S_i = \frac{k_i}{k} 100,$$

где S_i — доля (процент) i -го вида преступлений в структуре преступности; k_i — частный коэффициент преступности i -го вида преступлений; k — общий коэффициент преступности (количество преступлений, приходящихся на 100 тыс. человек).

² Сведения о преступности в мире в упомянутом докладе Генерального секретаря ООН относились к 2002 г., данные о преступности в России относятся к этому же году.

Таблица 9

**Интенсивность семи «общеуголовных» преступлений
в регионах мира (количество преступлений на 100 тыс. человек)**

Преступления	Регионы мира					
	Африка	Америка	Азия	Европа	Океания	Россия
Похищение людей	3,83	2,21	0,29	1,00	0,30	1,00
Мошенничество	70,8	131,2	100,0	279,0	71,0	89,0
Умышленное убийство	16,5	12,7	2,9	6,0	2,9	22,4
Грабёж	300,0	465,0	10,0	175,0	125,0	117,0
Разбой	760,0	690,0	50,0	320,0	790,0	32,5
Изнасилование	70,0	35,0	10,0	15,0	70,0	6,0
Преступления, связанные с наркотиками	50,0	29,5	19,0	160,0	275,0	132,5

В результате этих операций был построен граф «наименьших расстояний» между регионами, характеризующий *относительную близость формотипов преступности по критерию ее интенсивности* (рис. 18).

Рис. 18. Граф расположения регионов мира по критерию близости интенсивности общеуголовной преступности

На рис. 18 видно, что регионы подразделяются по крайней мере на две группы (два таксона): первая — Азия—Россия—Европа, вторая — Америка—Африка—Океания. Причем Россия в первом таксоне занимает промежуточное положение: по этому критерию преступность в России приблизительно одинаково «близка» (или «удалена») преступности Европы и Азии.

Структура преступности есть свойство настолько важное, что сходство или различие ее индикаторов (формотипов) сигнализирует о сходстве или различии духовно-культурных характеристик обществ и государств, эту структуру продуцирующих. Как показывают кросскультурные исследования, структура преступности, ее интенсивность теснейшим образом зависят от распространенности в обществе агрессии, экспансии, конфликтности. Однако сама эта распространенность, или пораженность общества, тесно связана с этическим, экономическим, политическим климатом в соответствующем социуме. Есть, в частности, данные, свидетельствующие о том, что общества с развитой демократией менее поражены агрессией в силу того, что в демократическом обществе люди обучаются улаживать свои разногласия доступными им правовыми средствами, так же как демократическими процедурами регулировать политические процессы, не прибегая к насилию¹.

§ 4. Динамика преступности

Анализ состояния преступности предполагает изучение ее изменений во времени.

При анализе динамики, изучении количественных и качественных изменений состояния преступности, выяснении причин этих изменений необходимо ответить на вопросы: за счет каких преступлений или каких категорий лиц происходит увеличение или уменьшение показателей преступности, насколько устойчивы выявленные тенденции?

Анализ динамики основных «замеров» преступности дает и такую важную возможность, как правильное установление криминологической периодизации истории страны, позволяя фиксировать важные стадии криминальной эволюции, связанные

---

¹ См.: *Триандис Г. С.* Культура и социальное поведение: Учеб. пособие. М., 2007.

порой с латентным влиянием начинающих фундаментальных процессов.

Анализ состояния преступности, «длинных» рядов ее динамики (1970—2006 гг.) приводит к выводу о том, что основные ее параметры, предопределившие ее состояние в 1990-е гг. и в текущем десятилетии, сложились в годы, предшествующие официальному отсчету этапа системной трансформации — 1991 г. И так называемый триумф преступной среды следует относить к периоду 1980-х гг., пожалуй, даже в большей степени, чем к началу 1990-х гг., поскольку именно в эти годы зародились основные количественные и структурные изменения преступности, предопределившие ее состояние в последующие годы.

На рис. 19 показана динамика основных параметров преступности в период, предшествующий 1991 г.: количества зарегистрированных преступлений, лиц, выявленных за совершение преступлений, осужденных и осужденных к лишению свободы.

На рис. 19 представлены ряды динамики преступности, характеризующие собой (в математической и графической формах) наметившиеся тенденции, в значительной степени предопределившие состояние преступности в постсоветское время, которое обычно и связывают с системной трансформацией или реформированием.

Сравнение тенденций основных параметров преступности, охватывающей период с 1970 по 1990 г., с этими же показателями, установившимися после 1991 г., очевидно демонстрирует тот факт, что именно *последние 10 лет коммунистического режима явились той «стартовой площадкой», которая и вывела преступность в России на ее современный уровень.*

Действительно, если бы нам пришлось прогнозировать в 1990 г. преступность в России на 2002 г., основываясь на сложившихся к 1990 г. тенденциях, то мы имели бы следующие прогностические данные (в сравнении с реальными):

1) зарегистрировано преступлений: прогноз — 2256 тыс., реально — 2526 тыс.;

2) выявлено лиц, совершивших преступления: прогноз — 1269 тыс., реально 1258 тыс.;

3) количество осужденных: прогноз — 697 тыс., реально — 859 тыс.

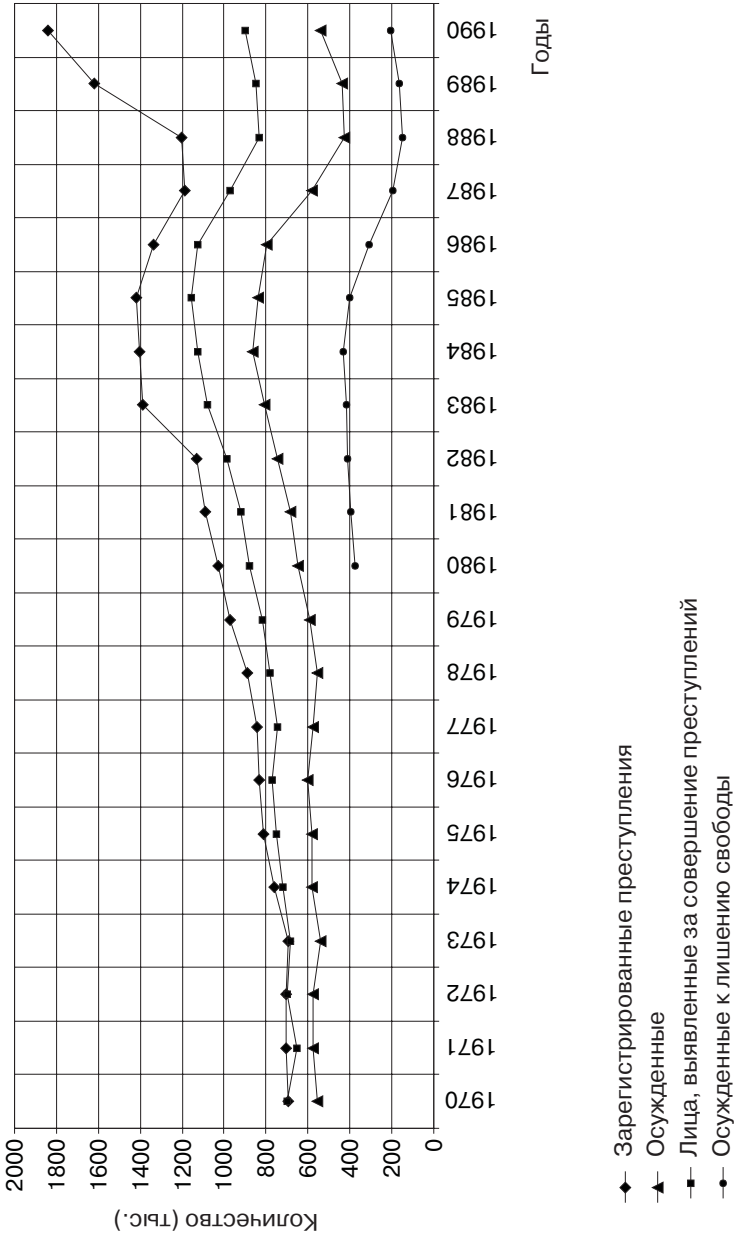

Рис. 19. Динамика преступности в 1970—1990 гг.

Таблица 10

**Особенности динамики регистрации преступлений, лиц,
выявленных за совершение преступлений, и осужденных в России
в 1975—2004 г.**

Пятилетка	Среднегодовое отставание количества лиц, выявленных за совершение преступлений, от количества зарегистрированных преступлений		Среднегодовое отставание количества осужденных от количества лиц, выявленных за совершение преступлений	
	Величина (тыс.)	В % к базовой пятилетке	Величина (тыс.)	В % к базовой пятилетке
1	2	3	4	5
1975—1979	91,7	100,0	191	100,0
1980—1984	211,1	230,2	248	130,0
1985—1989	369,3	402,7	363	190,0
1990—1994	1290,7	1407,5	439	229,8
1995—1999	1115,0	1215,9	472	247,1
2000—2004	1398,8	1525,4	458	239,8

Начальный этап системной трансформации, особенно Закон «Об индивидуальной трудовой деятельности» (1987 г.) и Закон «О кооперации в СССР» (1988 г.), оказали довольно сложное влияние на политику борьбы с преступностью. В практике регистрации преступлений после некоторой неопределенности 1986—1987 гг. стало определенно ощущаться меньшее идеологическое давление и наказуемость преступности, регистрация стала более свободной и, следовательно, объективной, что в определенной мере обусловило экстремальный уровень регистрации преступлений в 1989—1992 гг. Доказательством этого является тот факт, что динамика количества лиц, выявленных за совершение преступлений, которой, собственно, характеризуется реальная напряженность и результативность работы правоохранительных органов (прежде всего милиции), стала ускоренными темпами отставать от динамики среднегодовой регистрации преступлений (см. графы 2—3 табл. 10).

Одновременно возрастает разрыв между среднегодовой регистрацией количества лиц, выявленных за совершение преступ-

лений, и среднегодовым количеством лиц, осужденных за совершение преступлений.

Наконец, рекордным за все время существования коммунистического режима следует считать снижение численности осужденных к лишению свободы: с 1984 по 1988 г. численность этого контингента уменьшилась почти в три раза — с 431,8 тыс. до 149,1 тыс. человек.

В данной работе мы не ставим целью освещение технических вопросов, например, таких, как описание алгоритма определения тенденций, математическое выражение которых (модель) служит одним из средств прогнозирования параметров преступности. Однако изучение отечественных работ, связанных с прогнозированием и его результатами, наводит на мысль, что многие ошибки криминологического прогнозирования связаны с игнорированием существующих статистических рекомендаций, касающихся обоснованных оценок вариаций рядов динамики. Ученье эти вариации и тем самым повысить научную достоверность прогноза можно путем вычисления так называемых *доверительных интервалов*.

Модель изменения показателя преступности во времени (тенденция) имеет один важный недостаток: используя ее в качестве инструмента прогнозирования, мы для каждого из будущих лет будем получать «точечные» результаты, т. е. средние величины, около которых будут колебаться фактические значения (реализации) показателя. Поэтому, естественно, нам бы хотелось также знать, как отличаются эти будущие колебания от средней величины, иными словами, нам важно иметь представление о доверительном интервале, в котором с той или иной степенью вероятности будут находиться величины прогнозируемых показателей преступности.

В настоящее время существуют довольно простые приемы расчета доверительных интервалов. Не вдаваясь в математические объяснения, рассмотрим последовательность их вычисления.

1. Первым шагом при вычислении доверительных интервалов является определение величины (оценки) среднеквадратического отклонения на отрезке времени, соответствующем изучаемому динамическому ряду.

Для этого:

а) по формуле тренда определяются расчетные значения уровней ряда;

б) для каждого значения динамического ряда определяется разность между фактическим значением показателя k и его расчетным значением, найденным в предыдущем действии, т. е. величина $e_i = \bar{k}_i - k'_i$;

в) полученные разности (e_i) возводятся в квадрат;

г) находится сумма квадратов разностей $\sum e_i^2$;

д) определяется величина среднеквадратического отклонения по формуле

$$S = \sqrt{\frac{\sum e_i^2}{n-1}},$$

где n — число членов динамического ряда.

2. После определения среднеквадратического отклонения по специальной таблице (табл. 11) определяется значение коэффициента (K), характеризующего зависимость доверительного интервала от длины динамического ряда (т. е. от показателя n) и от периода упреждения (L), т. е. глубины прогноза: если прогнозируется значение показателя на 1 интервал времени (например, на следующий год), то $L = 1$, если на 2 интервала — $L = 2$ и т. д.

Таблица значений K для оценки доверительных интервалов прогноза при линейном экстраполировании выполнена с вероятностью 0,8.

3. Определив S и K , находим величины возможных отклонений прогнозируемых значений от средних (ε) по формуле $\varepsilon = Ks$.

Вводим числовые значения в формулу тренда (тенденции) (табл. 11).

Юридическая мудрость гласит: «Summum jus summa injuria», что можно перевести и так: слепое максималистское (буквальное) следование закону влечет многие беззакония. Было бы величайшим бедствием, если бы каждый поступок, формально подводимый к определению преступления, и в самом деле влек за собой клеймящее действие власти.

Из этой мудрости следуют по крайней мере два следствия. Первое: определенное благо заключается в том, что не все деяния, формально квалифицируемые как преступления, становятся актуальными, поэтому *криминальная латентность приобретает характер социальной необходимости*; второе: предупреждение преступности следует связывать не столько с предупреждением отдельных фактов, сколько с *мотивированным влиянием на линию поведения субъектов*.

Таблица 11

Значение K для оценки доверительных интервалов прогноза относительно линейного тренда с вероятностью 0,8

Чис- ло чле- нов в ряду	Период упреждения (L)																			
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
5	2,374	2,741	3,151	3,589	4,046															
6	2,094	2,337	2,608	2,608	3,208	3,528														
7	1,932	2,106	2,300	2,300	2,733	2,965	3,205													
8	1,826	1,956	2,102	2,102	2,429	2,605	2,788	2,977												
9	1,719	1,851	1,956	1,965	2,220	2,358	2,502	2,651	2,804											
10	1,692	1,774	1,865	1,865	2,069	2,180	2,297	2,147	2,541	2,668										
11	1,647	1,714	1,788	1,788	1,965	2,047	2,142	2,242	2,344	2,449	2,557									
12	1,611	1,667	1,729	1,729	1,868	1,944	2,023	2,107	2,192	2,281	2,371	2,464								
13	1,581	1,629	1,682	1,682	1,799	1,863	1,930	2,000	2,073	2,148	2,225	2,304	2,384							
14	1,557	1,598	1,643	1,643	1,743	1,798	1,856	1,916	1,978	2,042	2,108	2,176	2,246	2,317						
15	1,536	1,572	1,611	1,611	1,697	1,745	1,794	1,846	1,900	1,956	2,103	2,072	2,132	2,194	2,257					
16	1,519	1,550	1,584	1,584	1,659	1,700	1,744	1,789	1,836	1,884	1,935	1,986	2,039	2,093	2,148	2,205				
17	1,504	1,531	1,561	1,561	1,628	1,664	1,702	1,741	1,783	1,825	1,870	1,915	1,962	2,009	2,058	2,108	2,158			
18	1,490	1,514	1,541	1,541	1,600	1,632	1,665	1,700	1,737	1,775	1,814	1,854	1,895	1,938	1,981	2,025	2,070	2,116		
19	1,482	1,504	1,528	1,528	1,580	1,609	1,638	1,670	1,702	1,736	1,771	1,807	1,844	1,882	1,920	1,962	2,005	2,048	2,091	
20	1,466	1,486	1,508	1,508	1,554	1,580	1,607	1,635	1,664	1,694	1,725	1,757	1,790	1,824	1,858	1,894	1,930	1,967	2,004	2,042
21	1,458	1,476	1,495	1,495	1,537	1,560	1,584	1,609	1,635	1,662	1,690	1,719	1,749	1,780	1,811	1,843	1,875	1,909	1,943	1,977
22	1,448	1,465	1,482	1,482	1,520	1,541	1,563	1,586	1,609	1,634	1,659	1,685	1,712	1,739	1,768	1,796	1,826	1,856	1,887	1,918
23	1,441	1,456	1,472	1,472	1,506	1,525	1,545	1,566	1,587	1,609	1,632	1,656	1,680	1,705	1,731	1,757	1,784	1,811	1,839	1,868
24	1,433	1,447	1,462	1,462	1,494	1,511	1,532	1,552	1,571	1,587	1,608	1,630	1,652	1,675	1,698	1,722	1,746	1,771	1,798	1,823
25	1,427	1,439	1,453	1,453	1,482	1,498	1,514	1,531	1,549	1,568	1,587	1,606	1,626	1,647	1,669	1,691	1,713	1,736	1,759	1,783

Примечание. Таблица заимствована из работы: *Четыркин Е. М.* Статистические методы прогнозирования. М., 1975.

* * *

С учетом изложенных рекомендаций рассмотрим *вариант прогноза преступности в целом и наиболее распространенных общеуголовных преступлений, а также лиц, причастных к совершению преступлений.*

Как мы уже отмечали, более или менее адекватная количественная характеристика динамики выражается в периодизации *истории преступности.* Для нас очевидно, что начиная с 1992 г. в жизни страны начинается современный период этой истории, в связи с чем статистической базой построения линейных моделей динамики преступности и прогностических вычислений послужили сведения о преступности за 1992—2004 гг.

Элементы полученных линейных моделей динамики и величины вычисленных доверительных интервалов достаточно информативно характеризуют основные тенденции (направления) изменений, их скорость и размах ожидаемых отклонений показателей преступности от общих тенденций (трендов)¹.

Из охваченных видов преступлений только количество регистрируемых краж в рассматриваемом периоде (1992—2004 гг.) имеет существенную тенденцию к снижению: в среднем каждый год их регистрация на 30,2 тыс. меньше, чем в предыдущий год. На фоне возрастающей тенденции регистрации разбоев, грабежей, мошенничества, т. е. более квалифицированных форм проявления экспансии (сопряженной с агрессией и обманом), фиксируемое сокращение краж является скорее результатом «техники» манипулирования с регистрацией, а также воз-

---

¹ Как известно, общая форма линейной модели имеет вид $Y = a + bx \pm \varepsilon$. Здесь Y — зависимая переменная в наших вычислениях, Y — это преступления или лица, их совершившие, a — так называемый свободный элемент регрессии, выражающий среднее значение уровня динамики ряда; b — коэффициент регрессии, характеризующий скорость, т. е. среднегодовой прирост изменения Y под влиянием независимой переменной (x), в наших вычислениях x — время (в календарных годах). Знак «+» или «-» при коэффициенте регрессии означает увеличение или уменьшение зависимой переменной Y с течением времени.

Буква « ε » означает величину доверительного интервала — размах колебаний прогнозируемой величины от центральной тенденции. Знак « $\pm$ » перед ε означает, что колебания возможны как «вверх» от линии тенденции (тренда), так и «вниз».

растающим отказом потерпевших обращаться по поводу краж в милицию ввиду низкой эффективности ее реагирования.

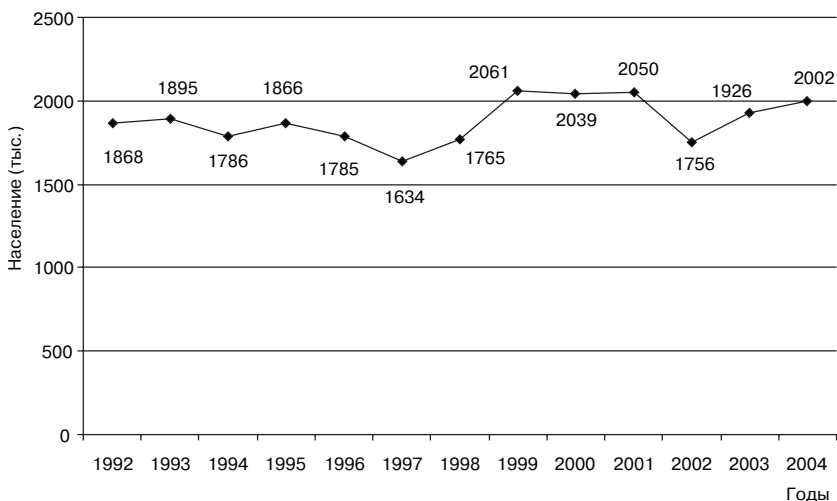
Особое внимание следует обратить на коэффициенты регрессии, которыми характеризуется средняя скорость изменения регистрируемых проявлений криминальной деструктивности.

Так, уже отмечалось явление расхождения количества регистрируемых преступлений и количества лиц, совершивших преступления, которые удается выявить правоохранительным органам. Сравнение коэффициентов регрессии соответствующих линейных моделей и поясняет указанное «расхождение»: количество зарегистрированных преступлений прирастает на 11,7 единицы в год, а количество лиц, выявленных за совершение преступлений, — на 1,8 тыс. человек. Иными словами, *прирост регистрируемой преступности значительно опережает прирост выявленных преступников, что говорит о снижающейся раскрываемости преступлений и, следовательно, о снижающейся правозащищенности граждан.*

Сопоставление величины коэффициентов регрессии линейных моделей динамики и позволяет отметить еще одну закономерность — закономерность количественного сближения совокупности лиц, выявляемых за совершение преступлений (среднегодовой прирост равен 1,8 тыс. человек), и совокупности лиц, осужденных в связи с совершением преступлений (прирост равен 35,5 тыс. человек).

За этой закономерностью стоит целый ряд важных для характеристики российской правоохранительной системы особенностей. Это свидетельство того, что, во-первых, тяжкие преступления все более преобладают среди всех зарегистрированных и раскрытых преступлений, во-вторых, *правоохранительная практика становится все более безальтернативной, в ущерб профилактике верх берет карательная тенденция.*

Оценивая результаты построения линейных моделей и получая на их основе прогнозируемые параметры преступности, нельзя не отметить, что так называемые доверительные интервалы ($\pm \varepsilon$) (вычисление на основе среднестатистических отклонений реальных значений показателей центральной тенденции) имеют довольно значительный размах (величину), означающий, что прогностические оценки, полученные на основе линейных моделей динамики, характеризуются значительной неопределенностью. В самом деле, например, прогнозируемый

Рис. 20. Динамика коэффициента преступности в России (1998—2004 гг.)

уровень всей зарегистрированной преступности в 2008 г. может отличаться на 11,3% «вверх» или «вниз» от расчетного значения тренда. Для прогнозируемых уровней краж этот процент составляет 23—28%. Прогноз числа лиц, выявленных за совершение преступлений, может с вероятностью 80% отклоняться от расчетного значения количества лиц на 25,6% и т. д.

Подобный размах колебаний в регистрации наиболее распространенных общеуголовных преступлений есть свидетельство продолжающегося формирования и адаптации к новым социальным условиям прежде всего системы уголовного законодательства, а равно и системы уголовной юстиции в целом.

На рис. 20 представлена динамика коэффициента преступности (количество преступлений на 100 тыс. жителей страны).

Бросаются в глаза два больших «провала» в стабильном росте этого показателя (на 12,8 преступлений в год), относящиеся к 1997 и 2002 г. Природа этих «падений» показателя понятна, хотя в каждом случае различна: с 1 января 1997 г. в действие введен новый Уголовный кодекс, и, как показала жизнь, *на адаптацию органов уголовной юстиции к новому уголовному закону в стране уходит приблизительно три года.* «Провал» криминальной активности в 2002 г. и вовсе обусловлен мифическим «сокращением» краж в связи с *законодательной ошибкой декриминализации:* со-

гласно принятому в конце 2001 г. Кодексу об административных правонарушениях, к числу краж с «незначительным» (подлежащим административной ответственности) ущербом были отнесены кражи с ущербом до пяти минимальных размеров оплаты труда, и таким образом из-под уголовной юрисдикции и регистрации в качестве преступлений была сразу выведена треть миллиона «рядовых» краж, поскольку ошибка была исправлена лишь в конце 2002 г. Разумеется, подобные «флуктуации» преступности, имеющие в качестве причины нормативную деятельность, противоречащую духу справедливости, подрывают доверие граждан к правоохранительной деятельности и увеличивают долю латентной составляющей криминальной действительности. Одним из доказательств сказанному служит такой «сенсационный» факт: когда в стране в целом в 2002 г. количество краж на треть сократилось, в столице России, Москве, где решили бороться с укрывательством преступлений, регистрация тех же краж возросла более чем на треть.

«Сокращение» преступности путем ее декриминализации характерно в последние годы. Особую озабоченность должно вызывать стремление «снизить» указанным способом уровень хулиганства.

Математическая модель динамики хулиганства ($Y_x = 145 \text{ тыс.} - 6,7 \text{ тыс.} \times (T - 1998)^1$) свидетельствует о стремительном падении регистрации этих преступлений — среднегодовое снижение составляет 6,7 тыс. преступлений. *Реальное состояние общественного порядка на улицах и в местах общественного пользования совершенно не вяжется с «оптимистической» перспективой «борьбы» с хулиганством.* Чтобы правильно оценить значение борьбы с хулиганством, необходимо учитывать принципиальные особенности этого преступления. Во-первых, в формулировках диспозиции в статьях, определяющих этот вид преступления (от ст. 206 УК РСФСР, ст. 213 УК РФ и до Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ), действительно были так называемые оценочные определения, позволяющие трактовать их в зависимости от конъюнктурных условий и соображений. Но в то же время это же обстоятельство позволяло использовать давление на хулиганов в качестве карательного, но все-таки более гуманного (в конечном счете) «рычага» или «регулятора» борьбы с проявлениями агрессии и пре-

¹ Здесь T — год, для которого производятся вычисления (прогноз).

дупреждения более тяжких форм (убийств, причинения тяжкого вреда здоровью, разбоев) и т. п.¹

Во-вторых, хулиганство (особенно в его менее квалифицированных проявлениях) обладает еще одной важной особенностью — оно, как правило, совершается «в условиях очевидности» и имеет высокий процент раскрываемости. Это обстоятельство в условиях, когда этот показатель служил основной оценкой деятельности милиции, позволяло манипулировать общей «раскрываемостью» с помощью увеличения регистрации этих преступлений.

После того, как с гипертрофией показателя было покончено, милиция, похоже, потеряла особый интерес к регистрации хулиганства, что является серьезным ударом по общепрофилактическому эффекту борьбы с преступностью.

Наконец, окончательный удар по общепрофилактической эффективности борьбы с хулиганством нанес сам законодатель указанным Законом от 8 декабря 2003 г., декриминизовавшим так называемое простое (неквалифицированное) хулиганство (ч. 1 ст. 213 УК РФ 1996 г.). «Эффектом» этого решения с большой вероятностью будет не только иллюзорное «сокращение» преступности более чем на 100 тыс. преступлений, но и весьма вероятным станет более ускоренный рост всех иных насильственных преступлений, а также грабежей и разбоев. Статистика за 2004 г. показала, что за год зарегистрировано лишь 24 тыс. проявлений хулиганства, но за этот же год на 7 тыс. увеличилось число разбоев и на 53 тыс. количество грабежей.

Особого внимания требует также оценка динамики изнасилований в России, анализируемой за 25-летний период. Статистика свидетельствует о постоянной тенденции к снижению регистрации данных преступлений, причем в современный период эта тенденция только усилилась: среднегодовое снижение составило 0,57 тыс. преступлений. Мы имеем абсурдную ситуацию: если подобная тенденция сохранится, то через 17—18 лет в России эти преступления «исчезнут».

Разумеется, этот абсурд имеет рукотворную природу. В начале XXI в. в стране в среднем за год регистрировалось по 8,2 тыс.

---

¹ Закономерности, в соответствии с которыми снижение активности в борьбе с хулиганством увеличило рост числа тяжких насильственных и корыстно-насильственных преступлений еще в конце 60-х — начале 70-х гг. прошлого века, были вскрыты С. С. Овчинским (см.: *Овчинский С. С. Преступное насилие. Преступность в городах.* М., 2007).

этих преступлений — почти в четыре раза меньше, чем, например, умышленных убийств. Однако в тех странах, в которых доступ к правосудию реально обеспечен, пропорция соотношения изнасилований и убийств обратная: в США доля умышленных убийств в структуре всей преступности составляет 0,7% (в России — 1,1%), изнасилований — 5%, тогда как в России — 0,25%, т. е. в 20 раз меньше! В 2002 г. в Англии и Уэльсе (с населением в 2,8 раза меньшим, чем в России) зарегистрировано 12 293 изнасилования, что в полтора раза больше, чем в России. В том же году в ФРГ (с населением в 1,8 раза меньшим, чем в России) зарегистрировано изнасилований больше, чем в России, — 8,6 тыс.¹

Такое состояние дел с регистрацией изнасилований нельзя объяснить только отработанным «механизмом» уклонения от возбуждения уголовных дел по преступлениям данной категории. Женщины нередко действительно отказываются от заявлений в милицию по фактам совершенных в отношении их преступлений. И это обстоятельство, вызванное недоверием к правоохранительным органам, есть *свидетельство и физической и моральной незащищенности женщин и недоступности для них правосудия*. Это обстоятельство и отражает наша статистика об изнасилованиях, свидетельствующая о явном снижении уровня борьбы с этим злом.

Характерно, что под декриминализацию в последние годы попадают деструктивные деяния, от которых страдают широкие слои населения. Так, Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. был декриминализован обман покупателей (ст. 200 УК РФ) — преступление, по которому ежегодно регистрировалось 80—90 тыс. преступлений, если к ним прибавить 80—90 тыс. декриминализованных «простых» хулиганских проявлений, то можно утверждать, что, например, в 2004 г. за счет декриминализации общее число зарегистрированных преступлений по меньшей мере «сокращено» на 170—200 тыс., что составляет 7% общего числа.

Применительно к рассматриваемой нами проблеме динамики преступности приведенные «разовые» влияния на нее законодательства, организационных и иных решений, несомненно, придают всей цепи последующего динамического ряда преступности (в целом или отдельным видам) характер периодических или, вернее, квазипериодических колебаний, при которых рост

---

¹ См.: Князев В. В., Верещагин В. А., Жмыхов А. А. Указ. соч. С. 18, 23, 28.

уровней регистрации, равный по длительности трем-четырем годам, сменяется таким же (а чаще более коротким) ее снижением. Затем начинается новый цикл.

Исследования, проведенные в разные десятилетия и в разных регионах, показывают, что *в уровне регистрации наблюдались трехмесячные (квартальные) циклы*: максимумы (всплески) регистрации падают на март (апрель), июнь, сентябрь и декабрь, т. е. месяцы, которыми заканчиваются кварталы, полугодия и годы. Следующие за «пиковыми» месяцы, как правило, характеризуются резким спадом в регистрации.

Причины указанной цикличности заключены в действиях как объективных, так и субъективных факторов. Известно, что в летние месяцы активизируется уличная преступность: хулиганство, посягательство на автотранспорт и т. д. Вместе с тем на повторяемости циклов сказываются тактические особенности учета преступлений, существующая периодичность в отчетности органов внутренних дел, стремление работников милиции задержать, отодвинуть регистрацию нераскрытых преступлений и т. д.

§ 5. Территориальное распределение (география) преступности

Преступность в любом регионе имеет свои индивидуальные черты, обусловленные культурно-историческими особенностями региона, половозрастной структурой и социальным составом населения (в том числе особенностями местной преступной среды), структурой предприятий промышленности, быта, торговли, размещением зрелищных учреждений и т. д. Без знания этих индивидуальных характеристик нельзя не только дать правильную оценку криминологической обстановки, но и использовать достаточно эффективно данные криминологического анализа, так как система соответствующих профилактических мероприятий должна быть максимально конкретной. Поэтому при исследовании внимание должно обращать на выявление связей преступности с местными условиями, особенностями территории, населения микрорайонов и т. д. Это позволяет уменьшить неопределенность, в условиях которой еще часто принимаются меры по предупреждению преступности, раскрытию преступлений и розыску преступников.

Связь характеристик преступности с характеристиками «среды», с особенностями территории, на которой обитают народы, — едва ли не первая из научных гипотез появившейся в

конце XIX в. криминологии. Напомним, что первая часть фундаментального труда Ч. Ломброзо «Преступление», названная автором «Этнологией преступления», как раз включает подробнейшую характеристику «среды обитания», т. е. особенности определенных территорий. Это «метеорическое» влияние и климат, базовые характеристики местности с позиции концентрации в них преступности, характеристики населения (плотность, половозрастная структура, миграция и т. д.).

Картина распределения преступности «в пространстве» с этого времени становится необходимым элементом всякого серьезного анализа криминологической обстановки. В российской криминологии этот аналитический подход (по крайней мере, в делении преступности на «сельскую» и «городскую») приобретает все более самостоятельное значение.

При этом можно отметить некоторую эволюцию во взгляде на роль «географии» и «топографии» преступности: если при зарождении криминологии «территория» предстает скорее как фактор этиологии преступности, то сейчас география (топография) преступности предстает как результат влияния (прежде всего социальных, демографических факторов, объединенных территорией в некоторый *комплекс* (паттерн)), индивидуализирующий характер распределения форм поведения действующих субъектов.

Первым по времени (в 80-е гг. прошлого века) подходом или попыткой связать преступность с индивидуализирующими ее особенностями территории можно считать изучение «городской» и «сельской» преступности.

Такое разделение преступности по генерирующей ее географии имеет значение и в масштабе страны в целом. Например, установлено, что, хотя до 1990 г. темпы роста преступности в городах были выше, чем в сельской местности, интенсивность преступности на селе была выше, начиная с 70-х гг. С 1990 г. по настоящее время сельская преступность опережает городскую и по интенсивности, и по темпам роста. Криминологи связывают это с особенностями миграционных процессов, с недостаточной защищенностью сельских объектов посягательства, неустроенностью и полной отсталостью социальной инфраструктуры.

Одной из задач географии преступности, начиная с 80-х гг., была и задача криминологической классификации регионов страны. В этих исследованиях прежде всего ставилась задача найти такие подходы криминологической классификации ад-

министративно-территориальных единиц, которые, с одной стороны, были бы корректны в научном отношении, учитывали бы многомерный характер преступности, а с другой — были бы методически просты и доступны для применения в условиях аналитических подразделений на федеральном и региональном уровнях.

После испытания ряда методов многомерной классификации (факторный анализ, таксономия) мы остановились на классификации регионов по таким характеристикам преступности, как ее *структура* и *интенсивность*. При этом каждый вид преступления, входящий в структуру, оценивался по его средней тяжести, которая измеряется в показателях реально вынесенных судами наказаний. Этот подход позволяет «взвесить» каждый элемент структуры преступности по степени его общественной опасности, а структура преступности в целом оценивается в форме индекса.

Интенсивность преступности в указанных исследованиях измерялась традиционным показателем — коэффициентом преступности.

Для упорядочения и классификации регионов России в пространстве указанных признаков-показателей (тяжести структуры и интенсивности) был применен метод построения дендрита (графа расстояний — так называемой вроцлавской таксономии). В ходе решения данной статистической задачи было получено удовлетворительное разбиение регионов на пять групп-классов. При этом было замечено, что простое произведение показателей тяжести структуры преступности на коэффициент (интенсивность) преступности хорошо моделирует положение регионов на графе-дендрите, т. е. классификация регионов (просто ранжирование) по произведению указанных показателей дает приблизительно такую же картину распределения регионов по классам, как и метод таксономии.

Изучение географии преступности (сопряженное с элементами топографии) служит мощным методическим инструментом познания состояния, флуктуаций и «метаболизма» преступности в мегаполисах и крупных городах, каждый из которых предстает как социальный организм, создающий социоэкономическую среду, обладающую набором неповторимых индивидуальных признаков (факторов), которые устойчиво и явственно определяют криминологическую ситуацию.

Примером здесь может служить исследование географии преступности в г. Москве. Хозяйственный потенциал города

обуславливает, например, тот факт, что, по некоторым оценкам, 36% трудящихся Подмоскovie работают в Москве. Ежегодно приток масс туристов, гостей, командированных составляет 2 млн человек, и 3 млн человек ежегодно следуют через Москву транзитом. При этом важно, что хозяйственные, транспортные, торговые, культурные, административные и другие функции имеют свою территориальную привязанность, свой «рисунок», и это в свою очередь определяет ярко выраженную территориально-графическую дифференциацию криминологической обстановки.

Огромная внешняя и внутренняя (между округами) миграция криминально активных лиц является одной из самых крупных проблем, с которой сталкиваются правоохранительные органы столицы.

В целом по Москве преступления, совершенные самими москвичами на территории их проживания, составляют только треть, следовательно, почти две трети лиц из числа совершивших преступления в Москве, не являясь москвичами или же являясь москвичами, совершили свои преступления не в тех административных округах, в которых проживали.

Характер этого распределения в различных округах весьма различен. Если в Центральном округе из числа привлеченных к уголовной ответственности лиц жителем этого округа был лишь каждый шестой, то в Северо-Восточном почти две трети правонарушителей были «своими».

Доля лиц, проживающих вне Москвы, но совершивших преступления в столице, по различным округам варьирует также в широких пределах: в Центральном округе приезжими-немосквичами совершаются свыше половины преступлений, а в Северо-Восточном и Западном — свыше четверти. Каждый третий, совершивший преступление в Центральном округе, является москвичом, прибывшим в центр из других округов столицы.

Разумеется, этот признак — *место проживания преступника по отношению к месту совершения им преступления* — является одной из ведущих характеристик криминологической и оперативной обстановки, и учитывать его следует при решении организационных задач (штаты, структура органов), при решении стратегических задач профилактики преступности, тактических задач раскрываемости преступлений и т. п.

Под топографией преступности мы понимаем комплекс приемов территориального анализа преступности, в котором используется информация о координатах местонахождения эле-

ментов преступности (фактов, субъектов преступлений, жертв, орудий, предметов, мест реализации и т. п.) на местности, в связи с ее функциональной ролью, особенностями поселенческой структуры и т. п.

На важность топологических факторов и фиксации частных (присущих данной территории) закономерностей в российской литературе было обращено внимание в 60—70-е гг. XX столетия. Важно отметить, что указанные исследования в какой-то мере смыкаются с так называемой теорией защищенного пространства, разрабатываемой в это же время за рубежом.

В порядке обобщения изучения особенностей территориального распределения как одной из важнейших характеристик преступности мы бы отметили следующие обстоятельства.

1. Чем более рациональными, трудозатратными и подчиненными требованиям эффективности становятся усилия общества и государства в противостоянии преступности, тем большее значение будет иметь криминологическая диагностика регионов, крупных городов. Только подобного рода диагностика, связанная с вопросами прогнозирования ситуаций и программирования мер, ресурсов, организационных новаций и т. п., может служить рациональным обоснованием «снизу» *целевых программ правоохранительных органов*. География преступности как раз «привязывает» реальные проблемы преступности и ресурсные затраты к конкретным регионам, городам и позволяет планируемые задачи выразить операциональным образом.

2. Опыт региональных исследований преступности показывает, что из всей совокупности «факторов», детерминирующих «индивидуальность» преступности региона, наиболее значимым и стабильным является фактор демографической (половозрастной) и социальной структуры населения. Именно структура населения выступает как некий кумулятивный генеральный фактор, вбирающий в себя особенности экономики, трудовой миграции, уровень качества жизни и т. д. Население формирует и структуру половозрастного поведения, в том числе и криминального.

Диспропорции половозрастной структуры являются наиболее постоянным, стабильным фактором для обоснования распределения регионов страны по различным классам — таксонам.

§ 6. Общественная опасность преступности

Уголовный закон определяет преступление как общественно опасное и противоправное деяние, признаки которого указаны в Особенной части Уголовного кодекса РФ.

Следовательно, если каждое преступление обладает признаком общественной опасности, то и вся преступность как совокупность преступлений характеризуется какой-то суммарной общественной опасностью. Если бы имелась непосредственная возможность измерения всех разновидностей вреда, причиняемого преступлениями, то задача оценки их общественной опасности была бы довольно несложной: для этого было бы достаточно показатели общественной опасности однородных преступлений умножить на их количество и полученные произведения суммировать.

Однако ценности, на которые посягает преступник, настолько разнохарактерны, что представить себе единицу их непосредственного измерения и соизмерения невозможно. Это обстоятельство отрицательно сказывается на информативной ценности существующих статистических показателей, поскольку при определении общего уровня преступности, коэффициентов и других ее показателей различные виды преступлений рассматриваются как равноценные.

Длительное время учесть в статистике показатель общественной опасности преступлений считалось делом бесперспективным. В частности, С. С. Остроумов высказал мнение, что «в сфере судебной статистики никакие соизмерители не могут устранить различия между кражей и диверсией, хищением и убийством и т. п.»¹. Однако такой вывод представляется слишком категоричным. Всякое измерение, следовательно, и «соизмерение», сопряжено с абстрагированием от многих свойств измеряемых феноменов, т. е. измерение действительно «устраняет» различия по тем признакам, которые, исходя из конкретной цели, могут быть «устранены» без существенного ущерба.

С учетом данных соображений логично прийти к выводу, что достаточно рациональными путями построения показателя общественной опасности конкретного преступления могут быть: 1) вычисление среднего размера наказания, определенного в санкции соответствующей статьи; 2) вычисление среднего наказания осужденным за конкретный вид преступления.

---

¹ *Остроумов С. С.* Советская судебная статистика. М., 1970. С. 211. Несколько позже он изменил эту точку зрения. См.: *Он же.* О некоторых актуальных проблемах судебной статистики на современном этапе // Вестник МГУ. 1974. № 3.

Общественная опасность преступности в целом (в рамках определенного региона и временного периода) может быть установлена путем последовательного суммирования: вначале определяется общественная опасность отдельных преступлений, относящихся к определенному виду (группе), а затем общественная опасность в целом как сумма общественной опасности по видам (группам) преступлений.

В настоящей работе мы придерживаемся той точки зрения, что общественная опасность наиболее объективно и точно определяется, исходя из наказаний, определяемых судебными органами за совершение конкретных преступлений¹. Для измерения общественной опасности совокупности преступлений необходимо определить единицу измерения общественной опасности. Представляется, что такой единицей может служить размер наказания в виде лишения свободы, равный одному году. Данный выбор определяется многими причинами, и в частности тем, что это наказание выражается универсальной, делимой и понятной величиной — интервалом времени. Все остальные виды наказания приведены к этой мере с помощью специальных коэффициентов эквивалентности.

Методику вычисления оценки общественной опасности рассмотрим на упрощенном примере. Учитывая потребность в оценке общественной опасности важнейших групп преступлений, с условием, чтобы перечень таких групп был достаточно минимальным, были произведены вычисления показателей общественной опасности семи групп преступлений, представленных в табл. 12.

В математической форме общий показатель общественной опасности записывается так:

$$V = \sum_{i=1}^n Q_i \tau_i, \quad (1)$$

где τ_i — показатель общественной опасности i -й группы преступлений; Q_i — количество преступлений i -й группы; n — количество групп.

---

¹ Идея данного подхода была высказана Д. О. Хан-Магомедовым в 1970-е гг. Реализация подхода была представлена в работе: Кондратюк Л. В. Система криминологических показателей и методы их вычисления.

Таблица 12

Оценки общественной опасности общеуголовной преступности

Группа преступлений	Показатель общественной опасности группы преступлений (в годах лишения свободы)
Умышленные убийства (с покушениями)	7,8
Изнасилования (с покушениями)	5,4
Тяжкие телесные повреждения	4,4
Грабежи, разбои	3,0
Кражи	1,7
Хулиганство	1,5
Иные общеуголовные преступления	1,0

По своему содержательному смыслу показатель общественной опасности преступлений есть сумма произведений количества структурных элементов преступности на их «качественную» (по степени общественной опасности) оценку или «вес». Такая форма представления преступности позволяет оценивать преступность не только путем ее счета (исчисления), но и путем подлинного измерения. Кроме того, в криминологических исследованиях, связанных с соотношением и динамикой общественной опасности преступности, задача исследования может быть представлена в форме особого математического инструмента — индекса:

$$J = \frac{\sum Q_i \tau_i}{\sum Q_0 \tau_0}. \quad (2)$$

Здесь в числителе представлена общественная опасность преступности в период i (или в регионе i), а в знаменателе — общественная опасность базового периода (или региона, по отношению к которому ведется сравнение) — 0.

Важнейшей особенностью индексов является методическая возможность оценивать, как изменяются напрямую несоизмеримые стороны «явления». Применительно к криминологии речь идет об изменениях в структуре преступности (изменение Q_i) и в оценке тяжести этих структурных элементов (изменение τ_i).

Индекс (2) может быть представлен как произведение двух формул, характеризующих варианты отношений:

$$\frac{\sum Q_i \tau_i}{\sum Q_0 \tau_0} = \frac{\sum Q_i \tau_i}{\sum Q_i \tau_0} \times \frac{\sum Q_i \tau_0}{\sum Q_0 \tau_0}. \quad (3)$$

Первый элемент индекса в криминологических исследованиях показывает, насколько «новые» судебные оценки наказания видов (групп) преступлений отличаются от оценок, относящихся к базовому периоду (региону). Второй элемент индексного выражения характеризует изменения в структуре сравниваемой преступности.

Своеобразный универсализм индексного представления сложных явлений, имеющих как структурные, так и весовые параметры, в криминологических исследованиях может быть распространен не только на исследования общественной опасности, но и на другие свойства преступности.

В частности, коэффициенты преступности и криминальной активности, характеризующие интенсивность процесса криминализации, также могут быть представлены в индексной форме и соответствующим образом исследованы.

Справедливость сформулированного тезиса рассмотрим на примере исследования величины и причин изменения криминальной активности населения в 2001 г. по сравнению с базовым 1990 г.

Коэффициент криминальной активности (K) определяется как отношение количества лиц, совершивших преступления, к количеству населения:

$$K = \frac{\text{ЛП} \times 10^5}{N}.$$

Как видим, показатель определяется вне учета возрастной структуры населения. По нашим расчетам, в 1990 г. K был равен 776, в 2001 г. — 1351 человек на 100 тыс. человек.

Однако, как нам известно, каждая из возрастных категорий населения вносит собственный вклад в криминальную активность. Так, лица в возрасте 18—24 лет приблизительно в два раза более криминально активны, чем все население в целом, и именно количество этих лиц в 2001 г. было на 2 млн больше, чем в 1990 г., что нашло отражение в величине криминальной активности. В связи с этим необходимо определить, в какой степени изменение коэффициента криминальной активности

Таблица 13

**Расчетная таблица определения факторов измерения
криминальной активности населения России (1990—2001 гг.)**

Возраст- ные кате- гории наследо- ния (лет)	1990 г.			2001 г.			Вычисление произ- ведений $q_i k_0$		
	Население		k_0 — частный коэффици- циент кри- минальной активно- сти	Население		k_i — частный коэффициент криминальной активности	q_i	k_0	$q_i k_0$
	Коли- чество (тыс.)	Доля в на- следо- нии (q_0)		Коли- чество (тыс.)	Доля в на- следо- нии (q_i)				
14—17	8119	0,070	1837	9473	0,078	1816	0,078	1837	143,3
18—24	13 609	0,118	1392	15 626	0,128	2819	0,128	1392	178,2
25—29	12 952	0,104	1349	10 316	0,085	2644	0,085	1349	114,7
30—49	40 455	0,350	831	44 827	0,368	1395	0,368	831	305,8
50 и старше	41 420	0,358	135	41 436	0,341	320	0,341	135	46,0
Сумма (Σ)	115 655	1,000	Общий ко- эффици- циент $K_0 = 776$ ($\Sigma q_0 k_0$)	121 673	1,000	Общий коэф- фициент $K_i = 1351$ ($\Sigma q_i k_i$)			788 ($\Sigma q_i k_0$)

обусловлено собственно изменением этой активности, а в какой — изменениями в структуре населения за истекшие 11 лет.

Таким образом, криминальную активность населения в целом можно представить в виде суммы произведений частных (относящихся к отдельной возрастной категории) коэффициентов преступности (k_i) на долю этих категорий в структуре населения (q_i):

$$K = \sum k_i q_i.$$

Такая форма записи позволяет для решения поставленной задачи использовать рассмотренный индексный метод. Представленные в табл. 13 данные подставляем в формулу

$$\frac{\sum q_i k_i}{\sum q_0 k_0} = \frac{\sum q_i k_i}{\sum q_i k_0} \times \frac{\sum q_i k_0}{\sum q_0 k_0}, \quad (4)$$

и получаем:

$$\frac{1351}{776} = \frac{1351}{788} \times \frac{788}{776}.$$

В соответствии с теорией индексов разность числителей и знаменателей в выражении (4) выражает зависимость изменения величины коэффициента криминальной активности населения с 1990 по 2001 г. как от изменения собственно криминальной интенсивности лиц, представленных элементами возрастной структуры, так и от демографического изменения указанной структуры.

Действительно, представив выражение (4) в виде разностей числителей и знаменателей, имеем:

$$1351 - 776 = (1351 - 788) + (788 - 776) \text{ или } 575 = 563 + 12.$$

Приняв изменение коэффициента за 100%, имеем:

100% = 97,9% (фактор изменения интенсивности) + 2,1% (фактор изменения структуры).

Таким образом показано, что хотя коэффициент криминальной активности населения в 2001 г. по сравнению с 1990 г. изменялся (возрастал) под влиянием и криминологического фактора повышения интенсивности, и демографического фактора изменения структуры, однако степень влияния факторов на результат была весьма различной.

Как уже отмечалось, индексный метод серьезно обогащает возможности криминологических исследований самых различных совокупностей преступлений, преступников, а также сложных показателей преступности, характеризующих их зависимость от ряда социальных и иных факторов. При этом сам анализ может касаться различных органов системы уголовной юстиции. Так, в начале XXI в. до 75—80% всего контингента учреждений исполнения наказаний Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН) составляют лица, отбывающие наказание за совершение таких тяжких общеуголовных преступлений, как убийства, причинение тяжкого вреда здоровью, разбой и грабежи, а также кражи. Несомненно, что общественная опасность указанных преступлений, весьма различна, хотя соотношение ее оценок можно считать достаточно стабильным. В то же время процент лиц, отбывающих наказание за то или иное преступление, в общем составе лиц, совершивших данные преступления, меняется значительно. Так, если на начало 1992 г. процент лиц, отбывающих наказание за убийство в рассматриваемой совокупности, составлял 16,6%, то на начало 2004 г. — 20,5%. Лица, совершившие грабежи или разбой, в

численности рассматриваемого нами контингента составляли в 1992 г. 20,3%, а в 2004 г. — 28,4%.

Анализ динамики указанных показателей за 1992—2004 гг. свидетельствует об их возрастающей тенденции. В среднем ежегодно начиная с 1992 г. количество осужденных возрастает вроде бы незначительно — примерно на 6 тыс. человек. Однако в связи с тем, что общественная опасность деяний осуждаемых к лишению свободы лиц постоянно повышается, повышается и средний размер их наказания: в 1995 г. он составил 3 года лишения свободы, в 2002 г. — 4,4 года.

В конечном счете эти две тенденции приводят к кумулятивному эффекту: эффекту роста численности лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, и их общественной опасности. Этот показатель «кумулятивного эффекта» или «кумулятивного давления» в местах лишения свободы может быть выражен в «человеко-годах» и определяется как произведение числа осужденных к лишению свободы на среднее наказание. Если исходить из наметившихся тенденций, то этот показатель «кумулятивного давления» в 2008 г. будет равен 2280 тыс. человеко-лет, тогда как в 1995 г. он был равен 1487 тыс. человеко-лет.

Приведенные расчеты имеют самое непосредственное значение для оценки и планирования системы уголовной юстиции в целом и ФСИН страны в частности.

Вычисления показывают, что изменения в структуре преступности в сторону роста более тяжких преступлений неминуемо ведут (при сохранении репрессивного характера юстиции) к росту величины наказаний, связанных с лишением свободы, что фактически означает рост времени пребывания осужденных в местах исполнения наказаний. Подобная тенденция определяет проблемы планирования деятельности ФСИН на перспективу.

§ 7. Латентность преступности

Латентность, т. е. скрытость, потаенность, присуща основной массе преступлений. Большинство из них и совершается в надежде на латентность.

Представление о размерах криминальной латентности связано с оценкой распространенности преступности. Если исходить из гипотезы, согласно которой деструктивность (в том числе и

правовая) присуща человеку как существу духовно несовершенному, то можно предсказать, что противоправное, включая и преступное, поведение распространено в обществе гораздо шире, чем это фиксирует государственная статистика. Можно даже предположить, что каждый человек подвержен стремлению к деструктивности и потенциально, вольно или невольно, может ее проявить, если в ходе духовного созревания и социализации не выработает гармонического согласования личностного смысла и социальных норм.

Ушло в прошлое наивное представление о том, что человек начинает жизнь «с чистого листа». Расшифровка генома человека, революция в сфере биотехнологий, достижения психогенетики, аналитической и трансперсональной психологии, современные антропологические подходы неопровержимо доказывают: «на чистом листе», так сказать, экране души ребенка, уже с первых шагов его социализации проявляются «формулы» и «фигуры» трансперсональных архетипов, постнатальных комплексов насилия, влияния родителей, особенностей личностного душевного и духовного склада¹. Из этих «формул» и «фигур» уже в раннем детстве складывается жизненный сценарий человека, который в современном мире определяет (но не предопределяет!) вероятность таких жизненных исходов, как: 1) гармония с социумом; 2) конфликт, сопряженный с агрессией, экспансией и обманом — элементами всякого преступления; 3) душевное заболевание — сумасшествие; 4) уход из общества (маргинализация), а возможно, и из жизни — самоубийство.

При всем многообразии человеческих судеб все они укладываются в указанные четыре сценария, но выбор одного из них — всегда борьба, исход которой зависит как от потенций индивидуума, так и от качества общества.

Исследования подтверждают изложенную выше теоретическую схему. Еще в 1959 г. К. Эльмхорн проанкетировала 878 стокогльмских школьников в возрасте от 9 до 14 лет. Целью анкетирования было выяснение, совершал ли кто из школьников деяния, подпадающие под запрет закона. Результат оказался таким: в совершении различных деликтов призналось 92% опрошенных, а 53% оказались участниками деяний, подпадающих под запрет уголовного закона.

---

¹ См.: *Овчинский В. С.* Криминология и биотехнологии.

Более поздние исследования показали, что как в группах молодых правонарушителей, так и в контрольных группах, как правило, совершались одни и те же деликты. Различие заключалось лишь в том, что не ставшие правонарушителями молодые люди, «переболев» деструкцией, выбирали нормальную линию поведения и не попадали в поле зрения полиции — в отличие от правонарушителей.

Таким образом, распространенность деструктивного, в том числе и преступного, поведения, являясь «способностью» человека, зависит от «степени» этой способности, от соответствующих характеристик (в том числе биологических) индивидуума и социума. Но отношение к проявлению этой «способности», как и проявлениям противоправным и преступным, является уже другой способностью, которая определяется духовной зрелостью граждан и их общим мировоззрением, уровнем правосознания, традициями и обычаями, характером правовой системы, состоянием органов уголовной юстиции и эффективностью их деятельности, их доступностью и лояльностью к гражданам и т. п.

«Игрой», взаимодействием многих факторов будет определяться вероятность того, что конкретное событие, деяние, во-первых, будут осознаны соответствующими субъектами как преступление, во-вторых, у потерпевших появятся мотивы и воля довести сведения о деянии до правоохранительных органов, в-третьих, у правоохранительных органов обнаружатся мотивы, воля и основания отреагировать на сведения как на информацию о преступлении. Сигналом такого реагирования является прежде всего государственная регистрация события в качестве преступления. Преступления, являющиеся таковыми, но оставшиеся незарегистрированными, и относятся к категории латентных преступлений.

Правильное отношение к криминальной латентности должно основываться на понимании того, что преступление как жизненный феномен не подлежит автоматически учету, поскольку оно относится к явлениям духовного порядка. В наибольшей степени латентность связана с характером господствующего правосознания. Например, многие из лиц, уклонявшихся от уплаты налогов, считали, что в их действиях не было ничего преступного. Они просто занимались «оптимизацией налоговых схем».

Следует также иметь в виду, что проблема оценки латентности усложняется еще и тем, что особенности правосознания, бо-

лезненное реагирование на любые конфликты как реакция на правовую незащищенность порождают явление противоположного порядка — в компетентные органы государства поступает масса заявлений и сообщений о мелких (административных) правонарушениях, т. е. о деяниях, которые заявителями ошибочно определяются как преступления. Об этом свидетельствует не только огромное количество так называемых отказных материалов, но и значительное число уголовных дел, прекращенных в процессе предварительного расследования или даже в суде по таким основаниям, как отсутствие события или состава преступления. Известно, что государство не требует от своих граждан сообщать обо всех преступлениях. По целому ряду преступлений потерпевшему предоставляется право самому решать: давать или нет ход официальному реагированию правоохранительного органа. Даже по тяжким преступлениям ближайшие родственники преступника не обязаны давать показания.

Сказанного достаточно для того, чтобы констатировать: масса латентных преступлений, их количество не могут быть определены исчерпывающим образом. Латентная часть преступности всегда будет иметь размытые, неопределенные как верхнюю, так и нижнюю границы.

Указанными обстоятельствами обусловлены трудности и наблюдаемые крайности в оценке криминальной латентности. Одна крайность, ведущая к занижению числа латентных преступлений, связана с тем, что в ходе исследования определяется лишь текущая латентность, т. е. ориентировочное число (или процент от количества зарегистрированных преступлений) какого-либо вида или группы преступлений, совершенных в отчетном периоде (или в периоде, подвергнутом исследованию). Например, если с помощью опросов граждан, лиц, отбывающих наказание, работников правоохранительных органов устанавливается, что количество латентных (незаявленных и скрытых) тяжких телесных повреждений составляет 32% количества зарегистрированных преступлений, то задача считается решенной. Однако такой подход к определению латентности упускает из виду одно важнейшее обстоятельство — временной аспект становления латентности: дело в том, что в любой момент времени к латентным преступлениям должны относиться не только латентные преступления, совершенные в отчетном году, но и латентные преступления прошлых лет, по крайней мере на ту временную глубину, которая определяется уголовным законом

как сроки давности привлечения к уголовной ответственности (ст. 78 УК РФ). Для определения общей латентности преступлений прошлых лет (всего за 15 лет), хотя и уменьшающиеся количественно по мере истечения сроков давности привлечения к уголовной ответственности, должны суммироваться (так называемая кумулятивная латентность) с текущей латентностью. Так, например, вычисления латентности преступлений, относящихся к категории общеуголовных, проведенные по методике одного из авторов (Л. В. Кондратюка), показали, что кумулятивная латентность примерно в два раза превышает текущую, а их сумма, т. е. общая латентность только общеуголовных преступлений, в 1992 г. составила примерно 4,4 млн, а в 1996 г. — около 5 млн преступлений, в 2006 г. — около 7 млн.

В оценке латентности есть, однако, и другая крайность, противоположная подходу, основанному на учете лишь текущей латентности. В этом случае специалисты свои выводы строят на полном доверии к компетентности респондентов определять сообщаемые ими факты как преступления без учета временных параметров, с опорой скорее на интуицию, чем на доказательство.

Так, в одной из научных работ соотношение зарегистрированных и латентных преступлений определяется следующим образом: «Если принять зарегистрированные деяния по видам за единицу, то латентность по убийствам составит примерно 2, по изнасилованиям — 6, по тяжким телесным повреждениям — 4,9, по хулиганству — 27,9, по разбойным нападениям — 33,8, по грабежам — 57,7, по кражам личной собственности — 151,7...»¹ и т. п.

Вычисления показывают, что если верить этим соотношениям, то, например, в начале XXI в. в России только убийств, изнасилований, грабежей, разбоев, тяжких телесных повреждений и краж фактически ежегодно совершается около 200 млн, т. е. в среднем каждый взрослый житель России трижды совершил какое-либо из этих тяжких и особо тяжких преступлений, причем каждая семья пострадала от них три—пять раз!

Обе крайности в оценке криминальной латентности не способствуют взвешенному и программированному подходу к сдерживанию преступности.

---

¹ Криминологические и уголовно-правовые идеи борьбы с преступностью. М., 1996. С. 41.

В целях получения приемлемо достоверных и объективных оснований оценки латентной преступности (ее общеуголовного массива) ВНИИ МВД России в 1991—1992 гг. было проведено исследование на основе программы, согласованной с рядом научных подразделений ООН (руководитель проекта — К. К. Горяинов). Результаты исследования были рассмотрены на международном научно-практическом семинаре «Латентная преступность: познание, политика, стратегия», проведенном МВД России совместно с ЮНИКРИ в г. Москве в июне 1993 г.

Эмпирической базой исследования послужили: 1) интервьюирование граждан о деяниях, жертвами которых (в течение года) оказались они сами, их родственники и знакомые, а также о мерах, принимаемых в этой связи правоохранительными органами (если информация до них доводилась) — объем представительной выборки составил 2068 человек; 2) опрос специалистов (работников правоохранительных органов) в целях получения их оценки уровня латентности по незаявленным и скрытым правонарушениям — опрошено 355 человек; 3) опрос осужденных — опрошено 200 человек, отбывающих наказание; 4) программированное исследование различного рода документов; 5) журналы регистрации заявлений и сообщений, представления и постановления прокуратуры, «отказные материалы» и др.

Самостоятельно изучалась история формирования присущего России высокого уровня латентности, ее зависимость от характера отношения к латентности, особенностей политических установок, критериев оценки деятельности органов уголовной юстиции, оказывающих влияние на соотношение зарегистрированной и латентной составляющих преступности.

Первый период, 1962—1975 гг., был отмечен противоречивыми процессами и политическими установками: идея скорого построения коммунизма, прямой нажим на органы внутренних дел, «допустившие» рост преступности, оценка деятельности которых осуществлялась по количеству зарегистрированных преступлений и их раскрываемости, — все это стимулировало рост латентности.

Граждане понимали, что их частные интересы не являются приоритетными, ощущали неэффективность обращения в правоохранительные органы, а последние в свою очередь разработали хитроумную технологию укрытия преступлений и перевода их в преступки.

Подобная политика приводила к тому, что у населения складывалось мнение о безнаказанности преступной деятельности. Например, по данным исследования, проведенного Институтом Прокуратуры СССР в конце 1970-х гг., лишь 17,2% опрошенных граждан были уверены в неизбежности наказания за совершение преступления.

Удерживать преступность на политически престижном уровне было все труднее: ухудшилась структура преступности, увеличился рецидив, в числе лиц, совершивших преступления, повысилась доля несовершеннолетних преступников. Этим характеризуется период с 1976 по 1985 г. В качестве вынужденной реакции на неоправданную декриминализацию в эти годы приводится в действие репрессивный механизм: с 1961 по 1986 г. в Уголовный кодекс были введены 52 новые статьи, в 203 статьи были внесены соответствующие изменения. Наконец, в 1982—1983 гг. были предприняты административные меры, направленные на пресечение укрывательства преступлений в органах внутренних дел. Первая попытка «отпустить» регистрацию, освободить ее от идеологического давления дала 32-процентный прирост регистрации количества общеуголовных преступлений, причем 44% абсолютного прироста составили кражи. Неудивительно, что 40% всего прироста составили преступления, оставшиеся нераскрытыми. Так проявил себя «взрывчатый материал» латентности.

Период с 1985 по 1988 г. характеризуется сначала интенсивным ростом регистрации, который затем сменился столь же интенсивным снижением, которое скорее всего отражало некоторую неустойчивость политической ситуации и идеологических установок (начало перестройки — построение социализма с «гуманным лицом»).

Наконец, начиная с 1988 г., когда курс на реформирование стал более определенным, произошел второй после 1982—1983 гг. «отпуск» регистрации, который привел к еще более радикальным изменениям не только тенденций преступности, но и ее качественных, структурных параметров. По сравнению с предыдущим 1989 г. принес прирост в регистрации общеуголовной преступности на 45,6% (всей преступности — на 32,7%). При этом 73% всего абсолютного прироста преступности в 1989 г. составили все те же кражи, т. е. традиционно наиболее укрываемые преступления. Именно с этого времени структура преступности стала приобретать пореформенный вид.

В общей характеристике латентности мы желали бы обратить внимание на гносеологическую сторону проблемы, т. е. проблемы познания преступности, которая возникает в связи с латентностью как одной из характеристик преступности. Эта проблема была зафиксирована сразу, как только перед исследователями (в начале XIX в.) возникла необходимость по наблюдаемой, т. е. регистрируемой, части преступности делать выводы о явлении в целом.

Основательность проблемы подчеркивал уже А. Кетле, выводы которого хотелось бы представить достаточно полно: «Так как вся эта сумма совершенных преступлений, вероятно, никогда не будет известна, то все рассуждения, которым она будет служить основанием, будут более или менее ошибочны; можно даже сказать, что все нам известное относительно уголовной статистики не представляло бы никакой ценности, *если бы не допускалось, что существует почти неизменное соотношение между преступлением зарегистрированным и судимыми и всей нам неизвестной суммой совершенных преступлений* (выделено нами. — Л. К., В. О.). Это отношение необходимо, и повторяю, если бы оно не существовало в действительности, то все до сих пор установленное на основании данных уголовной статистики было бы ложным и бессмысленным. Понятно, насколько важно установить подобное соотношение, и приходится только удивляться, что ему не уделяется должного внимания»¹.

Приходится признать, что гносеологический критерий Кетле — постоянство соотношения латентной и учтенной преступности в наше время фактически опровергнут. Это соотношение, которым скорее всего следовало оценивать степень доступности правосудия гражданам, на самом деле является *величиной переменной*.

Общая характеристика современной криминальной латентности в России

К концу XX в. уровень регистрируемой преступности в Российской Федерации пересек трехмиллионный рубеж и почти приблизился к максимальному уровню регистрации преступлений в СССР (в 1991 г. в СССР зарегистрировано 3 223 147 преступлений). При этом надо помнить, что население СССР

---

¹ Кетле А. Социальная форма или опыт исследования о развитии человеческих способностей. Т. II. Киев, 1913. С. 193.

вдвое превышало население Российской Федерации. Интенсивность преступности — количество преступлений, приходящихся на 100 тыс. человек — перевалила за 2 тыс. Что касается структуры современной преступности, то преступления, характеризующиеся экспансией (захватом собственности, иных благ) и корыстью, в XXI в. составили три четверти, т. е. долю, которая еще в конце XIX в. была характерна для государств с рыночной экономикой.

Одной из ведущих особенностей современного состояния преступности в России является значительный рост проявлений криминальной агрессии как выражение экстремальности политической и экономической ситуации в стране.

Известно, что агрессия имеет как внешнюю, так и интрасубъектную направленность. Интрасубъектная направленность агрессии прежде всего выражается в суициде. В России в конце XX — начале XXI в. на 100 тыс. человек совершалось 60—70 самоубийств, что в 3—3,5 раза превышает среднемировой уровень суицида (по данным Всемирной организации здравоохранения). На начало 2007 г. Россия разделяла первое место в мире по этому показателю с Литвой.

Криминальное проявление агрессии выражается прежде всего в таких формах насилия, как умышленные убийства, причинения тяжкого вреда здоровью. *С 1980 по 2006 г. в России умышленно убито около 700 тыс. человек.*

Проблема латентности преступности в отечественной юридической науке стала всесторонне исследоваться в 60—70-х гг. XX в.¹ Активно исследования в этом направлении проводились в 90-е гг. и начале XXI в.²

---

¹ См.: *Панкратов В. В.* Косвенные методы изучения преступности // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1967. С. 7; *Булатов Г., Майоров Н.* Показательность данных головной статистики // Вестник МГУ. Право. 1969. № 3. С. 59; *Шляпочников А. С., Забрянский Г. И.* Выявление латентной преступности // Советское государство и право. 1971. № 5. С. 99; *Алексеев А. И., Роша А. Н.* Латентная преступность и эффективность деятельности правоохранительных органов // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1973. Вып. 19; *Танасевич В. Г., Шрага И. Л., Орлов Я. В.* Проблемы выявления хищений социалистического имущества // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1975. Вып. 23. С. 48—50.

² См.: *Конев А. А.* Преступность в России и ее реальное состояние. Н. Новгород, 1993; *Горяинов К. К., Исиченко А. П., Кондратюк Л. В.* Латентная преступность. М., 1995; *Лунеев В. В.* Преступность XX века.

Давая оценку современному взаимоотношению милиции и граждан в связи с преступностью, следует прежде всего отметить, что это взаимоотношение, по крайней мере со стороны населения, является *вынужденным* в том смысле, что, живя в обществе с низким уровнем безопасности, граждане и юридические лица с высокой степенью вероятности становятся потерпевшими от преступлений и вынуждены обращаться в органы уголовной юстиции за защитой и по возможности за справедливым возмещением ущерба.

Представление о количестве подобных обращений граждан только в милицию можно получить на основании выборочных исследований. Так, по данным проведенного ВНИИ МВД России опроса представительной выборки 6074 граждан в 21 регионе России, 26,5% опрошенных заявили, что в 2000 г. они подвергались преступным посягательствам, но лишь 55% из них по фактам посягательства обращались в письменной или устной форме в милицию.

Распространяя эти данные на все население России, находим, что потерпевшими от преступлений в 2000 г. себя могли считать по крайней мере 38 млн россиян, которые сделали 20—21 млн заявлений в органы милиции. Следовательно, 17—18 млн потерпевших таких заявлений не делали.

Однако в целях вычисления реального количества преступных посягательств общее число лиц, считающих себя жертвами криминальных проявлений, следует уменьшить ориентировочно на одну треть в связи с тем, что, как показывает практика проверки заявлений и сообщений, граждане примерно в каждом третьем случае ошибочно относят случившиеся с ними происшествия к категории преступлений.

С учетом высказанного соображения можно считать, что граждане в 2000 г. в своих заявлениях и сообщениях информировали правоохранительные органы о 14 млн фактически совершенных преступлений. Принимая во внимание, что фактически в 2000 г. было зарегистрировано 2,95 млн преступлений,

---

М., 1997 (2-е изд. М., 2005); *Он же*. Юридическая статистика. М., 2000; *Савюк Л. К.* Правовая статистика: Учебник. М., 2000; *Гаврилов Б. Я.* Латентная преступность и обеспечение конституционного права граждан на доступ к правосудию. М., 2004 (2-е изд. М., 2007); Латентная преступность в Российской Федерации: 2001—2006 / Под ред. *С. М. Иншакова*. М., 2007; и др.

определяем, что *латентная часть преступности, искусственно скрытая от регистрации, составит ориентировочно 11 млн преступлений*.

Кроме того, среди «незаявленных» фактов, если исходить из тех же пропорций, скрывается ориентировочно около 11 млн преступлений. Исходя из этих, базирующихся на выборочном исследовании вычислений, общий массив латентных криминальных проявлений составляет около 22 млн. Эти 22 млн и есть текущая криминальная латентность, относящаяся к 2000 г.¹

Проведение аналогичных расчетов в 2001—2006 гг. давало показатель текущей криминальной латентности в пределах 22—23 млн криминальных проявлений. Весьма показательно, что коллектив НИИ при Генеральной прокуратуре РФ под руководством С. М. Иншакова, используя другие методики, получил почти аналогичный показатель латентности в 2006 г.: 21,4 млн преступлений².

Проблема латентности настолько многогранна, что необходимо рассмотреть ее по частям. Представим на схеме сложную структуру латентности (рис. 21).

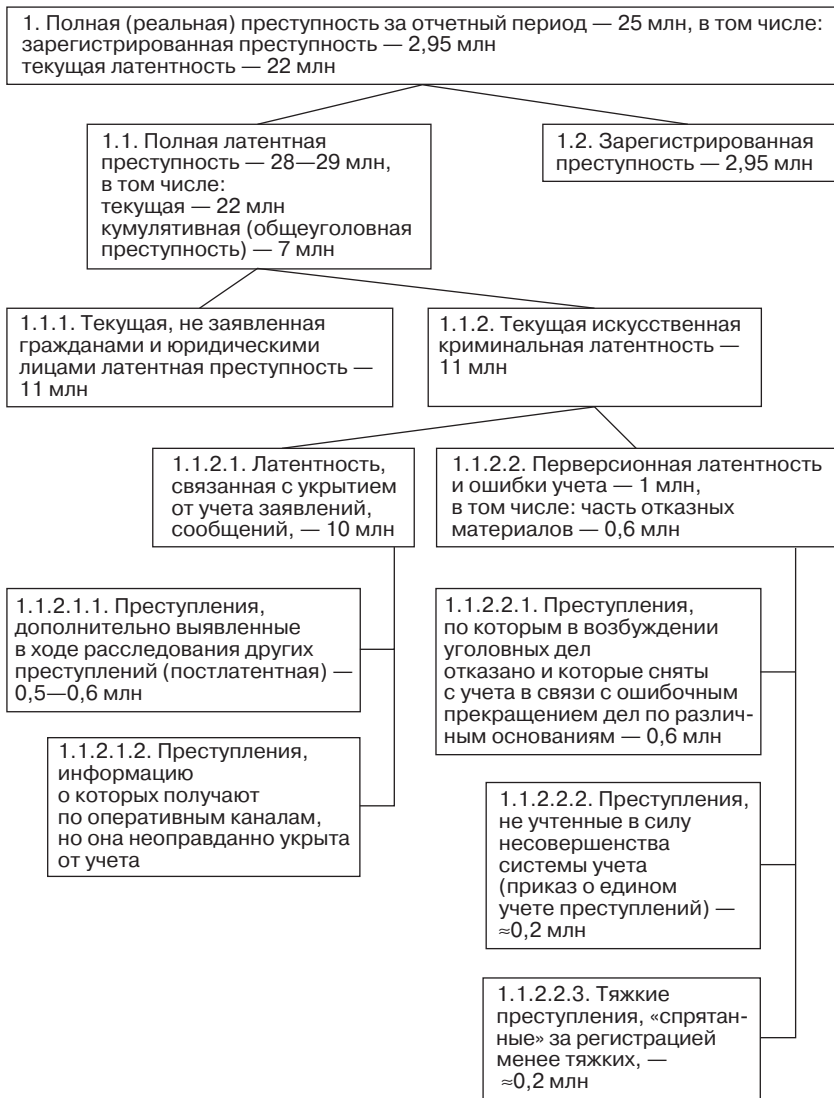
О «незаявленной латентности», хотя и удастся ориентировочно определить ее количество (блок 1.1.1 на рис. 21), мало что можно сказать определенно. Несомненно, что в ее структуре преобладают менее общественно опасные преступления (по сравнению с зарегистрированной преступностью) и по квалификации, и по причиненному ущербу.

Время от времени незаявленные латентные преступления «всплывают» в форме так называемых дополнительно выявленных в ходе расследования преступлений. Таких преступлений в последние годы выявляется около полумиллиона (блок 1.1.2.1.1). По мере учета эти преступления переходят в разряд зарегистрированных. Часть преступлений, входивших в категорию незаявленных латентных, обнаруживаются в ходе оперативно-розыскной деятельности и, будучи выявленными, тем не менее не всегда регистрируются (блок 1.1.2.1.2).

Наибольший интерес представляет рассмотрение явления так называемой *искусственной латентности*. В правоохранительных органах, особенно в милиции, в последние годы рас-

¹ См.: Горяинов К. К., Овчинский В. С., Кондратюк Л. В. Указ. соч.

² См.: Латентная преступность в Российской Федерации: 2001—2006. С. 7.

Рис. 21. Полная (реальная) и латентная преступность: количество преступлений и структура

пространено сокрытие заявлений о криминальных проявлениях. Десятки миллионов потерпевших в состоянии стресса и с надеждой найти защиту и справедливость безрезультатно обращаются в милицию, и многие из обратившихся встречаются здесь с равнодушием и обманом.

По нашим оценкам, общее количество преступлений, составляющих массив искусственной латентности, равно ориентировочно 11 млн (блок 1.1.2). Массив по способу укрытия может быть разделен на два неравных по величине блока: блок латентности, связанной с ошибками учета (перверсионная латентность) (блок 1.1.2.2), и блок преступлений, ставших латентными в связи с тем, что от учета полностью укрываются заявления и сообщения о преступлениях (блок 1.1.2.1).

Зная существующие модели коммуникации населения с участковыми уполномоченными, работниками уголовного розыска, подразделений дежурных частей (особенно в сельской местности), можно достаточно уверенно предполагать, что по части незарегистрированных заявлений действительно проводится некоторая работа, и в случае успеха (раскрываемости) эти заявления регистрируются, а при неудаче они «забываются», устно потерпевшему сообщается, что «идет работа», и т. п.

Более того, в качестве средств давления на заявителей используются такие изоэтранные методы, как угроза, запугивание тем, что лица, на которых жалуется заявитель, могут отомстить, выдвинуть встречные «претензии»: «жалуется, а сам не без греха», и тому подобное психическое насилие над жертвой-заявителем.

Искусственная латентность некоторых наиболее распространенных видов преступлений

Убийства. Криминологи традиционно считают, что именно умышленные и прочие убийства характеризуются наименьшей латентностью, исходя из постулата, согласно которому чем серьезнее преступление, тем ниже его латентность.

Однако в наше время масштабы экстремального насилия открывают широкие возможности прятать убийства под категорией неопознанных трупов и лиц, пропавших без вести. Огромное число «умерших» в настоящее время не подвергаются патологоанатомическому исследованию. Акты на такого рода исследования покупаются без производства самого вскрытия.

Об увеличении латентности убийств свидетельствует резкое увеличение количества находящихся в производстве материалов для установления личности по неопознанным трупам и количества лиц, пропавших без вести, за десятилетие — 1996—2006 гг. Если на конец 1996 г. на учете оставалось 44,2 тыс. дел о неопознанных трупах, то в 2006 г. этот показатель составил около 70 тыс. дел. Количество лиц, пропавших без вести, в 1996 г. составило 74,2 тыс., а в 2006 г. превысило 121 тыс. человек. Причем в это десятилетие ежегодно увеличивалось количество лиц, которые на конец отчетного периода так и не были разысканы. Если в 1996 г. осталось не разыскано около 20 тыс. человек, то на конец 2006 г. — уже более 51 тыс. человек. По экспертным оценкам, не менее трети из этого числа (не менее 15 тыс. человек) были убиты.

Явно патологической является статистическая и одновременно социальная ситуация, когда количество зарегистрированных убийств за десятилетие находится примерно в одних пределах и даже имеет тенденцию к снижению, а число лиц, которые пропали без вести и так и не были найдены, за этот же период выросло более чем в два раза!

Кроме того, постоянно увеличивается число трупов с неустановленной причиной смерти. Общее число трупов, подвергшихся судебно-медицинскому исследованию, экспертизе, в семь раз больше статистического числа погибших в результате всех преступлений¹.

По мнению некоторых специалистов (А. А. Конев, В. В. Лунеев и др.), количество незарегистрированных убийств в настоящее время ориентировочно в два раза превышает количество зарегистрированных преступлений данного вида². Учитывая названные возможности укрытия даже этих тягчайших преступлений, приходится с таким соотношением согласиться. Кроме того, существенную роль в искажении реального состояния дел играют некоторые особенности учета этих преступлений, *основанием которого служит не масса и характер порожденной преступной деструктивности, а формальное (материально-правовое)*

¹ См.: Преступность в России и проблемы борьбы с ней / Под ред. А. И. Долговой. М., 2001. С. 8—12.

² См.: Конев А. А. Указ. соч. С. 135; Лунеев В. В. Преступность XX века. С. 136.

определение преступления, последствия которого должны охватываться умыслом или неосторожностью.

Такой подход действительно порождает не только реальную проблему научного измерения криминальной феноменологии, но и выражается во многих несовершенствах статистики преступности. Так, убийство двух или более лиц (п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ) учитывается как одно преступление. Причинение повреждений, от которых жертва скончалась, если не доказано умысла на убийство, регистрируется как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью.

Изнасилования. Статистическая картина изнасилований выглядит не лучше. На фоне качественных и количественных изменений преступности количество ежегодно регистрируемых изнасилований практически не меняется. Более того, за период 1991—2006 гг. среднегодовой темп изменений регистрации этих преступлений — величина отрицательная, равная 0,7%.

Разумеется, такая статистика не должна вводить в заблуждение. Так, в России вплоть до 1991 г. между количеством зарегистрированных умышленных убийств и изнасилований наблюдался интересный паритет: отношение числа этих преступлений было примерно 1 : 1. После 1991 г. регистрация умышленных убийств резко поднялась, а изнасилований — остановилась. Если считать установленное отношение 1 : 1 определенной «нормой», то в 1992—2006 гг. должно было бы регистрироваться 29—30 тыс. изнасилований, т. е. примерно в два-три раза больше, чем это отражено в статистике (в 2006 г. зарегистрировано 8,9 тыс. изнасилований, а убийств с покушениями — 27,5 тыс.).

Где ежегодно теряются указанные 15—18 тыс. рассматриваемых тяжких преступлений, можно установить лишь косвенным путем. Так, весьма своеобразно ведут себя во времени две статистические категории — «оконченных преступлений» и «покушений» (в отчетности они объединяются). Если количество «оконченных» все же несколько росло (в 1991—1996 гг. — на 2,3%), то количество покушений, напротив, резко падало (в 1991—1996 гг. — на 33,8%). Объяснение этих «понижений» самое простое — иногда покушения просто не регистрировались. По мнению Г. Н. Тройниной, специально изучавшей эту проблему, примерно по половине так называемых отказных материалов, связанных с изнасилованием, уголовные дела должны

быть возбуждены. По оценкам автора, это составляет 6—7 тыс. преступлений¹.

Таким образом, значительную часть утраченных статистикой изнасилований следует отнести за счет возросшего уровня латентности. По данным опроса жителей России, у 42,9% опрошенных женщин отсутствует вера в то, что правоохранительными органами преступник может быть задержан; 27,3% женщин высказали нежелание быть втянутыми в процесс расследования; 16,2% женщин испытывают страх перед насильником.

Есть основания утверждать, что на уровень латентности мощное влияние оказывает установившаяся нравственная оценка круга явлений, связанная с областью сексуальных отношений. Об этом свидетельствует тот факт, что, как показали выборочные исследования, изнасилования «бытовой» природы осуждаются слабо, и очень часто насильник и жертва «уравновешиваются» в вине. Нередко, не находя поддержки в правоохранительных органах, жертва сговаривается с преступником.

Имущественные преступления. Из всех видов преступлений именно кражи как наиболее распространенный вид преступлений (их доля в структуре всей преступности за десятилетие (1996—2006 гг.) составляла 44—47%) явились полем статистических маневров за более или менее «удовлетворяющие» показатели преступности.

Масса всех преступлений, если исключить из них кражи, в 1992—2004 гг. в целом возрастала достаточно монотонно, в среднем на 70 тыс. преступлений в год.

В 2005 г. произошли качественные изменения в регистрации краж: их количество в сравнении с 2004 г. возросло почти на 300 тыс. В 2006 г. число зарегистрированных краж уже в сравнении с 2005 г. увеличилось еще более чем на 100 тыс. Такие изменения — следствие изменения технологии регистрации преступлений в связи с межведомственным приказом 2005 г. «О едином учете преступлений» и ужесточения надзорных функций органов прокуратуры.

Данные обстоятельства еще раз подтверждают выводы *о регулируемой регистрации преступлений как субъективном факторе.*

---

¹ См.: *Тройнина Г. Н.* Возможности статистического анализа при оценке реального состояния изнасилований // Тяжкая насильственная преступность в России в начале 90-х годов: Сборник. М., 1996. С. 36.

Экономические преступления. Фактически вся экономическая преступность лежит в латентной сфере. Для определения ее реальных размеров необходимы специальные знания в сфере экономики, финансов, бухгалтерского учета и аудита. Г. Ю. Каплунова сделала весьма удачную попытку классификации латентных экономических преступлений (рис. 22)¹.

Как видно из рис. 22, стержневым понятием, на котором базируется вся совокупность латентной экономической преступности, является *теневая экономика*. Существует множество подходов к измерению теневой экономики². Наиболее распространенной является методика, разработанная Управлением национальных счетов Госкомстата России³.

По данным Госкомстата России, в начале XXI в. доля так называемой теневой экономики (или скрытой и неформальной легальной экономической деятельности, учитываемой в границах производства) в общем объеме произведенного валового внутреннего продукта (ВВП) страны составляет более 20%. Эти официальные данные серьезно расходятся с оценками ряда экспертов. Так, по некоторым оценкам, доля теневой экономики достигает 40% ВВП. Такие расхождения во многом можно объяснить разницей в подходе к оценке теневой экономики. Например, в состав теневой экономики зачастую включаются доходы от нелегальной экономической деятельности (наркобизнеса, проституции и т. п.), а также от неэкономических видов деятельности (рэкета, грабежей, печатания фальшивых денег и др.). Такой подход Госкомстат считает нецелесообразным. В статистических исследованиях большинства стран доходы от нелегальных криминальных видов деятельности не включаются в состав такого показателя, как ВВП, поскольку их очень сложно оценить статистически, а методология наблюдения за этими

---

¹ См.: Каплунова Г. Ю. Латентные экономические преступления. М., 2005. С. 16.

² См.: Голованов Н. М., Перекислов В. Е., Фадеев В. А. Теневая экономика и легализация преступных доходов. СПб., 2003; Барсукова С. Ю. Неформальная экономика. М., 2004; Ермаков С. М. Теневая экономика: анализ и моделирование. М., 2004; Попов Ю. Н., Тарасов М. Е. Теневая экономика в системе рыночного хозяйства. М., 2005; Латов Ю. В., Ковалев С. Н. Теневая экономика. М., 2006; и др.

³ См.: Колесников С. Теневая экономика: как ее считать // Экономика России: XXI век. 2001. № 1.

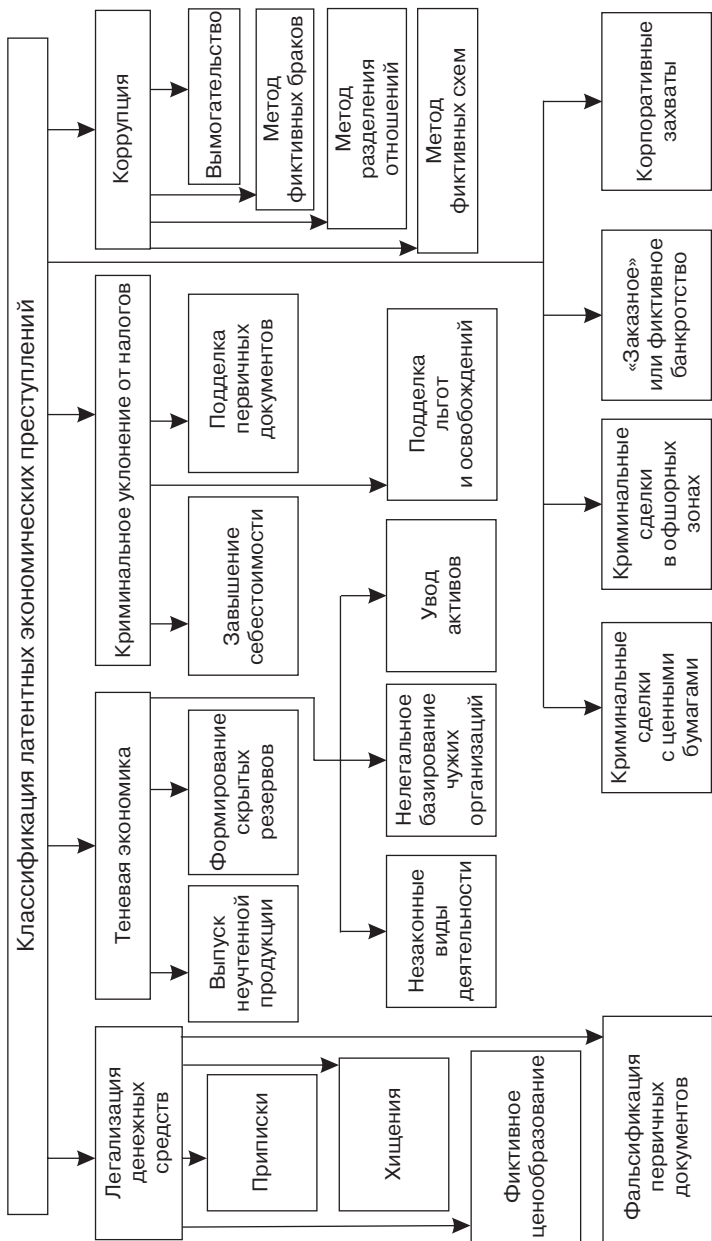

Рис. 22. Классификация латентных экономических преступлений

видами деятельности еще не обработана. Доходы же от неэкономических видов деятельности, по мнению Госкомстата, вообще не должны включаться в состав этого показателя, поскольку не способствуют созданию нового продукта или услуги. Так, грабёж или рэкет не создает новую стоимость, а лишь перераспределяет ее между разными собственниками¹.

Согласно документам Международной организации труда *скрытая экономическая деятельность* включает в большинстве случаев экономическую деятельность, разрешенную законом, но скрываемую или преуменьшаемую по объему в целях уклонения от уплаты налогов, социальных взносов или выполнения определенных административных обязанностей или предписаний по охране труда, выполнению санитарных и других норм. Эта деятельность может осуществляться практически во всех отраслях экономики.

Неформальная экономическая деятельность осуществляется в основном на законном основании индивидуальными производителями или так называемыми некорпорированными предприятиями, т. е. предприятиями, принадлежащими отдельным лицам, домашним хозяйствам, которые часто не оформляются в установленном порядке, основаны на неформальных отношениях между участниками производства (производителем и потребителем) и могут (полностью или частично) производить продукты или услуги для собственного потребления или на продажу (производство продукции сельского хозяйства в личных подсобных хозяйствах, продажа товаров на вещевых и смешанных рынках отдельными гражданами, индивидуальное строительство жилья, частный извоз, оказание бытовых услуг населению — ремонт бытовых изделий, услуги частных парикмахеров и др.).

Несмотря на то что Госкомстат отделяет скрытую и неформальную экономическую деятельность от нелегальной экономической деятельности, первые два вида экономической деятельности сами по себе связаны с преступной деятельностью, чаще всего в виде уклонения от налогов и отмывания преступных доходов. Именно эти преступления и являются, по терминологии НИИ при Генпрокуратуре РФ, *особо высоколатентными*.

---

¹ См.: Колесников С. Указ. соч.

ми (их коэффициент латентности в 10 раз превышает аналогичный показатель, например, для убийств)¹.

Исходя из этой логики, при соотношении реального количества убийств 1 : 2 реальное количество криминального уклонения от налогов должно быть не менее 1 : 20. Иными словами, если в 2006 г. подразделениями МВД России по налоговым преступлениям выявлено 25,6 тыс. преступлений налоговой и экономической направленности, то реальное число таких преступлений должно превышать 500 тыс.

Интересно отметить, что согласно методике выявления тяжких и особо тяжких преступлений в сфере экономики, разработанной профессором М. М. Мусиным, также называется цифра 500 тыс., но уже лиц, которым можно предъявить обвинение в мошенничестве и хищениях в особо крупном размере, совершенных в 2000—2005 гг. Эта система создана М. М. Мусиным на основе современной методологии управления интересами. Она позволяет выявлять масштабные хищения и сокрытие доходов, мошенничество и коррупцию в объеме 18,3% ВВП, в том числе от рэкета, торговли оружием, незаконной предпринимательской деятельности, проституции, незаконного оборота наркотиков, прекурсоров и сильнодействующих веществ.

Решение реализовано на базе программно-аппаратных средств системы корпоративного аудита «Ариадна» и специальных экспертно-аналитических методик. Для проверки возможностей системы был выбран временной интервал в 60 месяцев (2000—2005 гг.), начиная с момента избрания второго Президента России. Результаты анализа финансовых потоков теневого сектора экономики за этот период показали: ситуация унаследована, и это позволяет высказать предположение, что мы имеем дело с негативными системными последствиями предыдущего десятилетия.

За пять лет применения системы удалось выявить 15,5 трлн рублей хищений и сокрытых доходов, выведенных вместе с коррупционной рентой по фиктивным договорам в теневой сектор экономики, что в процентах к ВВП по сумме превышает один среднегодовой ВВП того периода, или 27% среднегодового ВВП ежегодно.

---

¹ См.: Латентная преступность в Российской Федерации: 2001—2006. С. 42.

Из этих денег по факту хищения и сокрытия доходов 10,5 трлн рублей (18,3% ВВП ежегодно) имеются необходимые материалы, чтобы 500 тыс. фигурантов предъявить обвинение в мошенничестве и прямых хищениях в особо крупном размере по ч. 4 ст. 159 УК РФ или по ст. 160, 201 и 199 УК РФ.

Методика М. М. Мусина показала, что криминальное наследие прошлого периода продолжает жить по вполне определенному закону. Этот закон — закон распределения криминального дохода — гласит: *на долю 0,5% всех выявленных криминальных фирм — как правило, самых крупных компаний страны с западным участием или находящихся под управлением западного менеджмента (всего примерно 2,5 тыс. организаций сырьевой направленности, а с учетом фактора аффилированности — и того меньше) приходится свыше 50% всего похищенного*¹.

Формы укрытия преступлений

Обычное укрытие от учета заявлений и сообщений о преступлениях является хотя и наиболее распространенной, но не самой квалифицированной операцией, позволяющей регулировать статистику и пополнять уровень искусственной латентности.

Дело в том, что вопрос о возбуждении уголовного дела и постановке преступления на учет решается после юридической оценки обстоятельств, имеющих в заявлении, и прилагаемых к нему материалов. Но, как известно, юридическая оценка в действительности зависит от квалификации оценивающего, от корпоративных интересов соответствующих органов, от давления вышестоящих установок, касающихся раскрываемости, как главной оценки качества работы, от интересов карьеры и т. п. Именно из подобных оценок, установок и подсознательных «угадываний» и пожеланий начальства складывается так называемая регистрационная политика.

По данным статистики и по оценкам специалистов, общее количество заявлений и материалов о преступлениях, по которым в возбуждении уголовного дела отказывается по всем указанным в законе основаниям, в последние годы составляет 50—66% (к числу возбужденных уголовных дел), однако в отдельных регионах количество отказных материалов достигает

---

¹ См.: Мусин М. Куда ведут нити «Ариадны» // Профиль. 2007. № 38.

120—160% числа зарегистрированных преступлений. При этом почти по 80% материалов отказывается за отсутствием события или состава преступления. «Увлечение» отказами доходит до того, что в некоторых регионах количество отказных материалов, в которых не было усмотрено события или состава преступления, в 1,5 раза превышает количество зарегистрированных преступлений.

О «чистоте» юридической квалификации и тенденциозности отказов в возбуждении уголовных дел свидетельствует тот факт, что за десятилетие 1996—2006 гг. количество отмененных прокуратурой постановлений о подобных отказах, по которым возбуждены уголовные дела, и преступлений (как правило, остающихся нераскрытыми) увеличилось в 3,5 раза: с 41,1 тыс. в 1996 г. до 144 тыс. в 2006 г. При этом следует отметить, что в ходе проверок прокуратуры наибольшее количество нарушений закона при отказе в возбуждении уголовных дел обнаруживается в регионах с видимым благополучием по показателям интенсивности преступности и ее раскрываемости.

Сопоставление динамики зарегистрированных краж, отказных материалов и раскрываемости этих преступлений показывает, что возможности отказа в возбуждении уголовных дел (наряду с укрыванием заявлений и сообщений) широко используются именно для того, чтобы показать желаемый процент раскрываемости.

С учетом сказанного, а также имея в виду, что выборочные проверки отказных материалов прокуратурой приводят к всевозрастающей отмене постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел, можно сделать вывод, что по крайней мере 0,6 млн отказных материалов в год, по существу, также являются укрытыми преступлениями (блок 1.1.2.2.1 на рис. 21). Есть основания полагать, что в целях поддержания на «должном» уровне раскрываемости отказными материалами в большинстве случаев маскируются нераскрытые преступления.

Определенным доказательством искажения уголовной статистики, связанной с укрытием преступлений от учета, является рост *дополнительно выявленных в ходе расследования преступлений* (блок 1.1.2.1.1). Количество дополнительно выявленных преступлений в 1996—2006 гг. также постоянно возрастало. Массив указанной категории постлатентных преступлений формируется из двух источников: из не заявленных гражданами и юридическими лицами преступлений (блок 1.1.1) и укрытых

заявлений и сообщений (блок 1.1.2.1). Причем, по мнению некоторых специалистов, две трети дополнительно выявленных преступлений относятся к числу ранее укрытых преступлений. «Лукавый» смысл постановки на учет дополнительно выявленных преступлений заключается в том, что подавляющая часть выявляется при условии, что на момент учета их можно считать раскрытыми, т. е. здесь опять статистика «работает» на раскрываемость.

Самостоятельным источником, пополняющим общий объем криминальной латентности, является временное удержание от учета *сведений о преступлениях, которые стали известными благодаря оперативно-розыскной деятельности уполномоченных на ее проведение органов*. Следует, разумеется, иметь в виду, что какая-то, возможно большая, часть подобной информации о замаскированной преступной деятельности и не должна официально регистрироваться до тех пор, пока эта деятельность не будет представлена в процессуально приемлемой форме. Однако определенная часть информации представляет собой сведения о законченных незамаскированных преступлениях, изобличающие доказательства по которым могут быть собраны в ходе официального расследования. Объем скрытых таким образом от учета преступлений без специальных исследований определен затруднительно (блок 1.1.2.1.2 на рис. 21).

Есть и еще некоторые формы искусственной латентности, в частности, той ее части, которую можно назвать *перверсионной*, т. е. связанной с *искажением отчетности*. Смысл этих искажений состоит в том, что умышленно или в силу несовершенства правил учета регистрируется не объективная информация, а ее паллиатив. Так, вместо преступлений, большая часть которых не раскрыта (т. е. отсутствуют подозреваемые), учитываются некоторые события, в которых преступления не усматриваются (отказные материалы). Эта категория искажений отчетности рассмотрена выше.

Одним из распространенных вариантов искажения учета является практика регистрации некоторых групп преступлений не по всем ставшим известными криминальным эпизодам, а лишь по тем, в которых преступника, например, удастся задержать с поличным. К такого рода преступлениям относятся, в частности, сбыт наркотиков, оружия, мошенничество и др. По оценкам специалистов, такого рода «выборочный» учет, помогая со-

хранять или даже повышать уровень раскрываемости преступлений, добавляет в «копилку» искусственной криминальной латентности по меньшей мере еще около 300 тыс. преступлений.

Формой перверсионной латентности, трудно поддающейся количественной оценке, является учетная практика, когда умышленно, с целью «поправить» раскрываемость более тяжелых преступлений или «приукрасить» реальное состояние преступности, регистрируются менее тяжкие преступления, как правило остающиеся нераскрытыми. Например, как уже отмечалось выше, убийство или покушение на него регистрируется как причинение тяжкого вреда здоровью или хулиганство, а вместо дерзкого хулиганства регистрируется нанесение побоев и т. п.

Кроме того, действующая система учета преступлений и лиц, их совершивших, имеет много особенностей. Так, учитывается как одно преступление, если оно совершено несколькими лицами в соучастии, если оно состоит из нескольких преступных действий, если оно состоит из одного события, но ущерб причинен многим потерпевшим, если совершены одним действием два преступления (идеальная совокупность). В последнем случае учитывается лишь более тяжкое преступление. Безусловно, отмеченные особенности искажают статистическую картину преступности.

В США, например, *учет подобных деяний ведется не по действиям, а по жертвам*. Если в результате умышленного поджога дома погибло шесть человек, будет зарегистрирован один поджог и шесть умышленных убийств.

Массив латентности, связанной с ошибками учета, есть результат укрытия, как правило, тяжких преступлений за счет регистрации менее тяжких, или же за регистрацией одного преступления укрываются несколько самостоятельных криминальных деяний, например убийство нескольких лиц, регистрируемое как одно преступление. По ориентировочным оценкам, массив такого рода регистрационных перверсий (искажений) достигает 0,4 млн преступлений. Однако основная часть перверсионной искусственной криминальной латентности представлена материалами, по которым неправоммерно, с целью «избавиться» от нераскрытого преступления, было отказано в возбуждении уголовного дела. При достаточно принципиальном подходе можно

считать, что по крайней мере примерно каждый третий материал — это скрытое от учета преступление. Это дает ориентировочно 0,6 млн преступлений. Итак, в общей сложности перверсионная латентность составляет около 1 млн преступлений.

Объективные факторы, обуславливающие латентную преступность

Современная российская юстиция характеризуется тем, что она не гарантирует декларируемое право граждан защищаться от несправедливых действий государства.

Модель работы правоохранительных органов в России может быть квалифицирована как *постсоциалистическая авторитарная, главной целью которой остается не защита личности и общественных ассоциаций, а защита государства от «враждебных» (антисоциальных) элементов в обществе.*

В обеспечение сформулированного предназначения выстраивается система оценок деятельности милиции, характер отношения ее к гражданам, правовой статус участников уголовно-процессуальных отношений и т. д.

Десятилетия деятельности правоохранительных органов, прежде всего милиции, оценивались исходя из требования власти добиваться идеологически престижного, непременно снижающегося по мере строительства коммунизма уровня преступности и демонстрировать неуклонное обеспечение ленинского принципа неотвратимости ответственности, аналогом которого служит 100-процентная раскрываемость. Но так как объективно эти результаты оказались недостижимыми, то использовалась и продолжает использоваться, несмотря на видимость «наведения порядка» *технология обмана*. При этом «строительство коммунизма» заменило «укрепление демократии».

Эта технология служит прежде всего «искусству» регистрации, породившей большой объем криминальной латентности. Указанные факторы порождают парадоксальную на первый взгляд ситуацию: *чем благоприятнее выглядит регистрация преступлений, тем выше интенсивность виктимизации граждан*, которая, будучи неучтенной, для власти как бы не существует.

Более или менее реальным инструментом, «барометром» безопасности граждан могли бы служить такие, например, показатели, как уменьшение уровня виктимизации, снижение страха и риска стать жертвой преступления, улучшение мнения

граждан о работе милиции. Как было исследовано выше, все эти показатели в начале XXI в. ухудшаются, и, как итог этого «невидимого» процесса, *нарастает потенциал взаимоотношения граждан и правоохранительных органов.*

Развитие страны в годы реформ не изменило к лучшему характер отношений граждан и правоохранительных органов, а, напротив, усугубило его. Криминогенное влияние таких факторов, как социально-экономическое расслоение, очевидные проявления первоначального накопления капитала в форме массового обмана населения, рост бедности, безработица с одновременным ростом несправедливо нажитого богатства на другом полюсе, рухнувшее и с трудом воссоздаваемое правовое поле, прерванные экономические и организационные связи, «растворение» элементов культурной инфраструктуры взрывным образом ухудшили криминологическую ситуацию. Тем самым и правоохранительные (особенно милиция) органы вместе со всем народом были поставлены в экстремальные условия. Резко возросла загроуженность основных функциональных подразделений (служб) милиции, разрушена существовавшая система различных организационных форм привлечения населения к обеспечению правопорядка, заглушены ростки специальной криминологической профилактики. Из милиции ушли многие квалифицированные кадры, вынужденные в условиях инфляции решать задачу выживания. В некоторых регионах недокомплект криминальной милиции доходит до 20% и более; доля специалистов со стажем работы в милиции 20 и более лет сократилась в три раза. Вместо ушедших нередко приходят люди случайные, иногда связанные с криминальным миром. Все эти обстоятельства, несомненно, отрицательно влияют на характер взаимоотношений милиции и граждан.

В ряде регионов страны стали проявляться и новые деструктивные тенденции, природа которых связана с попыткой местных властей руководить милицией, исходя из формально-бюрократических представлений о юстиции и правопорядке, а также со стремлением представителей бизнеса, в том числе криминального и полукриминального, поставить милицию на службу своим утилитарным целям и интересам. Такое явление можно именовать *«приватизация милиции»* как высший системный уровень распространения коррупции в органах милиции.

Общественности широко известны факты, когда подразделения милиции выполняют «спецзадания», вмешиваясь в спор

между различными бизнес-кланами в ходе рейдерских захватов, а также при «посаждении» на «престол» того или иного, угодно-го губернатору или мэру предпринимателя. Такого рода «спецмероприятия», демонстрирующие эйфорию насилия, не только развращают милицию, но и роняют ее престиж в глазах граждан.

Хроническая, унаследованная из прошлой эпохи тяга к тому, чтобы по итогам каждого года рапортовать об успехах в борьбе с преступностью, как уже подчеркивалось, присуща и высшим руководителям правоохранительных органов. Такой самообман устраивает власть, поскольку это позволяет вообще не рассматривать вопрос об увеличении ассигнований на эту самую борьбу. Поразительная ситуация: финансирование тяжелого труда всех структур уголовной юстиции как бы и не зависит от объема и тяжести этого труда! Отсюда становится объяснимой «*феноменология самообеспечения милиции и факты перехода ее на частное содержание*». При этом следует иметь в виду, что именно Россия по количеству работников милиции относительно численности населения принадлежит к числу стран с самой «дешевой» и малочисленной системой охраны правопорядка. В Германии один полицейский приходится на 333 человека, в США — на 357, а в России — на 556. Таким образом, обеспеченность населения сотрудниками милиции (так называемая плотность милиции) в России примерно в 1,6 раза ниже, чем в наиболее развитых странах.

Подтверждается старая истина: *нет ничего дороже дешевой юстиции*. Преступность, зарегистрированная, но еще многократно укрытая и незаявленная, — самая страшная плата за «дешевизну». «Дешевизна» юстиции материализуется не только в росте преступности, и прежде всего латентной, но она создает особую духовную атмосферу: страх граждан и переживание незащищенности, стремление граждан к самозащите, что влечет «расползание» оружия (уже сейчас вооружен каждый пятый—седьмой взрослый мужчина), большие затраты на содержание охраны, на железные двери и т. д.

Уголовная юстиция, каждая ее ветвь, в том числе и милиция, — это сложные системные образования, охарактеризовать деятельность которых можно лишь множеством качественных и количественных параметров.

«Логику» деятельности милиции легче всего уяснить, рассмотрев основные системные элементы и связи. Если вести

речь только о ведущей функции милиции — борьбе с преступностью, деятельность ее предстает как функционирование некоторого «процессора», перерабатывающего входные данные в результирующие — выходные. В качестве входных данных выступают элементы преступности: факты преступлений, на которые приходится реагировать в соответствии с законом; преступники с организацией их «посткриминального» бытия, т. е. с последующей их передачей в другие специальные системы; потерпевшие с их надеждой на справедливость и возмещение вреда; иные последствия преступной деятельности, которые оцениваются милицией и в большинстве случаев передаются попечению всего общества (в качестве «выхода»).

Системное рассмотрение проблемы должного реагирования милиции на преступность позволяет обратить внимание на то, что «вход» системы «милиция» ограничен возможностями «обработки», т. е. находится в определенном соответствии с ресурсными возможностями и качеством функционирования, которое должно соответствовать закону и предъявляемым требованиям — оценкам.

Но если учесть, что главным критерием оценки работы милиции является процент раскрываемости (относительный показатель, не полностью связанный с объемом фактически раскрытых преступлений), и если финансовое, ресурсное, штатное состояние милиции не зависят от реального состояния преступности (т. е. уровня безопасности, виктимизации населения), которое невозможно оценить без оценки латентности, то милиция в целях своего выживания в этих условиях поступает, как и любая система: она всеми законными и противозаконными средствами начинает регулировать «вход», т. е. исказить, «калибровать» реальную картину преступности.

Под давлением оценочных и ресурсных факторов система «милиция» в целом стихийно (что не исключает осознанности конкретных шагов) стремится к равновесному «гомеостатическому» состоянию, в котором она добивается приемлемых результатов.

Так, эмпирическими исследованиями по регионам России установлено, что для поддержания определенного уровня раскрываемости нагрузка на одного работника уголовного розыска не должна превышать 40—45 преступлений в год.

Фактически в большинстве регионов России она намного выше, следовательно, в интересах раскрываемости «вход»,

т. е. регистрацию преступлений, надо «подправлять». В ходе исследования латентности, проведенного ВНИИ МВД России, специалистам — работникам милиции, прокуратуры и суда — предлагалось указать на основные факторы-мотивы укрывательства преступлений и оценить их роль. По результатам исследования на первое место вышел фактор «ограниченная пропускная способность милиции», т. е. тот самый рассмотренный выше системно-ресурсный фактор — чрезмерная загруженность работой. На второе место — «стремление к созданию мнимого благополучия», т. е. опять-таки необходимость демонстрировать высокую раскрываемость и осуществлять «снижение» преступности. На третьем месте по значимости были указаны низкая заработная плата, низкий профессиональный уровень и т. п. Четвертое место отведено такому фактору, как недобросовестность отдельных сотрудников¹.

Совокупность рассмотренных в данном разделе факторов образует *порочный круг, в котором ускоряются процессы незащищенности граждан от преступности и незащищенности самой милиции от властной элиты, финансирующей юстицию по принципу «от достигнутого».*

Как уже было отмечено, вся система требований к деятельности правоприменительных органов, прежде всего к милиции, в советский период задавалась мифом: *по мере развития социализма преступность должна уменьшаться, а все зарегистрированные преступления должны раскрываться.* В период реформ слово «социализм» было заменено только словом «демократия».

Следует акцентировать внимание на глобальном противоречии вышеуказанных установок историческим реалиям развития криминологической ситуации в стране за последние десятилетия. Долговременная тенденция уровня преступности во второй половине XX — начале XXI в. неуклонно и ускоренно ухудшалась, и ее современный уровень (с количественной точки зрения) вовсе не является неожиданностью. За период 1960—2006 гг. коэффициент преступности в России удваивался каждые 15 лет, и если эта тенденция сохранится, то уже через 60 лет Россию ожидает *криминологический коллапс: большинство ее взрослого мужского населения будет причастно к преступности.*

---

¹ См.: Горяинов К. К., Исиченко А. П., Кондратюк Л. В. Указ. соч.

В этом заключено коренное противоречие между возможностью правдиво отображать реальное состояние преступности и вместе с тем повышать процент ее раскрываемости. Так, если сопоставить два ряда региональных показателей: первый — изменение количества зарегистрированных преступлений и второй — изменение процента раскрываемости, то между ними обнаруживается определенная статистическая зависимость. Например, по статистическим данным коэффициент корреляции (Пирсона) между рассматриваемыми показателями оказался отрицательным и довольно высоким — 0,623. Это свидетельствует о довольно устойчивой закономерности: *увеличение количества зарегистрированных преступлений влечет уменьшение процента раскрываемости*. Отсюда и эмпирический «закон»: *для того чтобы хорошо выглядеть с позиции главного критерия — раскрываемости, надо стремиться, вопреки объективному росту преступности, создать «управляемый» режим ее регистрации*. Результаты этого «управления» выражаются в миллионах незаявленных и укрытых преступлений.

При том «резерве» незарегистрированной преступности, который реально существует, всякое более или менее искреннее стремление «навести порядок» с регистрацией давало ошутимый скачок уровня регистрируемой преступности.

На протяжении десятилетий руководители МВД, ГУВД, УВД придерживаются одной и той же стратегической линии: первые год-два (именуемые «наведением порядка») допускается некоторое увеличение регистрации преступлений, которое можно было «списать» на предшественника, затем начинается период, когда для обеспечения «хороших» показателей регистрации приходится «регулировать», «понижая» уровень преступности¹.

Тем самым и в социальном, и в социально-психологическом смысле существующее положение с регистрацией преступлений ставит граждан и органы милиции (олицетворяющей власть и все правоохранительные органы) в конфликтную ситуацию.

---

¹ Эти закономерности проиллюстрированы в статьях В. С. Овчинского и Б. Я. Гаврилова. См.: *Овчинский В. С.* Большая липа // Московские новости. 2000. 30 янв. — 5 февр.; *Гаврилов Б. Я.* Способна ли российская статистика о преступности стать реальной? // Государство и право. 2000. № 1.

В конечном счете в определенном (организационно-управленческом) смысле *вынужденное стремление милиции к укрытию преступлений породило у значительной части граждан недоверие и отчуждение от милиции как органа власти.*

Логика *самооправдания* милицейского чиновника довольно проста: он понимает, что для гражданина, потерпевшего от преступления, регистрация его заявления сама по себе ничего не значит, ему важно, чтобы государство эффективно отреагировало на его сигнал-жалобу таким образом, чтобы он получил удовлетворение (возмещение ущерба, наказание виновного, избавление от страха незащищенности и т. п.). В свою очередь загруженный до предела работник милиции, проявив обязательный минимум активности по полученному заявлению, легко приходит к выводу, что дальнейшая работа отвлекает его от более «важных» преступлений, а регистрация заявления лишь ухудшает раскрываемость и ее укрытие служит доказательством лояльности к собратьям по труду.

В силу этого граждане в лице потерпевших и работники милиции как носители разных «моделей жизни» неверно понимают друг друга, ложно интерпретируют действия и намерения друг друга и ощущают свою непохожесть.

Рассогласование взаимодействия граждан и милиции, являющееся итогом ошибочной, ориентированной на параметры государственной самооценки уголовной политики, находит свое выражение не только в росте искусственной латентности, но и в поведении граждан, в их реакции на преступность, в оценках способности государства обеспечить общественную безопасность.

Можно с уверенностью сказать, что это поведение и оценка зависят не столько от «игры» милиции с регистрацией и раскрываемостью, сколько от реального состояния преступности (полной преступности) и от реальной эффективности борьбы с преступностью. Кроме того, как уже отмечалось, в силу инверсии положительных стереотипов отрицательная оценка может только усиливаться.

§ 8. Организованность преступности

Организованность — основание всякого эффективного поведения и сама является выражением альтруистической сущности человеческого духа, что проявляется уже в ячейке элементарно-

го межличностного общения. Ячейки лишь на первый, субъективно-ситуационный взгляд кажутся изолированными, но на самом деле образуют в рамках конкретного общества (а возможно, и в масштабе всего человечества) особую сетевую субкультуру — «социальную паутину». Как пишет Дж. Масионис, «группу возможно сравнить с “кругом друзей”, то есть с социальной паутиной, распространяющейся вовне и зачастую простирающейся на огромные расстояния, включающие массы людей...»¹.

Являясь особой (деструктивной) системой деятельности, преступность обладает особым формообразующим системным свойством — организованностью, во всех ее все более усложняющихся смыслах.

Организованность — неперенное свойство всех системных образований. Существуют такие значения слова «организованность», которые любое преступление связывают с понятием организации, поскольку совершенное даже единственным субъектом преступление требует организации действий в соответствии со сформированным мотивом и определенными целями².

Однако это обстоятельство не отменяет значения понятия «организация» как объединения субъектов, их сплоченности единством мотивации, целей, интересов и т. д. И в этом смысле права А. И. Долгова, указывающая, в каких формах проявляется криминальная организованность: «а) заранее устроенных, продуманных, планомерных преступных деяниях; б) системах таких деяний; в) коллективных субъектах преступлений — различными объединениями преступников; г) системах таких объединений»³.

В этом определении подчеркиваются две стороны общего понятия организованности: рациональность деяний и множественность субъектов этих деяний.

Но в то же время перечень проявлений организованности, представленный А. И. Долговой, не является исчерпывающим, поскольку, следуя логике, по характеру множественности преступность можно подразделить на одиночную и групповую, по

¹ Масионис Дж. Социология. М.; СПб., 2004. С. 235.

² В этом смысле прав Я. И. Гилинский, утверждающий, что «неорганизованных» преступлений вообще не существует (См.: *Гилинский Я. И. Криминология*. С. 206).

³ Долгова А. И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. С. 283.

степени рациональности — на рациональную и иррациональную.

Таким образом, простое сочетание базовых свойств организованности дает четыре оргкласса преступности:

- 1) одиночная рационально мотивированная и организованная преступность;
- 2) одиночная иррационально мотивированная и стихийно иницируемая преступность;
- 3) групповая рационально мотивированная и организованная преступность;
- 4) групповая иррационально мотивированная и стихийно иницируемая преступность.

Первые три оргкласса преступлений вполне укладываются в сложившуюся уголовно-правовую парадигму о преступлениях, совершенных одиночным или множественным (ст. 35 УК РФ) субъектом. Что касается четвертого оргкласса, то его в нашем правовом поле как бы не существует. На самом же деле речь идет о преступлениях, совершаемых стихийными деструктивными группами («толпой», «массой»), — особого рода коллективным субъектом, который, по крайней мере в истории России, играл и играет не последнюю роль. В ходе революций, войн (особенно гражданской), богоборчества, коллективизаций, бедности и асоциализации последних лет Россия *почти до необратимого уровня* растратила свой «социальный капитал», вследствие чего общество действительно стало «массовым» с высочайшей концентрацией психологии толпы.

Со времени Гюстава Лебона хорошо известны характеристики толпы: импульсивность и раздражительность, податливость к внушению и стремление к идолопоклонству (вождизму, например), открытое проявление агрессии, экспансии, обмана¹.

Очевидно, что с криминологических позиций иррационально-асоциальная толпа представляет интерес не только (и даже не столько) как особый субъект преступления, сколько как *криминальный потенциал, способный в эпоху режима социальной деформации стать источником почти мгновенного (бифуркационного) роста криминальных проявлений*. Можно сказать, что и то-

---

¹ См.: Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., 1995. С. 182—187.

талитарные, и демократические режимы, приходящие к власти с помощью революций или контрреволюций (в том числе «оранжевых» и им подобных), и преступность в ее организованных или спонтанных формах используют одно и то же социальное «горючее» — асоциально настроенную толпу, взрывающуюся от разности потенциалов: потенциала обещаний и ожиданий благ и потенциала реальных возможностей их удовлетворения.

Кроме рациональности и множественности субъекта организованность как свойство преступности имеет еще одно «измерение», которое мы бы назвали *институциональностью*. Институциональность организованного криминала указывает на те *социальные структуры, правила и нормы их (институтов) функционирования*, которые открыто или тайно используются в криминальных целях паразитирования на возможностях указанных институтов.

Так, сбытчики оружия, наркотиков используют институты рынка. Создатели финансовых пирамид использовали институт кредитных учреждений, инвестиционных, страховых компаний и т. п. Криминальный «вирус» не только использует институциональный капитал в аморальных и незаконных целях, но и извращает, «перерождает» саму сущность института, оставляя от него лишь формальную оболочку. Эта форма институционально-организованной преступности с величайшим трудом поддается какой-либо операционализации.

Одной из проблем изучения и учета организованности как свойства преступности является сложность операционального представления этого свойства, поскольку оно характеризует в основном качественную сторону криминальной действительности. В связи с этой естественной трудностью многие криминально-эволюционные процессы этой действительности протекают латентно, вне статистического мониторинга.

В существующей статистике преступности отражается количество лиц (из числа выявленных), совершивших преступления в группе (имеется в виду любая множественность субъектов), и в том числе лиц, совершивших преступления в составе организованной группы или преступного сообщества.

Но данная статистика практически ничего не дает для познания размеров и качества современной организованной преступности.

О понятии «организованная преступность»

Для определения самой организованной преступности нет смысла «заново придумывать велосипед». Целесообразно использовать понятийный аппарат, содержащийся в документах ООН. Как известно, там на многих конгрессах и конференциях выработано понятие организованной преступности (в разных модификациях) как сложного переплетения противоправных действий, совершаемых преступными формированиями, целью которых является достижение сверхприбылей с использованием коррупции, насилия и запугивания конкурентов и населения¹.

К концу 90-х гг. XX в. *организованная преступность стала формой социальной организации жизни в России*².

Организованные преступные сообщества можно рассматривать как новую особую форму социальной организации индивидов, имеющих определенные материальные цели и интересы и объединенных противоправным способом их достижения и удовлетворения.

Но организованная преступность — это не только и не столько совокупность различных организованных сообществ, это и форма жизнедеятельности отдельных индивидов, групп лиц, которые моделируют в своем индивидуальном поведении и образе жизни стереотипы поведения и образ жизни преступных сообществ и тем самым идентифицируют себя в качестве асоциального элемента. Таким образом в социальную ткань общества вклиниваются как высокоорганизованные преступные сообщества, так и не связанные с ними непосредственно отдельные индивиды или группы индивидов, которые действуют в парадигме этих преступных сообществ.

Такие формы социальной организации жизни в большей мере относятся к архаическим и иерархическим отношениям между членами общества. Но они далеки от отношений общества граждан или гражданского общества.

Если использовать термин «мафия» как синоним понятия «организованная преступность», то можно констатировать, что *в современной России отношения между индивидом и сообществом в большей мере выстраиваются не по типу гражданского общества, а по типу сообщества мафиозного.*

¹ См.: Основы борьбы с организованной преступностью / Под ред. В. С. Овчинского, В. Е. Эминова, Н. П. Яблокова. М., 1996.

² См.: Овчинский В. С. XXI век против мафии. М., 2001.

По определению философов, гражданское общество — это тип общества, где сам эпитет «гражданское» означает высшее из доселе известных истории проявлений экономической, политической и правовой культуры.

По аналогии с этим определением *мафиозное общество — тип общественных отношений, связанный с проявлением субкультуры («воровской культуры»), теневой экономической, политической, антиправовой контркультуры*¹.

О возможности измерения организованной преступности

Если организованная преступность является формой социальной организации жизни российского общества, то возможно ли ее измерение традиционными средствами?

В начале 2007 г. руководители МВД России в серии интервью рассказали, как на современном системном уровне осуществляется работа по «контролю над 450 организованными преступными формированиями, в которые входят 12 тыс. активных членов».

Что должен подумать простой гражданин, узнав об этих цифрах? Видимо, то, что стоит только эти 12 тыс. членов преступных формирований привлечь к уголовной ответственности, и с мафией в России будет покончено. Но ведь это в большей мере виртуальные игры, самообман и обман населения.

Действительно, есть устойчивые, иерархически построенные многоцелевые преступные формирования. Но в их число с таким же успехом можно зачислить не 12 тыс., а как минимум 120 тыс. активных участников, действующих в орбите мафиозных структур. В 1997 г., по оценкам МВД России, насчитывалось более 80 тыс. членов организованных преступных формирований. А ведь за прошедшие годы оргпреступность только разрасталась.

А есть еще экономическая преступность, которая практически вся стала организованной, причем хорошо организованной, имеющей и коррумпированные связи, и поддержку в профессиональной преступной среде.

Есть вообще понятие «преступная среда». Как уже отмечалось, в России только за годы реформ — с начала 1990-х гг. — через СИЗО, ИВС и колонии прошло более 20 млн человек.

---

¹ См.: *Овчинский В. С.* Требуется государство-крепость // Политический журнал. 2007. Авг.

Есть подростковые и молодежные преступные группировки, которые во многих регионах тоже находятся под контролем мафиозных структур и составляют их резерв. Их членов только на учете в милиции к началу 2007 г. стояло более 50 тыс. человек.

Есть сотни тысяч беспризорников и миллионы наркоманов, которые тоже активно используются мафией.

А есть конгломераты из «воров в законе», руководителей местной власти, олигархов, силовиков, имеющих крышу в федеральных структурах. Речь идет о таких мафиозно-коррупцированных образованиях, которые не фиксируются даже в материалах оперативно-розыскной деятельности¹.

Таким образом, *даже для минимального замера распространенности организованной преступности в стране необходимо использовать самый разнообразный набор индикаторов*. Нельзя идти по привычной схеме суммирования данных оперативного учета субъектов оперативно-розыскной деятельности или данных уголовной статистики. Последняя несовершенна во многом из-за правовой неопределенности понятий «преступное сообщество» и «преступная организация».

О юридическом понятии «преступное сообщество»

К сожалению, более чем двадцатилетнее изучение феномена организованной преступности сначала в СССР (термины «организованная группа», «проявление организованности», «воровские сходки», «общаки» и т. п. впервые появились в закрытых документах МВД и КГБ СССР в 1984—1985 гг.), а затем и в реформированной России не привело к созданию универсального юридического инструментария, пригодного для практического использования. Уголовный кодекс РФ 1996 г., вводя понятие «преступная организация (сообщество)», совершенно не раскрывает его смысла. При подготовке Кодекса не были использованы положения рекомендательного законодательного акта «О борьбе с организованной преступностью», принятого постановлением Межпарламентской ассамблеи государств — участников СНГ в 1996 г. Между тем в этом международно-правовом документе толкуются такие понятия, как «преступная орга-

---

¹ См.: Овчинский В. С. Две преступности // Огонек. 2007. № 8; Он же. «Русская мафия»: мифы и реальность // Завтра. 2007. № 13.

низация» и «преступное сообщество», которых так не хватает в действующем российском Уголовном кодексе.

Такая правовая неопределенность допускает весьма широкие трактовки данных понятий в различных ситуациях. Она позволяет инкриминировать участие в тех или иных преступных сообществах, руководствуясь скорее «революционным самосознанием», нежели законом. Например, если объектом оперативной разработки или уголовного расследования является губернатор, мэр или спикер, то преступное сообщество, по версии оперативников или следователей, может включать всю администрацию либо законодательное собрание области, края или города¹.

§ 9. Детерминированность преступности

В гл. I настоящей работы представлены некоторые концептуальные положения, имеющие отношение к причинности индивидуального и множественного проявлений криминального поведения, которые существенно отличаются от доминирующих до сего времени интерсоциологических традиций трактовки причинности человеческого поведения.

В этой же главе рассмотрены в основном две сферы — личностная (антропологическая) и экзистенциальная (ситуационная) — познания криминологических явлений, а также обозначены возможности изучения этих явлений в социальной и культурно-духовной сферах. Есть основания утверждать, что каждая из указанных сфер или уровней познания соответствует своему онтологическому уровню (сфере) человеческого бытия вообще и криминальной феноменологии в частности. Это обстоятельство позволяет нам рассматривать систему причинности деструктивного (в том числе криминального) поведения с учетом указанной онтологической структуры.

Итак, мы выделяем четыре сферы (уровня) детерминации, давая им следующие рабочие формулировки:

- 1) личностная сфера психо-духовного созревания (антропологическая);
- 2) экзистенциальная ситуационно-фреймовая сфера формирования криминальной мотивации;

---

¹ См.: *Овчинский В. С.* Мафия, радикализм и право // Россия в глобальной политике. 2004. Т. 2. № 2.

3) социальная сфера детерминации (уровень социальной депривации);

4) духовно-культурная сфера цивилизационного формирования социума.

Указанные сферы определяют как само природно-духовное созревание личности, так и все детерминирующие силы среды обитания этой личности. При этом, несмотря на качественное своеобразие каждой из сфер, мы постулируем их «прозрачность» и диалектическую взаимозависимость, круговую замкнутость прямых и обратных связей, питающихся энергией человеческой мотивации.

Сферы встроены друг в друга и, обладая каждая своим масштабом времени, тем не менее находятся в синхронном взаимодействии.

1. *Личностная сфера психо-духовного созревания.* Сфера включает как спонтанные природные, так и социально детерминированные процессы индивидуации (взаимодействия сознания и бессознательного, как личностного, так и трансперсонального), формирования психозащитных механизмов в биографическом процессе социализации, формирование нормативной матрицы, экзистенциальных страхов и акцентуаций, т. е. всего того, что наполняет содержанием амбивалентную форму человеческой духовности, в частности, формирует на базе сложной структуры человеческих страстей и когнитивных оценок основания деструктивного поведения личности: ее агрессивность, экспансивность и лживость. Одновременно на противоположном полюсе духовных качеств формируется и утверждается основание созидательного конструктивного поведения, энергия которого имеет модальности, определяемые как любовь, забота, стремление к истине. Как уже неоднократно пояснялось (см. гл. I), полярный духовно-энергетический потенциал формируется с одновременным созреванием когнитивной и волевой составляющих побуждения к действию, что обеспечивает поведение и свободу выбора (индетерминизм) проявления индивидуальных амбивалентных качеств.

Однако констатация личностного индетерминизма совершенно не препятствует применительно к проблеме прогнозирования рассмотрению детерминизма множественной формы деструктивного (в том числе криминального) поведения, как бы это ни казалось парадоксальным.

Дело в том, что частота выбора того или иного поведения в их множественном проявлении определяется структурными различиями: в индивидуальной интенсивности сформированных оснований деструктивного поведения, в степени эффективности и структуре психо-духовных защитных механизмов (вытеснение, подавление, замещение и т. п.), в зрелости когнитивной и волевой сфер, в степени социальной адаптации личностей.

Налицо диалектика духовного бытия: структурное многообразие способностей личности действовать свободно (индетерминированно) в каждом отдельном случае фактически определяет (детерминирует) определенное имманентное многообразие форм поведения, адаптированного к конкретным условиям среды.

Отсюда вытекает один из методологических постулатов, касающихся, в частности, целей криминологического прогнозирования: *эффективной первичной информационной базой прогнозирования множественных проявлений преступности должно быть структурирование субъектов поведения по критериям: агрессивность, экспансивность, склонность к обману (т. е. основаниям деструктивного поведения) и их производных форм.*

Мы понимаем, что научно-организационное осуществление сформулированного методологического требования — дело будущего¹. Однако постулат уже сейчас «работает» в деле объяснения некоторых криминологических феноменов. Так, в целях объяснения количественных и структурных различий «женской» и «мужской» преступности в одном из исследований нами проверялась гипотеза, согласно которой структура и последовательность оснований деструктивного поведения (агрессия, экспансия, обман) у мужчин и женщин различны: у мужчин ведущим основанием деструктивного поведения является агрессия, у женщин — обман и т. д. (табл. 14).

На операциональном криминологическом уровне гипотеза означает предположение, что в массе агрессивных преступлений должны превалировать мужчины, в массе экспансивных преступлений участие мужчин и женщин приблизительно должно быть равным, в массе преступлений, в которых в каче-

---

¹ Движение в этом направлении обозначает существенное развитие психологической службы в системе ФСИН.

Таблица 14

**Распределение оснований деструктивного поведения
в зависимости от пола**

Пол	Основания деструктивного поведения		
	Агрессия	Экспансия	Обман
Мужчины	Ведущее основание	Общее основание	Дополнительное основание
Женщины	Дополнительное основание	Общее основание	Ведущее основание

стве мотивационного потенциала выступает обман, должны (относительно) превалировать женщины.

В общих чертах представленная нами модель подтверждается и эмпирически с той степенью правдоподобия, в какой эмпирика преступности находит отражение в уголовной статистике. Напомним, что первые регулярные статистические наблюдения за преступностью в Европе относятся к началу XIX в., т. е. имеют почти двухвековую историю. Уже в первых статистических анализах было обнаружено фундаментальное качественно-количественное различие в характеристиках преступности мужчин и женщин.

Бросая взгляд в прошлое, настоящее и будущее человеческой духовности, можно констатировать, что ушли в прошлое времена, когда преступность конституировалась преимущественно под знаком агрессии (главная угроза — прямая угроза жизни, существованию), проходят времена, в которые на главное место в деструктивной феноменологии выдвинулась экспансия (главная защищаемая ценность — собственность, богатство), впереди — эра преступности, главным предметом посягательства которой является истина, информация, а деструктивным ядром — обман, лживость. В этой связи легко пророчествовать в том смысле, что в наступающей духовной эре деструктивные шансы мужчин и женщин действительно относительно выравниваются.

2. *Экзистенциальная сфера формирования криминальной ситуации.* Обыденная жизнь состоит из потока ситуаций, каждая из которых представляет собой элементы среды, объединенные каким-либо событием, в которое вовлечена личность с ее мотивационной сферой. Как пишет Ирвинг Гофман: «Определения

ситуации создаются, во-первых, в соответствии с принципом социальной организации событий и, во-вторых, в зависимости от субъективной вовлеченности в них. Словом “фрейм” я буду обозначать все, что описывается этими двумя элементами¹.

Если говорить о ситуации преступления, то и она монтируется из фреймов, касающихся познанных аспектов «социальной организации» специфических событий, в которые вовлечены «специфические» субъекты, «специфически» осмысливающие (по критерию цели, мотивов) событие, входящее в структуру их индивидуального (криминального) опыта.

Мы еще вернемся к этому, а сейчас, применительно к освещению проблемы прогнозирования, отметим, что именно в ситуации происходит взаимодействие элементов социальной среды (ее актуализаций) и социальной диспозиции личности.

Некоторые вопросы социальной организации ситуативных событий, объединяемых криминальным мотивом, нами рассмотрены ранее.

Применительно к проблеме прогнозирования можно сказать и так, что именно в «пространстве» ситуации так называемые социальные факторы приобретают антропоморфную сущность и способность быть побудительной силой деструктивного поведения, влияя на его основания.

Можно предвидеть, что в будущем криминологи предпримут более настойчивые усилия для изучения континуума криминальных ситуаций по крайней мере в наиболее социально значимых областях общественной жизни, а законы статистического распределения данных ситуаций будут увязаны с закономерностями основных макросоциальных процессов.

Рассматриваемая экзистенциальная сфера формирования криминальной ситуации представляет собой особую область коммуникации, в которой личность и социум (его ближайшие к личности элементы: семья, группа) обращены друг к другу «лицом к лицу» в максимальной конкретности, обыденности бытия.

При всей атомарной «простоте» взаимодействия личностно-социальных структур реальная картина состояния и личности и социума сложна и противоречива прежде всего сложностью и противоречивостью каждой из взаимодействующих структур

---

¹ Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М., 2003. С. 71.

уже в силу того, что каждая из них амбивалентна, т. е. отягощена деструктивностью.

Содержание отношения человека к обществу, вернее, к той его части, которой общество «повернуто» к человеку, определяется механизмом особой важности — «механизмом» самоидентификации-самопрезентации.

Характер самоидентификации (и, следовательно, самопрезентации) «закодирован» («зашифрован») как психо-духовной структурой личности, так и институциональной структурой общества и его духовно-культурным состоянием. Иными словами, самоидентификация в ее нормальном варианте включает позитивные социальные чувства и стремление к таким ценностям, как справедливость, щедрость, забота, стремление к истине (правде), милосердие, чувство гордости за народ, чувство сакральности его истории и т. п. Однако на другом «полюсе» множества самоидентификации «закодированы» иные эмоции и основания идентичности, такие как: агрессивность, жадность, стремление к самообману, апатия, лживость.

При этом важно, что процесс самоидентификации-самопрезентации происходит под влиянием не только априорного субъективного выбора, но также под влиянием санкций и вознаграждений, которые призваны закреплять нормы и ценности соответствующих институтов. На этом «подкреплении» держится процесс управления самоидентификацией и, следовательно, поведением личности. Как отмечает Л. Гудков, «это определение или управление совершенно не обязательно может быть выражено прямым или императивным образом — последнее скорее является крайним случаем. (...) Иначе говоря, идентичность — это такая конфигурация значимых представлений действующего о себе и других, которая опосредует институциональный, групповой и индивидуальный уровни действий, удерживая определенность (тождественность) социальной личности в разнородном контексте противоречивых или альтернативных мотивов, интересов, интенций, желаний или социальных требований»¹.

Амбивалентный характер человеческой духовности вместе с положительной идентичностью («мы»-идентичностью) проявляется и в негативной идентификации, когда носители наделяются качествами негативными, угрожающими, неприемлемыми

---

¹ Гудков Л. Указ. соч. С. 271.

ми, но неприемлемыми именно для «я» и «мы», но не для «они». «Можно сказать иначе: само сообщество конституируется при этом отношении к негативному, чужому или враждебно-му, который становится условием солидарности его членов...»¹

Именно негативная идентификация создает границы между своим и чужим, а следовательно, стимулирует и различие правил, норм поведения со своими и чужими. Интересно, что общим значением состояния социума определяется сама возможность давать оценки и действовать в пределах единой человеческой морали или же санкционируется двойная мораль: одни рамки поведения по отношению к «своим» и другие — по отношению к «чужим».

Деликатность взаимодействия личности и экзистенциальность социальной сферы хорошо подчеркиваются в одной рекомендации социологам: «...отказаться от привычной установки искать непосредственную очевидную “предметность” социальных отношений и ценностных манифестаций (даже если они представлены в ответах самих респондентов при эмпирических массовых опросах как данность) и анализировать “невидимые” фундаментальные последствия взаимодействий, не артикулируемых и не кодифицируемых в общепринятом языке»².

Однако речь чаще всего идет не только о «невидимости» последствий, но и о «невидимости» побуждений для вполне видимых следствий. Так, например, рост агрессивности, ставшей действительно нашей этнонациональной чертой, отражаемый в статистике преступности, детерминируется такими вполне «невидимыми» или «необсуждаемыми» явлениями и процессами, как чеченские войны, рост ксенофобии и т. п.

Жестокий, экстремально-агрессивный характер современной преступности в России стал действительно ее «национальной особенностью». Но именно эта особенность и не является случайной или неожиданной. Напротив, в подобного рода проявлениях и «материализуется» слабость нравственного чувства, ущербность социально-психологических механизмов сдерживания личностных оснований деструктивного поведения (агрессии, экспансии, обмана), которые несут на себе отпечаток ущербности духовного влияния как такового именно на уровне экзистенциального бытия россиянина: в семье, в ближайшем

¹ Гудков Л. Указ. соч. С. 272.

² Там же. С. 8.

Таблица 15

**Моральная оценка наиболее часто встречающихся поступков
(% от числа опрошенных)¹**

Поступки	Оценка	
	Не может быть	Допустимо, следует проявить снисходительность
Употребление наркотиков	92	6
Плохое воспитание детей	91	7
Пьянство	77	21
Проституция	72	21
Дача или получение взятки	66	31
Уклонение от уплаты налогов	61	33
Гомосексуализм	56	27
Супружеская измена	46	42
Сопrotивление милиции	45	46
Аборт	29	60

окружении — сообществе (родственном, соседском коллективе, приходе и т. п.). Именно на этом уровне, в процессе индивидуализации и первичной социализации, закладываются нравственные установки к тому, что дозволено, а что нет.

О глубине падения нравов в современной России говорят исследования ВЦИОМа 2006 г. (табл. 15). Не иначе как патологичными могут быть названы результаты опроса, в котором третья часть опрошенных считает допустимым дачу и получение взятки и уклонение от уплаты налогов. Каждый четвертый-пятый россиянин считает допустимым пьянство, проституцию, гомосексуализм, около половины опрошенных считают допустимым или заслуживающим снисхождения сопротивление работникам милиции.

Несомненно, рассмотренные идентификации и установки россиян не могут не приниматься во внимание специалистами,

¹ См.: Известия. 2007. 14 февр.

пытающимися прогнозировать криминальное поведение или хотя бы высказывать предположения (антицикации) о его деструктивных тенденциях.

Вернемся, однако, к рассмотренной выше познавательной-организующей функции фреймов, которые «независимо от своей структурной оформленности позволяют показывать, воспринимать, определять практически бесконечное количество единичных событий и присваивать им наименования»¹. Таким образом, человек имеет в своем распоряжении инструмент познания любых сложных социальных событий, позволяющий распознавать их фактологическую основу с учетом субъективной вовлеченности в эти события.

Несомненно, преступление является таким событием или их «организацией» (комплексом, системой). Однако, рассматривая новейшую историю появления некоторых норм (статей Особенной части Уголовного кодекса РФ), приходится констатировать, что «правовое сознание» страны — ученые-юристы и законодатель с опозданием, крайне замедленно изучают, определяют и дают наименование многим криминальным событиям, фактически существующим, но достаточно долго нераспознаваемым, не получающим правовую идентификацию.

Приводим лишь несколько примеров: торговля людьми (фактически работорговля) и в советское время, особенно в некоторых республиках Средней Азии и Кавказа, была не таким уж редким феноменом, но лишь Федеральным законом от 7 марта 1995 г. в УК РСФСР введена ст. 125² «Торговля несовершеннолетними». Это был вынужденный фрейминг распознавания и признания бытования подобного рода ситуаций-преступлений. И в новом (1996 г.) Уголовном кодексе «коллективное правосознание» не «разглядело» (до декабря 2003 г.) в России многолетнего криминального бизнеса, связанного с торговлей людьми и использованием рабского труда.

С таким же трудом получало более или менее полную правовую идентификацию расцветшее в России рейдерство (захват собственности). Ждут своей очереди криминализация и специфические формы коррупции в эшелонах власти и т. п.

Представленные здесь соображения характеризуют не только инертность нашей уголовной политики, «незаинтересованность» правящей «элиты», но и слабость организации научного

---

¹ Гофман И. Указ. соч. С. 71.

мониторинга социальной и правовой реальности. Это приводит к мысли о своевременности постановки задачи прогнозирования изменений в системе норм Особенной части Уголовного кодекса РФ на базе обновленной методологии познания личности и общества.

3. *Социальная сфера детерминации.* Думается, что переход от познания преступления к познанию преступности не является переходом от предмета меньшей сложности к предмету более сложному. Скорее наоборот: феномен преступления включает элементы как духовно-антропологического бытия (присущие человеку основания деструктивного поведения), так и социально-каузальные силы, обуславливающие мотивацию и предметную направленность деструктивного поведения.

Однако рассмотрение преступности как массового социального явления обязывает определить связи качественно-количественных изменений (флуктуаций) преступности с процессуальной картиной всего общества, причем важно найти не только корреляты этих изменений, но и определить «механизм» влияния социальных изменений на мотивационную сферу личности. При этом оказывается, что эти «механизмы» имеют самостоятельное, не сводимое ни к «социальному», ни к «индивидуальному» качество, доступное изучению в рамках социальной психологии.

В свете сказанного в качестве защищаемой точки зрения мы формулируем следующий тезис: частота и интенсивность проявления людьми агрессии, экспансии, обмана, составляющих этически «окрашенные» энергетические элементы преступности, определяются присущей всякому обществу социальной депривацией, т. е. величиной расхождения между ценностными ожиданиями (т. е. ожиданиями жизненных благ и условий) личностей, групп, стран, классов и представляемыми обществом реальными возможностями достижения указанных благ.

Интенсивность социальной депривации и ее масштаб прямо пропорциональны величине расхождения между уровнем ожидаемого состояния благ и условий жизни и уровнем реальных возможностей их достижения при справедливом уровне усилий, необходимых для достижения указанных возможностей.

Именно под влиянием социальной депривации генерируется в каждой личности особое состояние ее эмоционально-энергетической сферы, возбуждая, в частности, в качестве отклика агрессию, экспансию, обман, но в то же время у субъектов обще-

ственных отношений формируются специфические формы адаптации к нормативной сфере социума.

Именно в рамках идеи депривации находится основная гипотеза Роберта Мертона, согласно которой отклоняющееся поведение должно рассматриваться как следствие расхождения между культурно-предписанными устремлениями субъектов и социально определяемыми и структурированными возможностями (путями) их осуществления¹.

При этом сам Мертон круг «культурно-предписанных устремлений», т. е. целей, сознательно ограничивает применительно к американскому обществу. «Денежным успехом» нынешняя «американская культура, видимо, близка к крайнему типу, в котором сильное акцентирование некоторых целей успеха не сопровождается эквивалентным акцентированием функциональных средств».

Если перевести эту цель (цель денежного успеха) в сферу личностных оснований поведения, то, очевидно, она охватывается (в нашей терминологии) положительной культурно-эмоциональной целью — заботой, т. е. культурно обусловленным стремлением к благам.

Однако этой антикультурой обусловлен и нравственный антипод заботы — экспансия, т. е. институционально и нормативно отвергаемый захват благ. Захват (экспансия) является интенционально-мотивирующей эмоцией, связанной с человеческим реагированием на ограниченный характер благ вообще, а не только с социально ограниченным характером путей их достижения.

Таким образом, социальное «пространство», в котором Р. Мертон анализирует взаимодействие «культурно-предписанных» целей и «социально структурированных» средств, имеет лишь одно «измерение» по шкале «экспансия—забота». Применительно к данной шкале и разработаны знаменитая типология форм индивидуального приспособления: конформность, инновация, ритуализм, бегство, мятеж.

Однако очевидно, что «социальное пространство» с позиции взаимодействия личности и социума не является «одномерным».

Для научного анализа может быть предложено по крайней мере еще две шкалы: «агрессия—любовь», «обман—стремление к истине».

---

¹ См.: Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006. С. 249.

С учетом указанной «многомерности», очевидно, придется пересмотреть и набор форм приспособления, предложенных Р. Мертоном, в частности, в первом приближении можно говорить о таких дополнительных формах социальной адаптации, как альтруизм, ответственность, доминирование.

Что касается криминологической ситуации в современной России, то, несомненно, она определяется как результат именно многомерной депривации, имеющей отношение не только к области распределения благ, но и к области манипулирования агрессией и обманом.

Стадия системной трансформации в России, так сильно сказавшаяся на состоянии преступности, началась в середине 80-х гг. прошлого столетия с кампании за гласность, свободу слова, что означало также экстремальный рост ожиданий в обществе, рост, который, как мы сейчас понимаем, был в определенной степени «романтическим» и «наивным», как, впрочем, в любую предреволюционную эпоху.

Максимальная волна ожиданий пришлось на начало 1990-х гг., но именно в эти годы россияне почувствовали, как значительно понизился уровень реального удовлетворения их потребностей.

К 1995 г. величина прожиточного минимума в 3,1 раза превысила денежные доходы. В это же время в стране зарегистрирован максимальный рост преступности.

В 1999—2000 гг. последствия дефолта 1998 г. привели к тому, что в эти годы максимально увеличился уровень бедности (доли населения с доходами ниже прожиточного минимума). К 2006 г. он снизился почти вдвое. Снижение уровня бедности произошло не только благодаря экономическому росту, повлияли и масштабные выплаты из федерального бюджета в целях снятия социальной напряженности в ходе монетизации льгот.

Вместе с тем надо отметить несовпадение скорости восстановления доходов населения и сокращения уровня бедности после финансового кризиса 1998 г. Распределение регионов по уровню бедности только в 2005 г. стало лучшим по сравнению с додефолтным 1997 г., а душевые доходы населения, по данным Правительства РФ, достигли уровня 1997 г. к концу 2002 г. Следовательно, плоды экономического роста получали в основ-

ном более обеспеченные группы населения, а бедным доставались крошки от этого пирога.

В распоряжении 20% наиболее обеспеченного населения сконцентрированы 50% доходов от оплаты труда, 56% доходов от предпринимательской деятельности и более 72% всех доходов от собственности. Именно поэтому более 60% всех покупок непродовольственных товаров, 63% потребления платных услуг и 68% сбережений и расходов на приобретение имущества приходились на эти 20% наиболее обеспеченных.

Если проанализировать, какие приросты доходов получают бедные и богатые на 100 рублей прироста валового регионального продукта в расчете на душу населения, то можно увидеть совершенно удручающую картину. Бедные получают прирост на 5 рублей, а богатые — на 200 рублей, т. е. по данному критерию разница между богатыми и бедными — в 40 раз. Сказанное относится только к 10% наименее и наиболее обеспеченного населения. В остальных группах по уровню дохода соответствующий прирост дохода тем выше, чем выше среднедушевой доход в группе¹.

Позитивистская социологическая концепция причин преступности ориентировала исследователей на поиск детерминант поведения человека в характеристиках самих макросоциальных процессов: демографических, социологических, экономических, политических, управленческих и т. д. При этом с целью доказать наличие детерминирующей и причинной связи стимулировалось использование современных статистических инструментов: корреляционный, дисперсионный, регрессионный анализы, моделирование, распознавание образов и т. д. И несомненно, на этом пути достигнуты, возможно, самые убедительные успехи в исследовании криминологической причинности. Если их не гипертрофировать, не дискредитировать их огульной экспансией полученных результатов на все общества и все времена, то и в свете рассматриваемой нами методологии эта техника имеет наибольший приоритет изучения роли социума в поведении личностей.

При подготовке настоящей работы нами проведен ряд исследований, позволяющих определить не только принципиаль-

---

¹ См.: *Шевяков А.* Болевые точки России: избыточное неравенство и депопуляция // *Общество и экономика.* 2005. № 12.

ную связь, но и количественную меру зависимости криминального поведения от состояния общества и его отдельных параметров.

Так, влияние демографического состояния населения в регионах России, оцениваемое его половозрастной структурой, на изменение криминальной активности населения в регионе, по нашим расчетам (2002 г.), может быть выражено с помощью статистической модели:

$$A_k (\%) = 149,8 q_m + 133 q_t - 149,1,$$

где $A_k (\%)$ — отклонение коэффициента криминальной активности (в процентах) в регионе от коэффициента преступности по стране в целом; q_m — доля мужского населения в структуре населения региона; q_t — доля трудоспособного (активного) населения в структуре населения региона.

Размах колебаний переменных q_m и q_t , характеризующих демографическое состояние регионов страны, довольно значительен; для q_m он находится в пределах от 0,440 до 0,522, для q_t соответственно от 0,5 до 0,7.

В целях статистической закономерности (модели) демографическая ситуация, например, в Камчатской области «объясняет» 26,7-процентное отклонение (превышение) показателя криминальной активности от его уровня для страны в целом.

В целях демонстрации эффективности использования статистической техники в исследовании причинных связей преступности с процессами социальной сферы нами проведен корреляционный анализ влияния уровня безработицы (независимая переменная x) в регионах на интенсивность преступности в этих же регионах (зависимая переменная y).

В конечном счете коэффициент корреляции между показателями применительно к региональной преступности в целом оказался равным: $r = +0,3$, а в отношении преступности, связанной с посягательством на собственность, $r = +0,355$.

При этом коэффициент корреляции для различных групп регионов варьирует в значительных пределах: для регионов Центрального федерального округа $r = +0,406$, для регионов Северо-Западного федерального округа $r = +0,116$.

В ходе анализа связи детерминации вычислен также и коэффициент детерминации (равный квадрату коэффициента корреляции $d = r^2$). В нашем примере $d = 0,355^2 = 0,126$.

Полученный результат (привязанный к месту и времени!) вполне можно интерпретировать как доказательство того, что интенсивность преступности против собственности в России на 12—13% объясняется влиянием безработицы.

И потенциал оснований деструктивного поведения, и потенциал депривации определяется как психо-духовной природой самого человека, так и многомерным состоянием общества, задаваемым значениями характеризующих его факторов. Однако не «факторы» непосредственно, но именно основания деструктивного поведения и социальная депривация находятся в ближайшей связи с мотивацией поведения.

Сказанное вовсе не означает отказа от построения многофакторных каузальных моделей преступности, объясняющих ее изменения во времени и пространстве. Задача построения указанной информационной модели включает криминологическую оценку всего круга выявленных конкретными социальными науками противоречий, их структурирование по сферам социальной жизни и отдельным процессам, выявление формы и содержания проявления этих противоречий на всех уровнях иерархизированной структуры социальных субъектов (личность, семья, коллектив, другие институты и общности) и, наконец, поиск эмпирических индикаторов, позволяющих определить размер конкретного проявления противоречия, уровень социальных и иных различий, размер диспропорции в динамике социальных процессов, дисфункции социальных институтов, величину отклонений от нормативных параметров условий жизни и т. п.

Еще в 1980-е гг. один из авторов в исследовании предпринял попытку, следуя изложенному выше концептуальному положению, сформировать многофакторную модель преступности с целью последующего прогнозирования ее параметров¹. Социальные процессы и эмпирические индикаторы ($x_1—x_7$), фиксирующие их противоречивое состояние, вошедшие в многофакторную регрессионную модель, представлены на рис. 23.

---

¹ См.: Кондратюк Л. В. Региональное криминологическое прогнозирование как основа эффективного планирования борьбы с преступностью // Планирование мер борьбы с преступностью. М., 1982. С. 129—134.

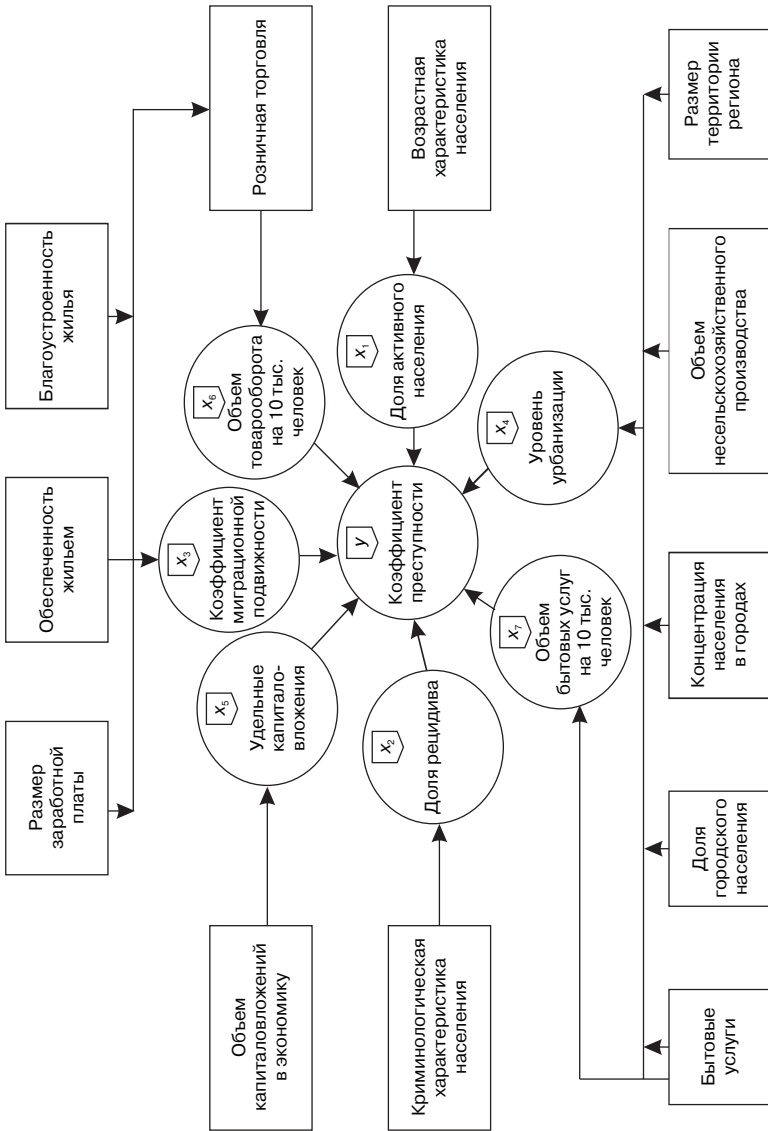

Рис. 23. Многофакторная модель интенсивности преступности

4. *Духовно-культурная сфера цивилизационного (историческо-го) формирования социума.* Все сказанное о социальном детерминизме преступности не отменяет того фундаментального факта, что сам социум отнюдь не первопричина, а лишь следствие, продукт формирующего воздействия особой духовно-культурной системы, интегрирующим влиянием которой и создаются «индивидуальные» черты цивилизаций, группирующих социумы, народы, страны и народности в качественные однородности¹.

Духовно-культурные комплексы (верования, этнические и этические ценности, процессы, исторические события и т. п.) с трудом пробивают себе дорогу в исследованиях социальной (в том числе и криминологической) причинности. Однако лучшие представители социологии признают ущербность данной эпистемологической ситуации.

Так, Рольф Дарендорф признает, что «существует нечто вроде халатной небрежности социолога, который, сталкиваясь с бедствиями, порождаемыми его теориями, умывает руки в невинности логики чистой науки. Поскольку постулаты социологического анализа недопонимаются с известной вероятностью (чтобы не сказать: с неизбежностью) как в пределах дисциплины, так и вне ее рамок, социолог должен вылезти из удобного убежища своей логической порядочности и погрузиться в сумму стычек в сфере морали, т. е. он должен высказаться по отношению к антропологическим интерпретациям его недопонятых теорий»².

Как показали сравнительные исследования культур разных народов, в объяснении причин поведения наблюдаются различия в зависимости от того, относится культура к индивидуалистическому или, напротив, коллективистскому типу. Так, согласно данным Дж. Миллера (1984 г.), американцы при объяснении поведения чаще используют так называемые личностные характеристики (он это сделал потому, что он ленивый, и т. д.). Напротив, в коллективистских культурах (Китай, Индия и др.)

---

¹ Выдающимся примером исследования влияния верования (христианского протестантизма) на формирование буржуазной цивилизации являются труды Макса Вебера. См., в частности: Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 61—273.

² Дарендорф Р. Тропы из утопии. М., 2002. С. 280.

в каузальных суждениях чаще делаются так называемые контекстуальные ссылки, т. е. на вопрос «почему» ответ дается в виде ссылки на внешние обстоятельства¹.

Криминологи могли бы добавить к перечню отношений к бытию еще один патологический тип: бегство от него в некоторые пассивные формы существования (алкоголизация, наркотизм).

Такие особенности российской преступности, как экстремальная агрессивность и тенденции, связанные с наследованием от эпохи социализма теневой экономики и тотальной склонности к обману государства и хищениям, нельзя объяснить только современными «кризисными факторами». Эти особенности связаны с утратой духовности как основания нравственных устоев, с воспитанием и внедрением в психо-духовную сферу человека различных архетипов насилия (классового, национального, расового, религиозного и т. д.).

С этими факторами-процессами связаны такие массовые установки, система взглядов и ценностей, как негативное отношение к собственности и собственникам, иждивенчество и патернализм при довольно развитой лениности и бытовой распушенности.

Именно эти обстоятельства определяют тот факт, что *отдельные слои населения восприняли ситуацию социальной трансформации как отказ от этики и права вообще, как санкционированные историей нигилизм и аномию*. Продолжение унаследованных духовных тенденций привело к одобрению частью населения антиобщественного и криминального поведения. Привлечение к уголовной ответственности, судимость перестали оцениваться по шкале нравственного осуждения. В обществе обострились страхи, неуверенность, что является причиной ухода в пьянство, наркотизацию, культивирование наживы любым путем.

Весь этот комплекс факторов мы относим к долговременным, в значительной степени унаследованным от предыдущей эпохи, духовным факторам, признавая при этом, что *разрушительный (в социальном смысле) потенциал трансформации был*

---

¹ См.: Miller J. Culture and the Development of Everyday Social Explanation // Journal of Personality and Social Psychology. 1984. No. 46. P. 961—978. См. также: Триандис Г. С. Указ. соч. С. 130.

многократно усилен действиями новой российской власти, связанными с тем, что эта власть в интересах криминальных и нomenклатурных групп учинила обвальный, уродливый тип приватизации.

Особую изощренную форму самообслуживания и самообмана агрессивно-бюрократическая культура находит в специфической ментальности: оценивать результаты деятельности, планировать и осуществлять управление обществом, исходя из «обаяния» средних величин.

Например, если 50% какого-либо общества потенциально агрессивны, то некоторые «меры», рассчитанные исходя из этого среднего процента, но отнесенные ко всем субъектам (например, обязательное медицинское обследование), для 50% этих субъектов будут избыточными, для 50% — недостаточными.

Пример кажется абсурдным, но именно такая бюрократическая ментальность прослеживается в экономическом и политическом реагировании, например, на рост цен.

В 2007 г. цены на хлеб, по данным Росстата, поднялись «в среднем» на 1%, однако во многих регионах цена выросла на 10% и более. По данным этого же ведомства, в целом цены поднялись на 0,8%, но реально в регионах молоко и масло подорожали на 15%, сыры — на 40% и т. д. На отдельные продукты в регионах цены повысились в разы. Однако в руководстве страны, в печати, похоже, успокоились «средними» процентами вплоть до выступления Президента В. Путина¹.

ВЦИОМ предпринял опрос в целях изучения того, насколько социально-профессиональный статус опрашиваемых в современных условиях России влияет на выбор адаптивного поведения, описываемого формулой: «Пришлось отказаться от привычного образа жизни, жить, ограничивая себя в большом и малом»². Если в среднем по стране живет «ограничивая себя в большом и малом» примерно четвертая часть населения (24,9%), что с точки зрения «электоральных» оценок вполне терпимо, то полученные с учетом социально-профессиональной структуры данные о том, что к такой форме адаптации приходится прибегать более чем половине пенсионеров и до 30% неквалифициро-

¹ См.: Известия. 2007. 9 окт.

² См.: Левада Ю. А. Ищем человека. Социологические очерки. 2000—2005. М., 2006. С. 203.

ванных рабочих, звучат уже иначе, поскольку эти слои социальной структуры могут служить детонатором всеобщего потрясения.

Наиболее наглядным примером того, как «общие», «усредненные» показатели способствуют фальсификации реального состояния дел, является важный, обусловленный Уголовно-исполнительным кодексом РФ (ч. 1 ст. 99) показатель — норма жилой площади в расчете на одного осужденного к лишению свободы (в СИЗО и тюрьмах — не менее 2,5 м², в исправительных колониях — не менее 2 м²).

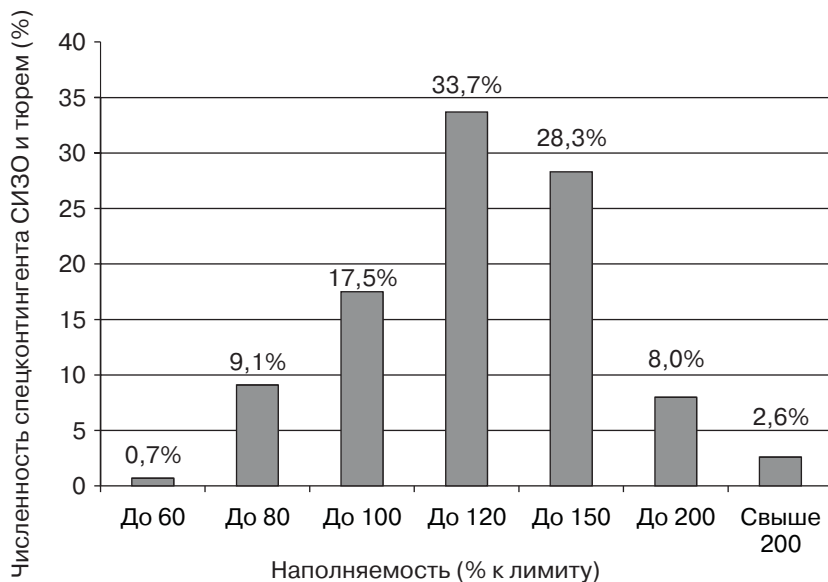
Для каждого учреждения ФСИН России рассчитывается важный параметр — лимит наполнения. Если реальная наполняемость превышает лимит, то это свидетельствует о нарушении закона, определяющего санитарно-бытовые условия исполнения наказания.

Реальный характер проблемы наполняемости учреждений уголовно-исполнительной системы и связанной с этим проблемы обеспечения санитарных и иных бытовых законодательно обусловленных норм слабо отражается обобщенными статпоказателями. Так, по данным за 2006 г., наполняемость СИЗО и тюрем лишь на 8,6% превышала 100-процентный уровень. Однако анализ ситуации, складывающейся в регионах страны, показывает, что лишь 27,2% контингента, содержащегося в региональных СИЗО и тюрьмах, действительно содержались в условиях, когда наполняемость не превышала 100% лимита.

Более трети всего контингента СИЗО и тюрем содержались в условиях, в которых наполняемость достигала 120%, более четверти — в условиях наполняемости 120—150% (рис. 24).

Похожая, но более благоприятная ситуация с проблемой наполняемости исправительных колоний. По статистическим данным, в стране складывается вполне усредненно-благоприятная картина — показатель наполняемости исправительных колоний в 2006 г. составил лишь 88%. Однако региональный анализ показывает, что свыше 181 тыс. осужденных (25,8% общей численности) пребывали в колониях, наполняемость которых превышала 100% (рис. 25).

Таким образом, проблема выполнения правовых требований к санитарно-бытовым нормам содержания осужденных имеет не только количественную (увеличение лимита мест), но и структурно-территориальную стороны. Иными словами, разви-

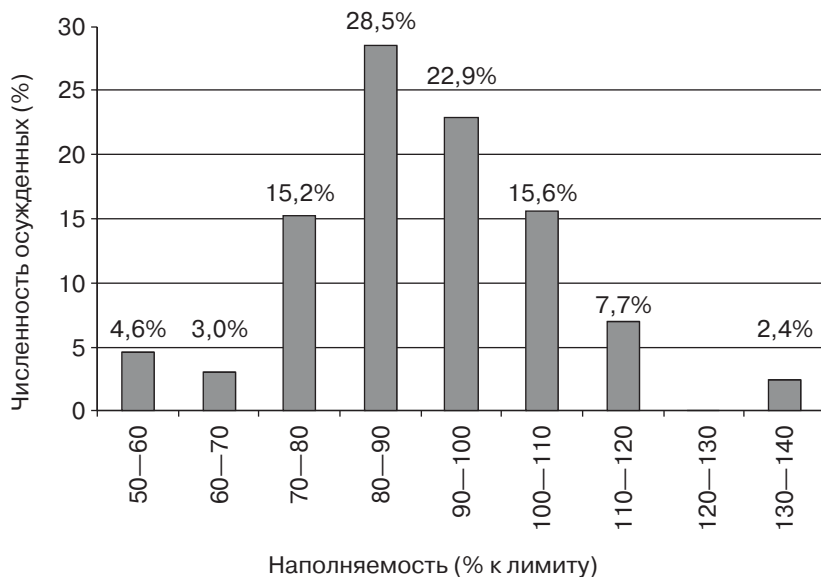
Рис. 24. Распределение контингента СИЗО и тюрем по учреждениям с различным уровнем наполняемости

тие инфраструктуры ФСИН России в ближайшие годы должно осуществляться с учетом параметров наполнения учреждений в каждом регионе страны конкретно.

Осмысливать реальность и принимать решения, отталкиваясь от «средней», не частная, а общая и духовная проблема бюрократизированной власти. Такой образ действий становится трансперсональным архетипом, защитным механизмом, оправдывающим безответственность (как это было с принятием и реализацией пресловутого Закона № 122, касающегося монетизации льгот).

В определенном смысле «средней» величиной, общим штампом является «личность преступника» и сам преступник, реализующий специфическую «социальную роль». Независимо от того, каким основанием деструктивного поведения — агрессией, экспансией или обманом — инициировалось само преступление, отбывать наказание он будет «как все» — в исправительной колонии либо в тюрьме с общим для всех таких учреждений режимом и одинаковым набором режимных и «воспитательных»

Рис. 25. Распределение численности осужденных, содержащихся в различных условиях наполняемости исправительных колоний

мероприятий. Все различия определяются лишь размером наказания.

Такое «давление средней», в сущности, означает отсутствие эффективного, дифференцированного воздействия на психодуховную сферу усредненного преступника. Подобная практика «исправления» в конечном счете прививает осужденному готовность перенять все навыки и атрибуты личности, детерминированной полным набором оснований деструктивного поведения. Готовность упиваться собственным растворением в массе — разновидность социального мазохизма, упрощающего жизнь, избавляющего от индивидуальной ответственности и мук совести. Так воспитывается массовый криминальный «плюрализм».

Все эти социально-психологические искажения, умножающие криминальный потенциал общества, являются, разумеется, лишь частным проявлением бюрократического правления, увеличивающего психо-духовную и культурную энтропию, что в конечном счете ведет к социальной стагнации.

Глава IV. «Цена» преступности

Нравственное чувство противится уравниванию преступления некоторой «ценой». Это кажется особенно кощунственным, когда речь идет о посягательствах на жизнь, здоровье, духовные ценности.

Выдающиеся экономисты предостерегали от определения денежных эквивалентов для ценностей, качественно превышающих ценности меновые, складывающиеся при рыночном обмене. «Денежные вычисления, — отмечает Людвиг фон Мизес, — имеют смысл только для целей экономических расчетов. Они используются ради контроля экономичности использования ресурсов... Каждое расширение сферы денежных вычислений ведет к заблуждению... Вводит в заблуждение использование их для измерения ценности того, что не может участвовать в рыночном обороте, как, например, попытка оценить потери от эмиграции или войны. Все это примеры дилетантизма, даже когда их предпринимает самые компетентные эксперты»¹.

Здесь было бы уместно рассмотреть некоторый философский аспект понятия «цена преступления». Еще Аристотель (в пятой книге «Никомаховой этики») различал две формы справедливости (*juaticia*): *справедливость обмена* и *справедливость распределения*. Если речь идет об отношениях между двумя частными лицами по поводу принадлежащих им благ и услуг, то эти отношения (регулирующие их нормы) должны соответствовать меновой справедливости, сущность которой состоит в равенстве субъектов, свободно устанавливающих равенство, уравнивающих обмениваемые блага и услуги. В этом случае (т. е. в случае обмена) стороны должны иметь количественно («арифметически») столько же, сколько имели до обмена, но при несомненном качественном различии обмениваемых товаров (например, холст на деньги). Так, *меновая*

---

¹ Мизес Л. фон. Социализм. Экономический и социологический анализ. М., 1994. С. 79.

справедливость может быть выражена арифметическим равенством, которое и должно обеспечивать рынок.

Иной мир отношений составляют отношения личности и социума по поводу благ, как положительных, так и отрицательных, принадлежащих коллективу, обществу или по своему характеру имеющих всеобщий и нематериальный характер (например, слава, почет, наказание, позор и др.).

Этот мир отношений подчиняется *справедливости распределения* и регулируется «распределительным» правом, имеющим дело с особой формой обмена, в котором субъекты не равны, имеют свою иерархическую структуру, строящуюся в зависимости от места (статуса, социальной роли), которое они занимают на шкале этической, культурной, политической, религиозной, научной, профессиональной и т. д.

Аристотель нашел удивительно математически точный принцип, на котором основывается «*рынок*» *распределения*, — *геометрическая пропорция*. Иными словами, здесь субъекты не обмениваются *равным за равное*, и получают пропорциональные своему ролевому вкладу награду за подвиг или наказание за преступление.

Теперь нам очевидно, что между миром обмена равноценных благ (миром рынка) и миром распределения общечеловеческих и общесоциальных благ есть онтическое различие, но вместе с тем есть и некоторое феноменологическое сходство. На рынке цена выступает как денежное выражение, равное обмениваемому благу, в социальном распределении награда или наказание (эквиваленты цены) выступают не как равная подвигу или преступлению, но как *пропорциональная* последним величина.

Различие «миров» кажется очевидным, однако между ними есть пограничная область тесного и подвижного соприкосновения, взаимоперехода, когда пропорциональность приближается к равенству и наоборот, здесь можно говорить о категории относительного равенства. Например, если преступление заключается в незаконном присвоении чужого блага (экспансии), то наказание может быть как минимум в однократном или *n*-кратном возмещении ущерба.

Нам представляется справедливым и более общее соображение — в здоровом обществе «мир рынка» и «мир распределения» не подавляют друг друга и не паразитируют на «чужой»

территории. Это условие — своеобразный критерий социального здоровья. А между тем история, и прежде всего история России, богата целыми эпохами такого паразитирования. Так, в советский период дефицитной экономики многие продукты и товары ушли в «геометрический» мир распределения (знаменитое «спецобслуживание», «блат»), и в то же время самостоятельные попытки построить адекватный («арифметический») рынок и рыночное производство (теневое производство, спекуляция и т. п.) пресекались путем «геометрии» репрессий.

Итак, мы являемся свидетелями того, что в общественной жизни не только товар, но и поведение человека, в том числе и криминальное, имеет свою оценку, свой социально значимый «эквивалент», размер (величина) которого определяется не рыночным обменом, но особой этической (этико-юридической) шкалой, по которой определяется особое «воздаяние», пропорциональное разрушительным результатам поведенческого акта. Речь, разумеется, идет о наказании.

Приведенная в гл. I настоящей работы модель психо-духовных оснований поведения человека достаточна, на наш взгляд, для содержательного (не только формального) определения отношения *преступление—наказание*.

В основе понимания этого отношения находится *представление о психо-духовном резонансе*, сущность которого заключается в том, что проявление в поведении определенных психо-духовных паттернов (агрессии, экспансии, обмана) как раздельно, так и в их сочетании, *приводит в качестве реакции к проявлению подобной же по модальности психо-духовной энергии у окружающих*. Эта качественно заряженная энергия и составляет содержательно ориентированную на подавление реакцию на преступление.

Резонансное, ответное проявление агрессии, экспансии и обмана, получившее от имени государства этическую и юридическую санкцию быть направленным на благо, т. е. на подавление деструктивных проявлений этих частных паттернов, и есть наказание как отношение к преступлению.

Таким образом, мы видим, что «материально», т. е. со стороны энергетической, наказание является тем же проявлением агрессии, экспансии и специфических хитростей (обмана) преступности. Однако с точки зрения формы наказание есть прояв-

ление индивидуальной и общественной воли как способности противостоять криминальной деструктивности.

Само содержание понятия справедливости и состоит в применении силы против агрессии, материального иска против экспансии, оперативно-розыскных «хитростей» против криминального обмана.

В силу своей функции наказание, чтобы быть справедливым, обречено быть оценкой, «ценой» содеянного. В этой связи следует отметить важные для нашего исследования обстоятельства. Во-первых, наказание-оценка имеет отношение не к самим благам, а к деяниям, наносящим ущерб этим благам. Следовательно, юридическая оценка-наказание всегда является культурно опосредованной оценкой поведения, а не оценкой непосредственного утраченного или поврежденного блага. Эта оценка всегда в границах жизни индивидуального духа, не может превышать «ценности» жизни (бытия) конкретной личности, каким бы страшным и необратимым ни было причиненное ею зло.

Во-вторых, наказание в отличие от цены (т. е. денежного выражения меновой, рыночной стоимости) применимо как к действиям, наносящим ущерб благам и услугам, могущим участвовать в рыночном обороте, так и тем благам, которые такого рынка не имеют. Иными словами, *сфера применения юридической уголовно-правовой оценки деяний шире сферы оценки рыночных товаров.*

Следствием этого обстоятельства является тот факт, что в качестве единицы измерения наказания выступают не только деньги во всевозможных видах санкций (обязательные работы, штраф, конфискация имущества), но также и такая «валюта», как смертная казнь, лишение свободы, арест, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью и т. д. При этом в целях обеспечения адекватности судебного измерения (оценки) тяжести инкриминируемого преступления с учетом многообразия жизненных ситуаций и состояния юстиции законодатель в Уголовном кодексе закономерно устанавливает «обменный курс» — количественное соотношение различных видов наказаний.

Так, в ч. 5 ст. 46 УК РФ отмечается, что в случае злого уклонения от уплаты штрафа, он заменяется на другое наказание в пределах санкции, предусмотренной соответствующей статьей Особенной части Кодекса. Например, клевета, соеди-

ненная с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления (ч. 3 ст. 129 УК РФ) и наказанная штрафом (от 100 тыс. до 300 тыс. рублей), может обернуться, при уклонении от выплаты штрафа, лишением свободы до трех лет.

Часть 4 ст. 50 УК РФ устанавливает, в частности, «обменный курс» исправительных работ по отношению к лишению свободы: один день исправительных работ равен одному дню лишения свободы. В соответствии с ч. 2 ст. 55 УК РФ один день содержания в дисциплинарной воинской части приравнивается к одному дню лишения свободы.

Неявно, однако по духу и архитипическому образу наказания как такового *именно время лишения свободы до сего времени является главной «валютой», в которой измеряется преступление*, поскольку за ней стоит самое важное «обеспечение жизни» — ее свобода.

Однако историческая тенденция скорее такова, что первым императивом восстановления справедливости считается экономическое, ценностное возмещение ущерба, причиненного преступлением, даже тогда, когда ущерб касается внеэкономических благ.

Данная тенденция обусловлена прежде всего укрепляющимся мнением о крайне низкой криминологической эффективности лишения свободы как вида наказания при высокой экономической затратности. По некоторым оценкам, год содержания одного заключенного в США и Европе обходится во столько же, во сколько годовичное обучение студента в самых престижных университетах. В то же время криминальный рецидив и в США, и в Европе возрастает, повышается и «квалификация» рецидивистов.

Наряду со временем как мерной величиной, отнимаемой от жизни наказуемого, деньги как экономический эквивалент ущерба не могут быть удалены из процедуры оценки и возмещения деструктивного влияния. Все дело в том, чтобы в ходе этой оценки понимать ее символизм, условность, не доводить оценку до святотатства. Критикуя ханжество некоторых «моралистов», эту проблему хорошо высветил Антуан Гарapon: «Мы стали оспаривать значение денег как единственно возможной формы возмещения ущерба. Но в результате угрозе подверглось одно из существенных условий судопроизводства — символическое выражение всех событий через деньги. Судопроизводст-

во зародилось в Греции и Риме вместе с появлением денег, и трудно представить себе, в какой упадок придет правосудие, утратившее этот универсальный эквивалент. И насколько ослабленными окажутся юридическая квалификация и категории права»¹.

Следует, однако, отметить, что юридическая мысль мирового сообщества и реалии юстиции свидетельствуют о том, что именно в последнюю четверть века противостояние преступности все более выражается в требованиях *государственной защиты жертв преступления путем возмещения им нанесенного ущерба*. На наш взгляд, ценность этой тенденции заключается не только в возмещении ущерба как таковом, но и в том, что государство обретает экономически выраженную мотивацию предупреждения преступности.

Примером такого транснационального законодательства может служить *Европейская конвенция о возмещении ущерба жертвам насильственных преступлений* (1983 г.), возлагающая именно на государство возмещение указанного ущерба, когда возмещение убытков не может быть обеспечено из других источников. В соответствии со ст. 2 Конвенции ущерб подлежит возмещению не только лицам, физическому состоянию или здоровью которых преступлением непосредственно был причинен урон, но также и лицам, которые находились на иждивении погибших в результате такого преступления. При этом государственная компенсация должна покрывать такие части ущерба, как потеря дохода, затраты на медикаменты и госпитализацию, затраты на похороны, алименты иждивенцам (ст. 4 Конвенции).

Несомненно, косвенным образом подобные международные юридические акты открывают некоторые подходы к методам расчета «цены» конкретных преступлений.

§ 1. «Цена» криминальной экспансии

Пожалуй, нигде так не обнажается различие между логикой экономического и правового подходов к оценке самого деяния, как в случаях проявления человеческой экспансии — захвата каких-либо благ.

---

¹ *Гарпон А.* Хранитель обещаний: суд и демократия. М., 2004. С. 116.

Такого рода захват в экономике рассматривается как трансферт — акт перемещения блага (ценности), не наносящий, в общем, ущерба «перемещаемой» ценности, а сам трансферт рассматривается с позиции только его экономической эффективности. При этом захват-трансферт признается неэффективным не в силу его правового запрета и аморальности, а только потому, что он «нарушает принцип, согласно которому в случае, когда трансакционные издержки низки, люди должны, если могут, использовать рынок или, если не могут, воздерживаться от данного поведения»¹.

Более того, ущербом от экспансии как таковым с позиции экономики признается не оценка самого присвоенного блага, а те затраты (инвестиции), которые вкладывает законный владелец товара в его охрану, а также инвестиции вора (в виде инструмента взлома, оценки риска, затраты времени и т. п.). Так, если инвестиции владельца блага в охрану собственности равны 50 долларам США, а вора — 5 долларам США, то с позиции экономиста: «В результате владелец и вор в совокупности инвестируют 55 долл., пытаясь, соответственно, предотвратить кражу и осуществить перемещение товара. Данная сумма затрачена впустую, с точки зрения общества, этот убыток и является “экономическим возражением против воровства”...»².

Однако рационально-экономический подход к оценке экспансии (как, впрочем, и иные основания криминальной деструктивности) не сводится только к данному «абстрактно-научному» выводу. Так, мы вправе рассмотреть некоторые модификации формулы Л. Хэнда ($B < PL$), гласящей, что если стоимостное выражение предосторожности от любой деструктивности (B) меньше произведения P (вероятности деструктивного факта) на L (величину ущерба), то можно говорить о небрежности жертвы этой деструктивности³.

Из трактовки формулы Хэнда логически следует, что если $B \geq PL$, то жертва защищена от вероятной деструктивности в пределах правила, диктуемого рациональностью, иными словами, из формулы следует, что, *чем больше вероятность наступления криминального события и чем выше размер вероятного ущер-*

¹ Познер Р. Экономический анализ права. СПб., 2004. Т. 1. С. 282.

² Там же. С. 283.

³ Там же.

ба, тем большие затраты требуются и от вероятной жертвы и от общества в целом.

При этом, если говорить об усилиях и затратах общества, то они складываются не только из инвестиций в правоохранительные структуры и структуры исполнения наказания (в соответствии с вышеприведенной формулой). Формулой задается и некоторое требование к самому ограждающему от деструктивности закону (в части учета вероятности криминальных событий (распространенности) и размера ущерба).

Однако в состав B должны быть включены также инвестиции отдельных субъектов и юридических лиц, которые вкладываются частным порядком в защиту жизни, здоровья, собственности и информации. Речь идет об инвестициях в охранные структуры, в разного рода защитные механизмы и приспособления, хранилища, средства наблюдения, сигнализации, оружие и т. п.

Вышеизложенные соображения позволят нам сделать вывод о том, что социальные экономические потери от преступности, инициируемой экспансией (корыстные, корыстно-насильственные преступления, преступления, связанные с уничтожением материальных ценностей, экономическая преступность и т. п.), складываются, по крайней мере, из двух составляющих:

1) *суммы частных потерь*, представляющих собой суммарное денежное выражение утраченных жертвами преступлений благ (к ним относятся, кроме частных лиц, также государственные и общественные организации — юридические лица). Эта составляющая равна произведению количества проявлений экспансии (Π) и средней величины потерь (L):

$$\Theta_1 = \Pi L;$$

2) *экономических потерь общества*, обусловленных необходимой упреждающей защитой от самого явления деструктивной экспансии. В самом общем виде эти потери описываются соотношением Хэнда ($B = PL$), однако кроме относительно измеримых рациональных оценок необходимых затрат с учетом вероятности посягательств и возможного ущерба от посягательства (например, затрат на охрану, сигнализацию и др.) этот вид потерь включает и затраты, связанные с разработкой и принятием

законодательства, с деятельностью органов уголовной юстиции, научных и экспертных учреждений и иной необходимой инфраструктуры.

Проиллюстрируем отмеченные положения на примере *рейдерства* — явления, в котором в сконцентрированной форме отражаются все проблемы современной криминальной экспансии в России¹.

Как известно, рейдеры в переводе с английского — это лица, совершающие налеты, набеги. В Соединенном Королевстве рейдерами называли также военные корабли, уничтожавшие транспортные и торговые суда противника.

Рейдерство как криминальный способ захвата предприятий и бизнеса появился в 1920—1930-х гг. в США, в период, когда шло оформление американской организованной преступности, когда процветал гангстеризм. Рейдерство уже тогда стало наиболее эффективной формой организованной преступности. Но вряд ли американские гангстеры могли мечтать о тех формах и масштабах криминального рейдерства, которые процветают в современной России.

Официальные цифры здесь также мало о чем говорят. В 2004 г. в производстве следователей находилось 171 уголовное дело по фактам рейдерства (как правило, здесь фигурируют статьи Уголовного кодекса РФ о самоуправстве, мошенничестве), в 2005 г. — 347 дел, в 2006 г. — 354.

На начало 2007 г. на разных стадиях расследования находилось 32 так называемых резонансных уголовных дела на рейдеров, которые пытались захватить 110 компаний общей стоимостью *более 4 млрд долларов США*. Но все это даже не верхушка айсберга реальных фактов рейдерства, а только тонкая его наледь.

Российские структуры организованной преступности быстро поняли, что рейдерство — это более доходный и более безопасный бизнес, чем, например, торговля наркотиками. *Вложив несколько сот тысяч долларов в рейдерский захват, можно отхватить собственность в несколько десятков, а то и сотен миллионов долларов*. Опасность быть разоблаченным до недавнего времени была минимальной. Ведь правоохранительным орга-

¹ См.: Овчинский В. С. Рейдеромафия // Огонек. 2007. № 16.

нам была дана «сверху» установка «не лезть в споры хозяйствующих субъектов». А «субъекты» это знали и творили беспредел, используя нередко бейсбольные биты и другие привычные предметы корпоративных споров.

У большинства крупных и мелких организованных преступных формирований рейдерство стало новым «хобби». Рейдеры сейчас — это специализированные группы в структуре преступных сообществ либо автономные группы, действующие, как киллеры, — «на заказ».

В основе современного российского рейдерства — коррумпированные связи с судами, налоговыми и правоохранительными органами. Только с помощью последних возможно возбуждение заведомо неправомερных исполнительных производств в различных регионах страны для создания «обеспечительных» мер; возбуждение заказных уголовных дел с целью ареста имущества в рамках следственных мероприятий; организация заказных налоговых проверок; использование силовых структур милиции (ОМОНа, вневедомственной охраны), судебных приставов для физического захвата предприятий. Только с помощью коррумпированных связей с судебными приставами возможно массовое использование рейдерами поддельных судебных решений. И только с помощью коррумпированных связей рейдеров с государственными регистрационными органами возможна массовая регистрация поддельных документов о правах собственности.

Рейдерство в том виде, в каком оно процветает в стране, — это не частное дело конкретных бизнес-структур. Это прямая угроза не только экономической, но и национальной безопасности. Нередки стали факты рейдерства на предприятиях военно-промышленного комплекса, в результате которых сорваны сроки производства новой военной и космической техники.

В 2007 г. рейдеры добились того, что налоговая служба арестовала счета успешного оборонного предприятия «Базальт». А некое ООО, в котором числилось 20 человек, осуществило рейдерский захват завода в Санкт-Петербурге, выпускающего компоненты для переносных ракет «Игла». Всего, по данным российских спецслужб, рейдеры нацелились в 2007 г. на захват более 200 оборонных предприятий.

Угрожающая ситуация складывается с рейдерскими захватами сельхозугодий. Начало рейдерских захватов земель было положено еще в 1990-х гг. Тогда сделки оформлялись через долгосрочную аренду. Когда же Законом «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» была введена продажа земель, начался пик рейдерства в этой сфере.

В 2007 г. в земельном законодательстве более 50 федеральных законов (не говоря о «законотворчестве» в субъектах Федерации) противоречат друг другу. Нельзя не вспомнить и полный правовой беспредел 1990-х гг., когда колхозы и совхозы реорганизовывались в акционерные общества и крестьяне передавали свои земельные паи в уставные капиталы обществ. Ни председатели колхозов, ни крестьяне толком не знали, для чего они это делали и смогут ли они потом получить свои земли обратно. Что касается регистрирующих органов, то те не успевали выдавать земледельцам свидетельства о собственности на паи. Поэтому рейдеры активно ищут хозяйства, где свидетельства о собственности остались на руках у людей, и скупают их за копейки, пользуясь бедностью крестьян.

В чем причины взрыва рейдерства? Правы эксперты, которые считают, что *практику корпоративных войн создала правовая некорректность первой постсоветской приватизации*. Сама приватизация с правовой точки зрения была весьма спорна. Первичный захват (приватизация) собственности также проводился в основном криминальным либо полукриминальным путем. Законы, которые делали легитимным этот первичный захват, уже внутри себя содержали бомбы замедленного действия для новых собственников.

Например, Закон «О несостоятельности (банкротстве)» 1998 г. был просто создан для рейдеров. Согласно этому закону любой рейдер мог начать процедуру банкротства предприятия, повесив на предприятие разными способами долг. При этом после начала процедуры банкротства все собственники предприятия отстранялись от его управления. Арбитражный управляющий и рейдер-кредитор тогда, по сути, представляли одну сторону в процессе. И в сговоре с судьями они «правомерным» путем уничтожали предприятие. Новый Закон «О несостоятельности (банкротстве)» 2002 г. в значительной степени эту проблему решил: число захватов через институт банкротства на по-

рядок сократилось. На сегодняшний день все те рейдеры, которые пользовались для захватов слабостью Закона 1998 г., теперь стали использовать противоречия корпоративного права и положения Гражданского кодекса РФ о «добросовестном приобретателе».

Нельзя не согласиться с мнением многих экспертов о том, что нынешний порядок, который защищает больше права добросовестного приобретателя, а не прежнего собственника, провоцирует скупку краденого и фактически защищает того, кто инициировал процесс захвата.

Создана модель рейдерства, которая в настоящее время позволяет мафиозным структурам совместно с их коррумпированными связями захватывать имущество на десятки, сотни миллионов и даже миллиарды долларов США.

Конечно, хорошо, что принимаются антирейдерские поправки к законодательству, регулирующие экономическую деятельность. Но все же *борьба с рейдеромафией возможна только с помощью мер уголовно-правового воздействия.*

Одним из громких событий 2007 г. в сфере уголовной юстиции стал арест лидера «тамбовского преступного сообщества» — Кумарина (Барсукова), которого именовали «ночным губернатором» Санкт-Петербурга. Этому аресту предшествовал разгром рейдерских структур, подчинявшихся Кумарину. Они пытались захватить 15 коммерческих предприятий Санкт-Петербурга, общая стоимость которых составляет *около 5 млрд рублей*. В планах был захват еще 40 объектов. Деятельность рейдеров была пресечена при попытке захвата Санкт-Петербургского нефтяного терминала (стоимость компании оценивается *в 600 млн долларов США*).

Преступный мир очень чутко реагирует на изменение уголовной политики и правоприменительной деятельности. Если наступление на криминальные рейдерские структуры повсеместно будет осуществляться в режиме борьбы с оргпреступностью, мафия вынуждена будет переквалифицироваться на другие виды преступного промысла и оставить корпоративные споры для цивилизованного решения.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, какой «прибыльной» может быть криминальная экспансия в современных формах.

§ 2. «Цена» криминальной агрессии

Агрессия — психо-духовная деструктивная энергия человека, направленная на разрушение таких благ, как жизнь, здоровье (духовное, душевное, телесное).

Если отвлечься от каких-либо единиц измерения ценности жизни, то вполне допустимо ее ценность выразить некоторой совокупностью представляемых жизнью экзистенциальных возможностей: эмоциональных, интеллектуальных, духовных, эстетических, возможностей реализовать свою миссию, достигнуть совершенства, иметь потомство, оставить хорошую память о себе, т. е. всего того, что составляет ценность жизни, хотя, разумеется, жизнь не является разложимым на конечное множество составляющих явлением.

С возрастом (до определенного предела) набор указанных ценностей увеличивается, но... увеличивается и главный экзистенциальный «враг» и стимул жизни — вероятность смерти.

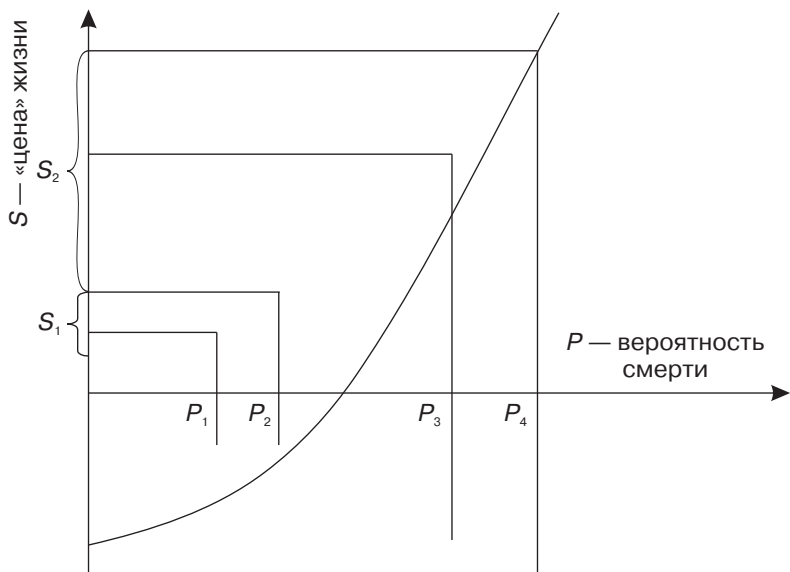
В этой связи Ричард Познер имел основание представить зависимость «цены» жизни от вероятности смерти следующим графиком (рис. 26)¹.

График, построенный на интуитивном представлении связи «цены» жизни с вероятностью смерти, имеет определенную эвристическую ценность. Например, становится понятным, почему равный прирост вероятности смерти ($P_1 - P_2 = P_3 - P_4$) влечет неравное изменение ее ценности ($S_2 > S_1$).

Поскольку вероятность смерти определяется не только возрастом или иными факторами, за которые «ответственна» сама личность, но также связана с состоянием общества и предлагаемыми обществом социальными ролями и складывающимися ситуациями, то с точки зрения справедливости вполне оправдано, что люди, чьи социальные роли характеризуются повышенным риском, вправе рассчитывать и на большую компенсацию (вознаграждение).

Несомненно, каждая личность имеет свой набор факторов, определяющих изменение вероятности смерти, а также несопадающие объективную и субъективную оценки «стоимости» жизни. Строго говоря, с субъективных (а по существу, и наиболее объективных!) позиций жизнь бесценна. Но это вовсе не значит, что кривая зависимости «цены» жизни от вероятности

¹ См.: Познер Р. Указ. соч. С. 268.

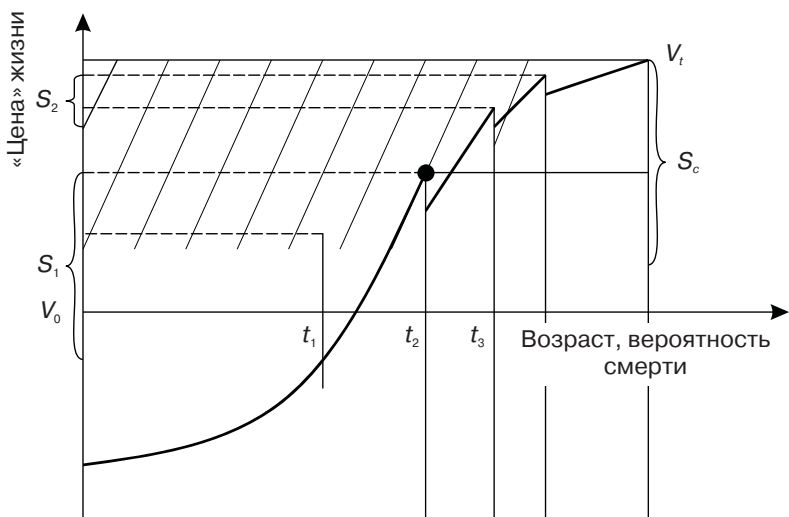

Рис. 26. Характер зависимости «цены» жизни от вероятности смерти (по Р. Познеру)

смерти должна уходить в бесконечность. С возрастом (с которым монотонно связана и «вероятность» смерти) меняется и «цена» жизни, поскольку меняются ее проявления и внутренние качества — старость, болезни, одиночество, снижение потребностей и, главное, возможностей даже с субъективных позиций снижают темп прироста «цены» жизни по мере приближения к смерти. Что касается объективных оценок — рационально-экономических, то возраст с определенного момента является причиной снижения ценностной отдачи личности, и, вульгарно говоря, «ценность» жизни падает.

Исходя из указанных соображений, мы можем существенно уточнить характер зависимости «цены» жизни от возраста (с которым тесно коррелирует и вероятность смерти), продолжить эту зависимость графиком, отличным от графика Р. Познера (рис. 27).

Здесь характер зависимости представлен кривой, близкой к так называемой логистической. Этой кривой хорошо описывается смена активного периода относительно пассивным. На

Рис. 27. Характер зависимости «цены» жизни от возраста (и вероятности смерти P)

графике видно, что равное изменение времени жизни ($t_1 t_2 = t_3 t_4$) связано с неравными долями ее ценности ($S_2 > S_1$).

График фиксирует, в сущности, банальные «истины», однако эвристическая ценность его повышается, если человеческую судьбу рассматривать на социальном фоне, с учетом факторов, «деформирующих» некоторую абстрактную линию «средней» человеческой личности.

Деформации определяют «точку перегиба» кривой, т. е. меняют характер зависимости ценности жизни от социальной «нагрузки» ее времени, причем сами факторы деформации определяются как судьбой личности, так и судьбой общества. Социальная депривация — несоответствие предоставляемых возможностей ожиданиям, духовные, ценностные искажения в обществе, аномия и недоступность правосудия, социальные (войны, революции) и личные катастрофы и т. п. — все это резко снижает и субъективную и объективную привлекательность жизни, ее оценку, стимулирует агрессию при ее направленности как вовне, так и на себя.

Складывающиеся обстоятельства жизни могут быть такими, что сама жизнь окажется обесцененной, и это тот случай, когда агрессия против обстоятельств может в одной и той же

личности совпадать с агрессией, направленной и на себя. Это необходимое условие величайших преступлений и величайшего героизма в зависимости от этической составляющей психо-духовной энергии. Примером такой одновременной разнонаправленности агрессии является то, что 10 преступников тюрьмы Клерво под Парижем, приговоренных к пожизненному заключению, обратились к властям с требованием восстановить для них смертную казнь: «Вместо того чтобы медленно гибнуть в темнице, — указывается в обращении, — мы, лишённые надежды когда-либо обрести свободу, хотим положить конец нашему существованию»¹.

Если рассматриваемую нами графическую модель абстрактной ценности жизни применить к «человеку экономическому» (*homo aiconomicus*) и саму ценность его жизни определить суммарным доходом, полученным в этой жизни, то указанную модель можно использовать в качестве инструмента расчета экономической «цены» жизни, а вернее — использовать ее для определения экономического ущерба от преступления, которым эта самая жизнь прерывается, в том числе и ущерб от умышленного или иного убийства.

Авторы, которые анализировали практику вычисления ущерба преступности в США, отмечали, что применительно к убийствам ущерб исчисляется на основе среднего заработка, возраста потерпевших и средней продолжительности жизни американца².

Если средний возраст жертв убийства равен t_2 и известна средняя продолжительность жизни t , тогда нам известен период времени $(t - t_2)$, на который должен быть умножен средний заработок потерпевших, чтобы получить ущерб от смерти одного потерпевшего:

$$Y_c = (t - t_2)S. \quad (1)$$

---

¹ См.: Коваленко Ю. Заключенные требуют отправить их на эшафот // Известия. 2006. 31 янв. Кстати, есть основание полагать, что в этом требовании звучит скорее протест против тяжких условий отбывания наказания, чем искреннее стремление расстаться с жизнью. Об этом говорит тот факт, что осужденные к пожизненному заключению сравнительно редко прибегают к суициду, даже в России. Но, несомненно, в этом заявлении звучит искренняя констатация обесценивания жизни.

² См.: США: преступность и политика. М., 1972. С. 219.

Общий ущерб, причиненный всеми преступлениями данного вида (Y_{co}), определяется простым умножением Y_c на количество жертв (N):

$$Y_{co} = Y_c N. \quad (2)$$

Откладываемая по оси ординат величина S является величиной кумулятивной, т. е. в каждой точке она показывает сумму предшествующих средних значений S , от S_0 до S_t (от рождения до смерти). Следовательно, среднее значение S можно определить путем деления S_t на время (в его различные единицы измерения):

$$S = \frac{S_t}{t}.$$

Рассмотренный алгоритм вычислений позволяет определять и ущерб от одного («среднего») убийства из формулы (2) определяем:

$$Y_c = \frac{Y_{co}}{N}. \quad (3)$$

Так, в 1965 г. общий ущерб от умышленных и неосторожных убийств в США (Y_{co}) был определен в 750 млн долларов. В этом же году в стране было совершено 9850 умышленных и 6156 неосторожных убийств: $N = 16\,006$. По формуле (3) определяем:

$$Y_c = \frac{750 \text{ млн долларов}}{16\,006} = 46\,857 \text{ долларов.}$$

Рассмотренный выше (слегка измененный) алгоритм вычислений цены преступлений против личности применим к статистическим данным о жертвах и потерпевших в России, например, в 2002 г. Вот исходные данные для наших вычислений:

t — средняя продолжительность жизни — 64,8 года;

V — валовой внутренний продукт, приходящийся на душу населения (за год) — 75 497 рублей;

Π — фактическое конечное потребление на душу населения (за год) — 44 716 рублей;

t_2 — средний возраст жертв преступлений — 27 лет;

N — количество погибших от преступлений — 76,8 тыс. человек;

N_1 — количество лиц, которым причинен тяжкий вред здоровью, — 68,2 тыс. человек.

Вначале определяем годовой экономический ущерб, нанесенный обществу в связи с гибелью человека от преступного посягательства. Мы полагаем, в отличие от вышеизложенного примера расчета в США, что экономический ущерб от гибели должен определяться не как средний заработок жертвы, но как разность между валовым внутренним продуктом, производимым в среднем на душу населения (B) и фактическим годовым потреблением (Π):

$$S = B - \Pi.$$

В нашем примере $S = 75\,497 - 44\,716 = 30\,781$ рубль. Полученную величину ущерба S умножаем на количество, которое в среднем не доживает жертва преступления, т. е. $t - t_2$.

В нашем примере $t - t_2 = 64,8 - 27 = 37,8$ года. Далее определяем ущерб от гибели одной жертвы преступления:

$$Y_c = (t - t_2)S = 37,8 \times 30\,781 = 1163,5 \text{ тыс. рублей.}$$

После этого определяем «цену» всех жертв преступлений:

$$Y_{co} = Y_c N.$$

В нашем примере $Y_{co} = 1163,5 \text{ тыс. рублей} \times 76,2 \text{ тыс.} = 88,7 \text{ млрд рублей.}$

Некоторые основания для расчета социально-экономического ущерба от преступного причинения тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ) можно вывести, исходя из указания на некоторые экономические последствия этих преступлений, изложенных в диспозиции самой статьи.

К этим последствиям относятся:

значительная стойкая утрата общей трудоспособности не менее чем на одну треть;

полная утрата трудоспособности;

неумышленная смерть потерпевшего (ч. 4 ст. 111 УК РФ).

Нам представляется, что вполне оправданно и экономический ущерб от причинения тяжкого вреда здоровью оценивать

как половину от ущерба, причиняемого убийством (коэффициент 0,5).

Тогда суммарный ущерб от причинения тяжкого вреда здоровью (Y_T) в том же году в России определяется:

$$Y_T = 0,5 \times 1163,5 \text{ тыс. рублей} \times 68,2 \text{ тыс. человек} = \\ = 39,7 \text{ млрд рублей.}$$

Общий ущерб от наиболее тяжких преступлений против личности равен:

$$Y_{co} + Y_T = 88,7 + 39,7 = 128,4 \text{ млрд рублей}^1.$$

О том, что официальные статистические данные весьма условно отражают объемы материального ущерба, можно судить из анализа таблицы, которая приводится в монографии «Этно-религиозный терроризм»² (табл. 16).

Таблица 16

**Сведения о пострадавших и материальном ущербе
от террористических актов в России
(1 января 2001 г. — 12 июля 2005 г.)**

Виды преступлений террористического характера	Количество преступлений	Число пострадавших			Ущерб, тыс. рублей
		всего	ранено	погибло	
Взрывы и поджоги транспортных средств	829	2476	1780	648	0
Взрывы и поджоги в общественных местах	1637	2867	2246	607	1200
Взрывы и поджоги объектов инфраструктуры	339	1108	890	195	877
Взрывы и поджоги жилых зданий	694	683	473	178	0

¹ О методике расчета «цены» насилия в отношении женщин см. приложение.

² См.: Этнорелигиозный терроризм / Под ред. Ю. М. Антояна. М., 2006. С. 29.

Окончание табл. 16

Виды преступлений террористического характера	Количество преступлений	Число пострадавших			Ущерб, тыс. рублей
		всего	ранено	погибло	
Нападение на представителей власти	1413	2382	1582	646	167
Нападение на объекты органов власти	3547	1047	775	218	0
Нападение на объекты инфраструктуры	31	62	35	24	83 000
Захват заложников	46	2275	1474	466	2000
Похищение людей	1461	1753	80	38	19 867
Отравление людей	6	231	148	0	0
Убийства общественно-политических деятелей	18	27	7	20	0
Убийства представителей бизнеса	90	175	17	158	80
Убийства представителей власти	267	464	31	426	3988
Изъятие оружия и боеприпасов	4176	1022	4	10	1
Хищение оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств	121	53	0	0	250

Из табл. 16 видно, что в итоговую цифру материального ущерба от террористических актов по каким-то причинам не попали сведения об ущербе в результате взрывов и поджогов

транспортных средств, жилых зданий и нападений на объекты органов власти. Но без учета этих данных реальная картина «цены» терроризма будет искаженной.

Помимо официальной статистики ущерба «цену» терроризма можно измерить самыми различными способами.

Например, в 2003 г. американский журнал «Washington ProFile» в статье «Экономический ущерб от терроризма: задача со многими неизвестными» особое внимание обратил на то, что террористические атаки в первую очередь оказывают влияние на бизнес, который начинает считать инвестиции в этот город, регион или страну рискованными и изначально пытается заложить в стоимость своих товаров или услуг дополнительную премию за риск, что ведет к снижению деловой активности и росту цен. Боязнь терактов также заставляет бизнес больше средств тратить на обеспечение собственной безопасности, делая меньше более продуктивных инвестиций.

Действия исламистов в Алжире в 1996—2001 гг. обошлись экономике этой страны в 16 млрд долларов США. После того как палестинские террористы провели серию терактов в Кении, Кения столкнулась с оттоком туристов. Ежегодно эта страна зарабатывала на туристах около 500 млн долларов США, после терактов убытки туристической индустрии составляли 1 млн долларов США в сутки. Аналогичные процессы были отмечены в Индонезии после теракта на острове Бали. После того как в Йемене террористами был атакован французский танкер «Лимбург», страховые компании в два раза повысили ставки для судов, заходящих в порт Адена. Фактически стоимость захода в йеменские порты повысилась для каждого судна на 150 тыс. долларов США, что привело к тому, что судовладельцы стали избирать иные маршруты для своих кораблей. В результате грузооборот йеменских портов снизился вдвое, а ежемесячные убытки составили 3,8 млн долларов США.

В Колумбии, в которой активно действуют несколько террористических группировок, иностранные инвестиции стали редкостью, а уровень жизни населения на 45% ниже, чем в среднем по Латинской Америке. За период с сентября 2000 г. по август 2002 г. в Израиле от рук террористов погибло 606 человек, примерно 4,5 тыс. были ранены. Израильская экономика оказалась в глубоком кризисе, резко выросла безработица, сокра-

тились иностранные инвестиции, практически умерла индустрия туризма, резко вырос бюджетный дефицит. По подсчетам Банка Израиля, террористы нанесли стране ущерб в размере 4% ВВП.

Точная цифра ущерба, нанесенного терактами 11 сентября 2001 г. на США, неизвестна и вряд ли будет когда-нибудь точно подсчитана. По оценкам Международного валютного фонда, потери от этих терактов (учитывалась потеря собственности и убытки страховых компаний) составляют 21 млрд долларов.

Эксперты Национального центра политического анализа (США) пришли к другим выводам. Уничтожение и повреждение зданий и сооружений, потеря рабочих мест нанесли экономике США ущерб в размере около 100 млрд долларов (стоимость четырех самолетов — 385 млн долларов, уничтожение зданий Всемирного торгового центра и его восстановительная стоимость — 3,5—4 млрд долларов, ремонт части здания Пентагона — 1 млрд долларов, работы по вывозу мусора — 1,3 млрд долларов, повреждения и уничтожение частных, полицейских и пожарных машин, личного и корпоративного имущества — 10—13 млрд долларов, затраты на повышение мер безопасности в аэропортах — 41 млрд долларов и т. д.). Федеральные власти США выплатили членам семей погибших от 500 тыс. долларов до 3 млн долларов. Однако и это только верхушка айсберга.

В течение месяца после терактов 11 сентября объемы розничной торговли в США снизились на 2,1%, портфель заказов промышленных предприятий сократился на 6,8%, объемы промышленного производства сократились на 1%, 50 тыс. американцев обратились за пособием по безработице. По оценкам Milken Institute, в результате терактов США потеряли 1,8 млн рабочих мест.

Особенно пострадала индустрия туризма и развлечений. По данным исследовательской фирмы «Smith Travel Research», уровень заполняемости отелей и мотелей не превысил 60% — это на 6% меньше, чем в 2000 г. По данным Американской ассоциации индустрии туризма, уже через пять месяцев после терактов без работы остались 237 тыс. человек, занятых в туристическом бизнесе. За год из-за угрозы нападения террористов и

ужесточения процедуры допуска иностранцев в США иностранных туристов в США стало меньше на 20%, убытки отрасли составили 15 млрд долларов.

Серьезнейшие трудности стали испытывать авиакомпании, их прямые убытки достигли 30 млрд долларов, а крупнейший авиаперевозчик мира «US Airways» оказался на грани банкротства. По информации «Forecast International», после терактов 11 сентября авиакомпании сократили заказы на новые самолеты. В результате падение производства в этом секторе мировой экономики составило 15—20%. Потери американских страховых компаний составили 40—50 млрд долларов. Террористы нанесли страховщикам ущерб больший, чем наиболее разрушительные стихийные бедствия! По подсчетам Института страховой информации, наиболее разрушительный в истории США ураган Эндрю (август 1992 г.) нанес страховщикам ущерб в размере 15,5 млрд долларов.

Террористические атаки усугубили процесс падения курсов ценных бумаг на фондовом рынке: за год потери составили 2 трлн долларов. Значительные средства были затрачены американским государством на медицинскую и финансовую помощь пострадавшим. Совокупные расходы США на обеспечение безопасности страны достигли 100 млрд долларов. Расходы федерального правительства на эти цели в 2001 г. составляли 17 млрд долларов, в 2002 г. они возросли до 29 млрд долларов. В 2003 г. выделено 36 млрд долларов. После терактов 11 сентября власти штатов США вынуждены были затратить на повышение уровня безопасности около 6 млрд долларов. Муниципалитеты городов и населенных пунктов США потратили на эти же цели 2,6 млрд долларов.

Анализ последствий атак в Нью-Йорке и Вашингтоне, проведенный Американской актуарной академией (AAA), зафиксировал прямой ущерб на уровне 60 млрд долларов. Интересно, что общий максимальный ущерб от потенциального теракта аналогичного масштаба сегодня, по расчетам AAA, составил бы не менее 778 млрд долларов. Подобный разрыв в оценках объясняется прежде всего особенностями реакции в США на происшедшее. Интерес клиентов страховых компаний к страхо-

ванию на случай терактов резко возрос, соответственно, возросли и потенциальные суммы выплат¹.

Сразу после 11 сентября 2001 г. биржа NYSE была закрыта, а после восстановления рынок оказался существенно ниже уровня закрытия. Федеральная резервная система, возглавляемая в то время А. Гринспеном, вынуждена была пойти на снижение базовой ставки до беспрецедентных 3%, чтобы хоть как-то помочь обвалившемуся в одночасье фондовому рынку: большинство североамериканских индексов рухнуло до минимальной за три года отметки, причем больше всех пострадал Dow Jones, снизившийся более чем на 7%. Больше всего «просели» котировки авиаперевозчиков, авиастроительных компаний («Boeing»), а также крупных страховщиков типа «Metife» и «Citigroup» и компаний увеселительно-отельного бизнеса.

Следующие крупные теракты уже не так влияли на мировые рынки — атаки в Мадриде в 2004 г. и Лондоне в 2005 г. хотя и сопровождалась снижением цен, тем не менее лондонские события не затронули биржи США. Мировой бизнес постепенно адаптировался ко всякого рода случайностям, в том числе масштабным.

В России рынок всегда довольно инертно реагировал на события в мире — в силу своего отставания в развитии. Впервые серьезное влияние нового фактора он ощутил в 1999 г., когда были взорваны дома на улице Гурьянова, — индекс РТС резко пошел вниз. После американских и лондонских событий он слегка тоже «просел», но быстро восстанавливался. В дальнейшем трагические события в России и мире проходили мимо инвесторов практически незамеченными. Взрывы в метро («Автозаводская», «Рижская») не оказали сильного влияния на биржевые настроения, а вот Беслан и «Норд-Ост» были цинично проигнорированы. В этом смысле мы больше ориентируемся на реакцию, производимую терактами за рубежом, чем на происшествия внутри России.

Абстрагируясь от эмоциональных и политических оценок реакции финансовых структур на террористические акты, важ-

---

¹ См.: Зарязиков А., Зайко А., Паперная А. Цена террора // Профиль. 2007. № 28.

но видеть возможные направления комплексного измерения «цены» терроризма. А они, как можно было убедиться, весьма разнообразны.

§ 3. «Цена» криминального обмана

При всем многообразии измерения «цены» криминальной агрессии «цена» обмана всегда будет выше.

Это показывают и статистические данные зарегистрированной преступности. Достаточно составить *рейтинг преступлений, нанесших наибольший материальный ущерб в 2006 г. в России* (табл. 17).

Из табл. 17 видно, что наблюдается серьезное несовпадение между рейтингом преступлений, нанесших наибольший материальный ущерб, и удельным весом этих же преступлений в общей структуре преступности: *уклонение от налогов и незаконное предпринимательство, которые в совокупности составляют менее 0,5% в общей структуре преступности, дают более трети всей общей «цены» преступности.*

При этом экономический ущерб от налоговых преступлений можно умножить на 20, учитывая ранее сделанные расчеты о реальном числе этого вида преступлений.

Такова «цена» криминального обмана.

Но в эту «цену» следует включить еще множество показателей.

Вот что констатировал в ноябре 2006 г. на заседании Правительства России глава Центробанка Сергей Игнатьев: «В результате бездействия финансовых, налоговых и таможенных органов из России ежегодно утекает около 150 млрд рублей». Столь крупная утечка происходит в результате «очень странных процессов», связанных с налогом на добавленную стоимость (НДС).

Сложившуюся ситуацию можно назвать фантазмагорией, поскольку Центральный банк вынужден лишь констатировать факт, не имея возможности его исправить. Очевидно, что в данной ситуации должны работать правоохранительные органы, однако «дырки» в налоговом, регистрационном и прочем законодательстве не позволяют эффективно это делать.

Схемы, о которых говорилось на заседании Правительства, используют все крупные олигархические структуры. И глав-

Таблица 17

Преступления, нанешие наибольший материальный ущерб

Рей- тинг	Преступле- ние	Установлен- ная сумма ущерба (млн рублей)	Обеспечение возмещения материального ущерба (млн рублей)		Удельный вес преступ- лений в об- щей структу- ре преступ- ности (%)
			Наложен арест на имущество	Изыято иму- щества, де- нег, ценно- стей и доб- ровольно погашено	
	Все престу- пления	182 950,2	19 901,3	61 127,5	100
1	Уклонение от уплаты налогов	41 263,3	5301,4	20 425,1	0,4
2	Мошенни- чество	35 242,4	4770,7	8991,9	5,8
3	Незакон- ное пред- принима- тельство	27 847,6	813,3	12 858,3	0,05
4	Кражи	26 659,4	85,6	3153,0	43,5
5	Присвое- ние или растрата	7182,0	3191,1	1589,0	1,7

ное, ни Центробанк, ни Правительство не знают, что с этим делать (!).

То же самое касается и так называемых серых схем обналички. На итоговой (за 2006 г.) коллегии МВД России помощник Президента России В. П. Иванов, говоря о масштабах теневого финансового оборота, отметил угрожающую динамику роста обналиченных через российскую банковскую систему денежных средств, «который за год составил 28%, в абсолютном выражении — 10 трлн руб. И это без учета социальных выплат!» По мнению В. П. Иванова, все эти средства, с одной стороны,

являются «питательным ресурсом» коррупции и организованной преступности, с другой — служат финансированию «серого импорта».

А ведь указанный выше ущерб не входит в официальную статистику ущерба от преступности. Так же как не входит в него и, например, ущерб от мошеннических операций с банковскими картами. По оценкам МВД России, за 2007 г. он превысил 200 млн рублей. Однако, по подсчетам самих банкиров, эта цифра значительно больше: свыше 1,5 трлн рублей.

Госорганы не в состоянии контролировать мошеннические операции по указанным картам. До МВД доходит не вся информация по фактам мошенничества, а лишь те данные, что фиксируются правоохранительными органами. МВД сложнее оценить этот сектор, поскольку ведомство может считать только те факты нарушения, фигуранты которых привлекаются к ответственности. Кроме того, статистика МВД не учитывает мошенничества, связанные с интернет-платежами. Они же, по данным платежной системы VISA, чаще всего используются в незаконных транзакциях.

Мошеннические операции с пластиковыми картами не запрещены законодательством. Так, ст. 187 УК РФ, определяющая меры ответственности за незаконное изготовление и сбыт кредитных и расчетных карт, не менялась на протяжении последних 10 лет. В статье до сих пор не прописана ответственность за использование поддельных карт и производство без умысла последующего сбыта.

Количество преступлений, связанных с использованием пластиковых карт, ежегодно в мире увеличивается в несколько раз, а *наносимый ими материальный ущерб возрастает в геометрической прогрессии* по сравнению с хищениями, совершенными обычными (традиционными) способами. Подделка кредитных карточек, воровство с помощью ЭВМ приняли характер подлинного бедствия в США, Италии и других странах. Компании, особенно банки, стремятся скрыть факты компьютерного воровства, поскольку опасаются падения доверия вкладчиков, акционеров, партнеров. Поэтому в официальной статистике масштабы потерь почти не регистрируются. Да и жертвы часто не подозревают, что их обокрали. Эксперты полагают, что в США *с помощью ЭВМ из банков похищают вчетверо больше, чем при вооруженных ограблениях*. С начала XXI в. ежегодные потери

возросли более чем в 20 раз и составляют десятки миллиардов долларов.

49% российских компаний ежегодно становятся жертвами экономических преступлений. При этом средняя сумма ущерба от различного рода мошенничества составила 3,1 млн долларов США на одну пострадавшую компанию. Такой вывод содержится в обзоре экономических преступлений за 2005 г., проведенном компанией «Pricewaterhouse Coopers» и специалистами немецкого Университета Мартина Лютера. Причем о большинстве фактов мошенничества российские компании не сообщали в правоохранительные органы.

Многომиллионный ущерб (в долларовом исчислении) нанесен в начале 1990-х гг. российским гражданам мошенническими действиями в рамках различных финансовых «пирамид»¹. Так, только в результате преступлений Мавроди и К^о финансовой пирамидой «МММ» гражданам нанесен ущерб в размере более 100 млн долларов США.

Еще большие по объему ущерба мошеннические действия уже в 2005—2007 гг. совершены различными преступными структурами в отношении так называемых обманутых дольщиков (соинвесторы жилья). На начало 2006 г. «цена» финансового и строительного мошенничества составила свыше 15 млрд рублей².

* * *

«Цена» преступности может быть подсчитана самыми разными способами. Возможен метод, которым пользуются аналитики группы World Federation, выполняющей заказы ООН. Они понимают под «ценой» преступности совокупные активы преступных организаций. По их расчетам, *международные преступные организации контролировали в 2007 г. активы на 2 трлн долларов США.*

Большая часть дохода мировой криминальной «империи» — более 520 млрд долларов США в год — поступает от интеллектуального пиратства и производства поддельных товаров. Второй по величине источник доходов — торговля наркотиками —

---

¹ См.: Организованная преступность и частные инвестиции / Под ред. А. С. Овчинского, В. И. Попова. М., 1998.

² См.: РБК-недвижимость. 2006. 21 янв.

320 млрд долларов США, торговля людьми приносит преступникам ежегодно 44 млрд долларов США¹.

При всей сложности определения «цены» преступности (из-за латентности самой преступности, ее неоднородности) такие измерения необходимы.

Они показывают реальную общественную опасность преступности, дают возможность определить ориентиры измерения эффективности борьбы с ней.

---

¹ См.: Мировая преступность контролирует астрономическую сумму денег // РИА «Новый Регион». 2007. 14 сент.

Для сравнения объем ВВП России в 2006 г. составил немногим больше 1 трлн долларов США. Капитализация российской газовой монополии «Газпром» составляет порядка 250 млрд долларов США.

Вместо заключения. Свободная личность, сильное государство и уголовная политика

Называя книгу «Криминологическое измерение», авторы изначально под «измерением» понимали не столько некую измерительную процедуру, сколько выявление качественных и количественных характеристик и закономерностей преступности как особого рода деструктивности, присущей человеку по причине несовершенства его материальной и духовной природы. Несовершенство это имеет индивидуальный и множественный (социальный) уровни своего проявления.

Именно духовность человека как уникальная жизненная характеристика отличает его от всего тварного сущего. Только человек, как духовное существо, способен к святости, подвигу, творчеству, но именно человек в силу его духовного несовершенства способен и к преступлению.

Амбивалентный (биполярный) характер человеческой духовности — один из главных методологических постулатов, принятых авторами при подготовке представленного читателю труда.

Рассматривая человеческое бытие во всей его материально-духовной полноте, т. е. с позиций реализма, авторы отстаивают реальность человеческой деструктивности (зла, греха) в научных дискуссиях с приверженцами идей нормативного релятивизма или идей, сводящих все основания и причины преступности к противоречиям общества, игнорируя органические, технические и духовные противоречия как личности, так и самого общества.

Изучая вопросы детерминации криминального поведения, авторы исходят из постулата онтологического равенства статусов личности и общества.

Социологи традиционно подводят личность под субординацию ограничений, накладываемых на нее обществом. Но это только часть истины. Декларировав онтологическое равенство личности и общества, мы указываем на то, что и личность наклад-

дывает (возможно, асимметричные) ограничения на общество, такие как: духовность своего бытия, амбивалентность духовных качеств, включая онтическую способность к деструктивности, иррациональность, эмоциональность и др. Эти ограничения неизбежно определяют характер общества, его этическое и гражданское развитие.

Следовательно, диапазон факторов, процессов, явлений при определении поведения должен быть максимально широким. Поскольку преступление не только социальный феномен, некоторые аспекты изучения индивидуального преступного поведения, установление его причин зависят от возможностей научного проникновения в тайны духовного бытия личности, от успехов изучения архетипов и иных побудительных сил, определяющих поведение личности. С учетом этого криминология не должна порывать связи с научными направлениями, изучающими глубинные области психики и человеческой духовности.

Что касается преступности как множественного (социального) проявления деструктивности, ее элементы и свойства мы стремились представить в виде системной информационной модели, характеризующей уже само общество, переживающее диалектику добра и зла.

Рассмотрение человека «во весь рост», т. е. как существа не только материально-социального, но и духовно-суверенного, приводит к истине, казалось бы лежащей на поверхности: *все, что создается в рамках культуры, создается через мотивацию каждого отдельного субъекта и относится к сфере добра или зла. Забвение этого закона — одна из причин низкой эффективности общественных усилий, предпринимаемых, в частности, для борьбы с преступностью. Мы пытались выразить требование этого закона призывом к прагматическому правилу всякого управления: эффективность управления поведением может быть обеспечена лишь тогда, когда законы, меры, программы, проекты образуют цепочку процессов, факторов, событий, которые касаются мотивации членов общества, иницируемой положительным этическим помыслом человеческой духовности.*

В связи с этим встает проблема соотношения свободной, суверенной личности и государства.

После событий 11 сентября 2001 г. в политических и научных кругах вновь актуальной стала тема соотношения свободы

личности и роли государства в жизни общества и мироустройства в целом. Модные проблемы глобализации и сетевых структур, которые якобы придут на смену национальным государствам в XXI в., сменились обсуждениями вопросов суверенитета, функций государства в экономике, обеспечения безопасности и правопорядка.

Некоторые крупные теоретики мирового уровня, такие, например, как Фрэнсис Фукуяма (США), фактически на 180 градусов изменили свои подходы к проблеме государственности в XXI в.

В одной из своих последних работ «Сильное государство» Ф. Фукуяма пишет, что более 30 лет ведущей тенденцией в мировой политике было ослабление государственности. Между тем чрезмерная свобода государства вела к падению эффективности его работы.

По мнению Ф. Фукуямы, при ослаблении государственности (так называемых сумерках государственности) государство сразу же заполняет разношерстное собрание международных организаций, преступных синдикатов, террористических групп. «За неимением ясного ответа, — пишет он, — нам остается только вернуться к суверенному национальному государству и снова попытаться понять, как сделать его сильным и успешным».

Возвращение к концепции «сильного государства» чрезвычайно важно для России. До сих пор и в научных и политических «элитах» имеется немало сторонников низведения функций государства до минимума. Рынок многими понимался и понимается как полностью самовоспроизводящаяся система, где государство якобы не должно играть никакой роли. В результате эта «самовоспроизводящаяся» система была заполнена олигархическими, криминальными, полукриминальными структурами, которые стали выполнять функции государства.

Произошел процесс, который, как мы уже указывали, именуется *огосударствлением* мафии. Имеется в виду ситуация, когда при отсутствии должной роли государства и невыполнении последним своих обязанностей их перехватывают структуры очень похожие на классические мафиозные: они коррумпированы, имеют нелегальный силовой ресурс, «решают» свои проблемы за рамками права (причем любого — уголовного, гражданского, административного).

Естественно, что олигархические и криминальные структуры, «реализуя» функции государства, делают это не из филантропических побуждений, а в целях получения сверхприбылей, и с наименьшей отдачей своей доли прибылей тому же государству в виде налогов, таможенных платежей, ренты.

В этой связи весьма красноречиво описывал сложившуюся у нас в стране ситуацию академик Дмитрий Львов. «В стоимости производимого в России валового продукта, — отмечает он, — 75% занимают природные ресурсы. За счет труда создается только 5% национального богатства. Но эти проценты дают нам 2/3 всех собираемых налогов. Тогда как нефть, газ, лес, металл и т. д. дают лишь 13% налоговых поступлений. В результате этого государство ежегодно недополучает в бюджет 40—60 млрд долларов».

Это и есть результат замены функций государства олигархически-криминальным управлением. Ведь группы и кланы, владеющие сырьевыми ресурсами (нефтью, газом и т. д.), никакого отношения к самим ресурсам не имеют. Но экономическая система России сложилась таким образом, что весь дополнительный доход от повышения цен на энергоресурсы эти группы и кланы используют не на нужды государства, а исключительно на себя.

Присвоив то, что им не принадлежит, криминально-олигархические группы используют эту прибыль не на развитие производства и социальные нужды, а в основном на личные нужды. А поскольку внутри страны реализовать огромные богатства сложно из-за неразвитой практики такой реализации, то устремления указанных групп и кланов направлено за рубеж.

В ноябре 2006 г. «The Sunday Times» сообщила, что на британский рынок недвижимости пришла новая волна русских финансистов, которые «раскрутили» «портфель» общей стоимостью более 2,2 млрд фунтов. Одна пятая всей лондонской недвижимости, проданной в течение 12 месяцев до июля 2006 г., была куплена русскими, и это больше, чем купили американцы и ближневосточные шейхи вместе взятые.

Свидетельствуют ли эти данные о том, что Россия — сильное государство? Скорее, наоборот. Это говорит о том, что государство в России не выполняет свои функции регулирования экономики. Не выполняет оно в полной мере и функции *уголовной политики*.

Как известно, уголовная политика — это часть общей политики государства (в том числе экономической), и, естественно, если экономическая политика контролируется криминально-олигархическими кланами, то уголовная политика не может быть свободной от такой «экономической» политики.

Вернее сказать, уголовная политика во многом направлена на защиту этих же криминально-олигархических кланов.

Достаточно вспомнить изъятие конфискации имущества как вида уголовного наказания из Уголовного кодекса в 2003 г. Это противоречило всем международным обязательствам России по ратифицированным ею конвенциям ООН и Совета Европы. Но такая ситуация была противоестественна в условиях сильного государства, а не в условиях огосударствления мафии.

Примечательно, что институт конфискации восстановлен в 2006 г. в некой новой, незнакомой для отечественного уголовного законодательства форме как «иная мера уголовно-правового воздействия», а не как вид наказания.

Такая же любопытная ситуация сложилась и с уголовно-правовыми мерами борьбы с отмыванием преступных доходов. Эти меры касаются по действующему Уголовному кодексу всех преступлений, кроме тех, которые непосредственно связаны с отмыванием преступных доходов — целой группы экономических, в том числе налоговых и таможенных преступлений.

Но если нельзя нормальными международно-правовыми способами бороться с отмыванием грязных денег и нельзя конфисковать имущество у преступников в виде наказания, то это представляет собой довольно *странный вариант уголовной политики, которая защищает не экономическую безопасность государства, а безопасность узкой группы лиц и структур, присвоивших недра государства и ряд функций государства.*

Другим не менее серьезным искажением современной российской уголовной политики является *гипертрофированно-либеральный подход к самой сути этой политики.*

Здесь также произошел перехват функций государства. Но уже несколько другой направленности. Узкая группа политиков и ученых присвоила себе функцию от имени государства навязывать всему обществу модели радикально-либерального уголовно-процессуального законодательства. В 2001 г. буквально в конспиративном режиме (чтобы «злые силы реакции» не помешали) был разработан и в ускоренном порядке принят новый

Уголовно-процессуальный кодекс. При этом были проигнорированы предложения и замечания всех федеральных правоохранительных ведомств, научных коллективов и практиков-правоведов.

Из целей уголовного процесса исчезли такие основополагающие положения, как собственно борьба с преступностью, предупреждение преступлений, установление истины по уголовным делам. Приоритет отдан состязательности сторон. защите прав обвиняемых и подозреваемых. На небывалую высоту превознесен суд присяжных — как панацея от всех бед уголовного судопроизводства.

Разработчики нового Уголовно-процессуального кодекса считают, что они, видимо, совершили «нравственный подвиг», одарив общество супердемократическим законом.

Но тогда встает вопрос, почему Конституционный Суд России в 2003—2007 гг. признал положения 19 статей этого Уголовно-процессуального кодекса неконституционными и принял уже десятки определений, где в своих правовых позициях фактически разъясняет те или иные нормы Уголовно-процессуального кодекса, чтобы они были понятны и гражданам и правоприменителям?

Оправданно ли было это конспиративно-демократическое принятие Уголовно-процессуального кодекса при таких правовых результатах?

Мудрость уголовной политики заключается в том, чтобы она была адекватна той социальной, политической и экономической ситуации, которая сложилась в обществе. При этом надо учитывать многие факторы, в том числе и общественное мнение населения и профессионалов, определяющих эту политику.

В конце концов, самый совершенный, самый демократический и либеральный закон может быть использован как инструмент проведения любой политики.

Выдающийся юрист, либерал, социалист Энрико Ферри, будучи депутатом итальянского парламента, последние годы жизни разрабатывал самый гуманный, по его мнению, Уголовный кодекс Италии. Он его разработал, и Кодекс был принят другим социалистом, правда, национал-, — Бенито Муссолини. И на основе этого либерального Уголовного кодекса проводился фашистский террор в Италии.

Сами по себе любые либерально-демократические конструкции Уголовного или Уголовно-процессуального кодекса не защищают общество и граждан от злоупотреблений власти. *Ведь уголовная политика — это не только законодательная и правоприменительная политика, это и политика как таковая.*

А политика как таковая — всегда борьба за власть! В ней помимо законодательных конструкций используется совершенно другой инструментарий. Политологи вежливо именуют его «административным ресурсом». На самом деле в этом понятии заключена масса технологий воздействия на судей, следователей, прокуроров, оперативных работников, сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Если «административный ресурс» давления сочетается с мафиозно-олигархическим ресурсом (а это, как мы уже указывали, в современной России происходит сплошь и рядом), то правоприменители оказываются в тройном капкане — «административно-олигархически-мафиозном», а Закон как таковой играет в уголовной политике в данном случае явно не первостепенную, а только инструментальную роль.

Какой же должна быть уголовная политика (в классическом понимании) у сильного государства?

Преступность порождена многими факторами, но криминологами давно доказано, что малейшее послабление в борьбе с преступностью, непринятие мер по так называемым малозначительным преступлениям моментально приводит к всплеску преступности тяжкой.

Сильное государство обязано защищать своих граждан на ранней стадии возникающей опасности, не заботясь о статистических показателях и своей «негуманности» по отношению к так называемым малозначительным преступникам.

Сильное государство не должно бояться выглядеть нелиберальным при создании и расширении сети специальных учреждений для маргинальных слоев населения: алкоголиков, наркоманов, бродяг, социально-опасных детей и подростков, не достигших возраста уголовной ответственности.

Государство несет ответственность за миллионы этих людей, которые стали таковыми в результате его (государства) политики.

Одновременно государство обязано защищать от этих людей еще не пораженную патологиями часть общества, так же как оно обязано защищать общество от преступников.

Нет никакого противоречия между развитием духовности свободной, суверенной личности и обеспечением безопасности ее существования.

Российская уголовная политика предполагает точное представление о криминальной ситуации. Это касается и данных статистики, и оперативных данных о лидерах и членах преступных формирований.

Российская уголовная политика предполагает открытое обсуждение законопроектов, приглашение к работе всего научного и практического потенциала, исключение клановости и лоббизма в подготовке законопроектов и организаторских решений.

Российская уголовная политика не может игнорировать международные обязательства и стандарты, она должна исключать любые виды радикализма и иметь одну цель — локализацию преступности, обеспечение безопасности наших граждан, создание условий для развития современной экономики.

Российская уголовная политика по декриминализации регионов должна тщательно учитывать их специфику, особенно на Северном Кавказе. Но этот учет «специфики» не должен превращаться в передачу местным «элитам» всех рычагов уголовной политики. Следует согласиться с экспертами, полагающими, что сложившаяся за десятилетия кланово-экономическая система на Северном Кавказе — это сложное многоуровневое явление, которое невозможно изменить заменой «верхнего элемента» сложившихся структур.

В такой кланово-экономической системе зреет народное недовольство, особенно среди молодежи. Это недовольство умело используется исламистскими силами. Правы те исследователи, которые пишут, что российской власти угрожают не подпольщики-бандиты, а политически и идейно мотивированные люди, понимающие свои цели и задачи, в отличие от местной коррумпированной «элиты». Но, к огромному сожалению, власти приходится полагаться именно на последних. Ведь за «идейно-мотивированной» оппозицией отчетливо видны их цели — сепаратизм и построение «независимых» исламских государств. Этот «опыт» хорошо известен по недавним временам

басаевской «Ичкерии». Речь идет об образовании мафиозно-террористических псевдогосударственных образований. Мириться с этим — это значит вновь отбросить Россию к середине 90-х гг. XX в. Безусловно, уголовная политика должна строиться с учетом недопущения такой ситуации.

И последнее, российская уголовная политика не может быть результативной на фоне клановой войны внутри самих правоохранительных органов и спецслужб, особенно в ситуации, когда борьба ведется за доли в крупном бизнесе. Длительное продолжение такой клановой борьбы саму уголовную политику «схлопывает» и превращает ее не в собственно политику, а в ее имитацию.

Приложение

Экономические издержки насилия в отношении женщин

*(Из доклада Генерального секретаря ООН
«Углубленное исследование, посвященное всем формам насилия
в отношении женщин», июль 2006 г.)*

Насилие в отношении женщин наносит ущерб как самим женщинам, так и их семьям, общинам, обществу и стране. Оно снижает способность жертв, переживших насилие делать продуктивный вклад в семейную, экономическую и общественную жизнь; истощает ресурсы социальных служб, системы правосудия, медицинских учреждений и работодателей; снижает общий образовательный уровень, мобильность и инновационный потенциал жертв, переживших насилие, их детей и даже лиц, совершающих это насилие.

Анализ издержек насилия в отношении женщин полезен для понимания остроты проблемы, поскольку показывает экономическое воздействие насилия на бизнес, государство, группы внутри сообщества и отдельных лиц; подчеркивает степень распространения подобного насилия и подтверждает, что оно является предметом озабоченности общества, а не личной проблемой. Благодаря данному анализу может быть предоставлена важная информация для распределения специальных бюджетных ассигнований на программы по предупреждению насилия и возмещению причиненного им ущерба, а также убедительно доказана необходимость делать бóльшие вложения в осуществление стратегий вмешательства и борьбы с насилием на раннем этапе, а не допускать продолжения насильственных действий, не ослабляя их.

Существует несколько видов издержек кратковременного и долговременного характера: 1) прямые затраты на службы, связанные с насилием в отношении женщин; 2) потери, связанные со снижением уровня занятости и производительности труда; 3) «цена» человеческой боли и страданий.

Прямые затраты на службы, связанные с насилием в отношении женщин, включают реальные траты граждан, правительств и бизнеса на товары, приспособления и услуги для лечения и поддержки жертв, переживших насилие, и привлечение виновных к суду. Эти службы охватывают систему уголовного правосудия (полицию, прокуратуру, суды, тюрьмы, программы исправления преступников, систему исполнения приговоров к общественным работам и выплате компенсации жертвам); медицинские учреждения (службы оказания неотложной и стационарной помощи в связи с физическим и психическим ущербом); жилье (приюты, убежища и систему обеспечения жильем); социальные службы (особенно осуществляющие уход за детьми); финансовую поддержку; другие системы поддержки (такие как кризисное консультирование при изнасиловании; линии психологической помощи по телефону), а также затраты на гражданское судопроизводство (судебные предписания об удалении из дома или иные ограничения в отношении мужчин, совершивших насилие, а также о законном раздельном проживании и дела о разводе).

Оплата услуг вышеуказанных учреждений лежит главным образом на государственном (общественном) секторе. В то время как система уголовного судопроизводства полностью финансируется государством, финансирование остальных служб имеет разные источники. В одних странах службы поддержки и приема пострадавших обеспечиваются в основном добровольцами или общественным сектором, в других странах они обеспечиваются государственным сектором либо непосредственно, либо через государственное финансирование поставщиков услуг. В одних странах медицинская помощь обеспечивается государственным сектором, а в других люди несут расходы сами или с помощью частного страхования.

Вторая крупная категория затрат относится к снижению уровня занятости и производительности труда. Женщины иногда могут отсутствовать на работе из-за полученных ими повреждений или травм либо могут работать со сниженной производительностью из-за полученных травм и стресса. Расходы возникают и в тех случаях, когда женщины теряют работу в результате временного отсутствия или снижения производительности труда или из-за того, что были вынуждены сменить место жительства. Как работники, так и работодатели несут затраты в

результате таких перебоев в работе. Если женщины могут потерять заработанное, то работодатели могут потерять продукцию и столкнуться с затратами на оплату пособий по болезни или на набор и обучение нового персонала. Некоторые исследования включают в сумму этих затрат и утерянный доход государства от налогообложения вследствие потерь рабочей силы и продукции.

Третья категория затрат представляет собой опосредованную стоимость боли и страданий, причиненных женщинам. Это нематериальная стоимость, которую платят жертвы, пережившие насилие. Постепенно государство начинает включать «стоимость» боли и страданий в анализ своих затрат и доходов. Например, подобные издержки учитываются при подсчете убытков от преступных действий или когда производится оценка стоимости дорожно-транспортных происшествий при планировании новых дорог.

Существуют и другие издержки, вызванные насилием в отношении женщин, но их крайне трудно оценить. В некоторых исследованиях они отмечаются как категория издержек, но количественные данные не включаются в их оценки. Такими имеющими важное значение издержками являются, в частности, последствия насилия для детей, которые становятся его свидетелями. Выражаются эти издержки в необходимости врачебного консультирования детей в результате полученного ими психологического вреда, а также в отсроченных затратах по причине более низкой успеваемости детей в период получения ими образования и сниженной продуктивности производственной деятельности.

В то время как в некоторых исследованиях об издержках насилия в отношении женщин внимание акцентируется на специфических видах затрат, большинство исследователей учитывают как затраты на содержание служб, так и утраченные доходы. В материалы нескольких исследований дополнительно включены издержки перенесенной боли и страданий.

Первое исследование экономических издержек насилия в отношении женщин было проведено в Австралии в 1988 г. Большинство исследований проведены в развитых странах.

Затраты, подсчитанные в исследованиях, существенно варьируются в результате различий в методике подсчета. В Канаде ежегодные прямые расходы, связанные с насилием в отноше-

нии женщин, оцениваются в 684 млн канадских долларов, направляемых на содержание системы уголовного судопроизводства, 187 млн канадских долларов — на содержание полиции и 294 млн канадских долларов — на проведение консультаций и обучение, всего более 1 млрд канадских долларов в год. Согласно проведенному в Великобритании исследованию, в ходе которого была подсчитана стоимость процедур отправления правосудия, медицинской помощи, социальных служб, жилья, юридической помощи, непродуцированной продукции, боли и страданий, итоговые издержки бытового насилия были оценены в 23 млрд фунтов стерлингов в год, или 440 фунтов стерлингов на человека. Данные проведенного в 1998 г. национального выборочного обследования 7000 финских женщин по вопросу определения масштаба насилия и его последствий позднее были использованы для оценки экономических издержек насилия в отношении женщин в Финляндии. Были подсчитаны прямые затраты на медицинскую помощь, социальные службы, полицию, суды и расходы, связанные с заключением под стражу, а также косвенные расходы: стоимость утраченной человеческой жизни, потерь рабочего времени и труда добровольцев. Затраты были оценены в 101 млн евро в год, или приблизительно 20 евро на человека. По оценке Всемирного банка, болезни, связанные с бытовым насилием и изнасилованием, составляют до 5% всех заболеваний женщин в возрасте 15—44 лет в развивающихся странах и 19% — в развитых.

Издержки насилия в отношении женщин огромны. Они не только подрывают благосостояние отдельных лиц, семей, общин и проч., но и снижают темпы экономического развития каждой страны. Даже в новейших, содержащих наиболее полные данные обследованиях издержки насилия недооценены, поскольку не был учтен целый ряд факторов. Тем не менее все они указывают, что неспособность бороться с насилием в отношении женщин имеет серьезные экономические последствия, подчеркивая необходимость решительных и постоянных превентивных действий.

Содержание

Введение	5
Глава I. Методологические основы криминологического измерения	7
§ 1. Понятие преступности в постсоветской криминологии	8
§ 2. Трехмерное измерение преступности	14
§ 3. Пределы позитивистской методологии в криминологии	23
§ 4. Человек «в просвете бытия» (некриминологические размышления)	38
§ 5. Духовный суверенитет личности и криминология	45
§ 6. Антропологический (личностный) и ситуативный (экзистенциальный) уровни криминологического познания	60
§ 7. Криминологическая оценка выбора вариантов поведения	81
Глава II. Кримиотропные риски и их измерение	90
§ 1. Риск совершить преступление	91
§ 2. Риск быть изобличенным в совершении преступления и понести уголовное наказание	94
§ 3. Риск подвергнуться несправедливому уголовному преследованию и наказанию	101
Глава III. Информационная модель преступности и система криминологических показателей	117
§ 1. Размер (уровень) преступности	119
§ 2. Интенсивность преступности	130
§ 3. Структура преступности	134
§ 4. Динамика преступности	145
§ 5. Территориальное распределение (география) преступности	158
§ 6. Общественная опасность преступности	162

---

§ 7. Латентность преступности	169
§ 8. Организованность преступности	199
§ 9. Детерминированность преступности	206
Глава IV. «Цена» преступности	228
§ 1. «Цена» криминальной экспансии	233
§ 2. «Цена» криминальной агрессии	240
§ 3. «Цена» криминального обмана	252
Вместо заключения. Свободная личность, сильное государство и уголовная политика	257
Приложение. Экономические издержки насилия в отношении женщин	266

*Леонид Васильевич Кондратюк
Владимир Семенович Овчинский*

Криминологическое измерение

Издательство НОРМА
Лицензия № 03206 от 10 ноября 2000 г.
101990, Москва, Колпачный пер., 9а
Тел./факс (495) 621-62-95. E-mail: norma@norma-verlag.com
Internet: www.norma-verlag.com

Редактор *М. Л. Шацкая*
Корректор *Н. С. Платонова*
Художник *С. С. Водчиц*
Компьютерная верстка: *В. М. Родин*

Подписано в печать 07.04.08
Формат 60×90/16. Бумага офсетная
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная
Усл. печ. л. 17,00. Уч.-изд. л. 15,98
Тираж 1000 экз. Заказ №

По вопросам приобретения книг обращайтесь:

«Издательский Дом ИНФРА • М» —
официальный дистрибьютор Издательства НОРМА
(опт, розница, книга — почтой, доставка)
127282, Москва, ул. Полярная, д. 31в
Тел.: (495) 363-42-60 (многоканальный);
(495) 363-42-60 доб. 215 (справки о наличии);
(495) 363-42-60 доб. 247 (книга — почтой);
(495) 363-42-60 доб. 251 (заключение договоров);
Факс: (495) 363-92-12
E-mail: books@infra-m.ru. Internet: www.infra-m.ru

Центр комплектования библиотек
119019, Москва, ул. Моховая, д. 16, корп. К
Российская государственная библиотека
Тел.: (495) 202-93-15

Книжный супермаркет «Библиосфера»
(розничная продажа)
м. «Пролетарская», ул. Марксистская, д. 9
Тел.: (495) 670-52-17, 670-52-18, 670-52-19
www.bibliosfera-ddk.ru
